

А.В. Павловская

Как иметь дело с англичанами

**Несентиментальное путешествие или как иметь дело с
англичанами**

Введение	3
Глава 1. Отъезд, или Начало	8
1. Посольства и визы.	8
2. Зачем россиянину ездить в Англию.	14
3. Прибытие в страну.....	17
4. Английский язык	20
Глава 2. Английский патриотизм и отношение к иностранцам.....	26
1. Патриотизм: миф или реальность.....	26
2. Мой дом – моя крепость.....	31
3. Англия и мир.	36
4. Отношение к иностранцам.....	40
Глава 3. Путешествие по Англии или особенности национального быта	45
1. Независимое путешествие и особенности английского автомобилеводения.	45
2. «Живая история» или «историю – в жизнь!»	55
3. Верность традициям или как помыться в английской ванной.	61
Глава 4. «Знаменитая» английская кухня.	76
1. Английская кухня и национальное самосознание	76
2. Традиционный английский завтрак	81
3. Об английском пьянстве	86
4. Магия земли: что едят в Англии.	96
Глава 5. Чему улыбаются англичане.....	104
1. Сады и парки	104
2. Английский чай	112
3. Еще немного английского счастья. Для туристов.	122
Глава 6. Люди и общение с ними	128
1. Разговоры о погоде	128
2. Все счастливые семьи счастливы по-своему.....	133
3. Английская очередь – основа общественного порядка.	140
4. Во что верит англичанин.....	143
Глава 7. Особенности национального характера	151
1. Следствия воспитания	151
2. Загадочная английская душа	157
Заключение. Возвращение домой.	162

Введение

Долгие годы для нашей страны понятие «иностранец» было очень непростым. С одной стороны, это был «потенциальный противник», используя терминологию военной кафедры, который представлял эту самую потенциальную угрозу как отечеству в целом, так и отдельным рядовым гражданам. Не только официальная пресса, но и сама жизнь подтверждала это на каждом шагу: так, например, никого из жителей славного и тогда еще, в уже далекие 1970-е, тихого города Тарусы не удивил происшедший с местным пастухом случай (ударение на а). Однажды теплым субботним вечером он пропал, да так, что взволнованная жена и поднятые ею по тревоге соседи не могли нигде найти его аж два полных дня. Наконец он появился, помятый, с ключьями сена в волосах и поведал следующую историю: в субботу вечером он возвращался тихо-мирно домой, чтобы помочь жене по хозяйству, как вдруг натолкнулся на двух иностранцев («мириканцев» по одной из более конкретных версий). Они схватили его, насильно открыли рот и влили большое количество неизвестной жидкости, после чего он все забыл, а очнулся на чужом сеновале через два дня и с сильной головной болью. В историю поверила вся Таруса, даже жена пострадавшего, хотя и выражавшая сомнение в той части, которая касалась предполагаемой помощи по хозяйству (видимо, это показалось наиболее невероятным во всей истории). Потому что все тогда знали, что враг не дремлет, а значит надо быть начеку.

Была и другая сторона проблемы – перед иностранцем нельзя было ударить лицом в грязь. В самые дефицитные времена самая рядовая советская семья принимала редких залетных иностранцев не хуже, чем Иван Грозный английских послов. Столы ломились от различных яств, хотя для этого приходилось собирать все ресурсы и поднимать все связи (разочаровывало одно – ни один иностранец, как и во времена грозного царя, был не в состоянии съесть и десятой доли предложенного), вино и водка лились рекой, а приглашенный специально для этого племянник лихо исполнял «Подмосковные вечера» в качестве культурной программы.

И все-таки эти загадочные существа манили. Они являлись живым воплощением совершенно иного мира, который был далек, недоступен, и оттого таинственен и привлекателен. Поездка из Москвы во Владивосток (6352 км) никого не удивляла, а вот в соседний Берлин (1850 км), пусть даже социалистический, становилась событием. Главное, хотелось знать, как там они, люди, что едят, как живут, как работают, все это было мало или совсем не было известно рядовым гражданам.

Кое-какие сведения о том, другом мире все-таки проникали, хотя и крайне скудные. Были редкие счастливчики, своего рода небожители, различные дипломаты и журналисты, путешествовавшие по миру и привозившие домой информацию, которая потом распространялась в форме устного народного творчества среди друзей и знакомых. Однако, круг их общения и обитания за границей, как правило был очень замкнут и ограничивался советским посольством и своими соотечественниками, реальную жизнь они видели крайне мало. Официальные публикации журналистов в прессе чаще всего ограничивались рубрикой «Их нравы», что, конечно, было познавательно, но давало несколько однобокое представление.

Превосходные передачи типа «Клуба путешественников» с незабываемым Юрием Сенкевичем увлекались экзотикой и показом жизни таких народов, которые, казалось, пришли из далекого прошлого или из передачи «В мире животных». Основная же масса сведений о далеких странах черпалась жителями «самой читающей страны мира» из художественной литературы: любимых романов и повестей зарубежных писателей. Вот и существовали в России своеобразные знатоки разных стран и народов: Парижа трех мушкетеров, Лондона Шерлока Холмса, Германии трех товарищей, Америки Фенимора Купера и Джека Лондона, а весь остальной мир охватывали книги Жюль Верна, безбожно путавшего Латинскую Америку с Африкой. В школах и институтах изучали «Королевский» английский язык и немецкий, основанный на практике допроса военнопленных: и то, и другое было достаточно далеко от реальной жизни.

Живые, реальные люди в этой ситуации оставались совершенно неизвестными нашим соотечественникам: их слегка жалели (по рубрике «Их нравы» и советским фильмам об их жизни), слегка завидовали (по смутным рассказам о молочных реках и кисельных берегах), но в общем-то мало

волновались по их поводу. Впрочем, уютно спрятавшись за железным занавесом, никто и как соседей-то их не воспринимал.

Но это все было раньше. А что же теперь? Теперь все изменилось. Мир – большой, светлый, манящий открылся для россиян во всем своем разнообразии – для кого-то пошире, для кого-то поуже, но для всех. В распахнутые двери потекли потоки томимых любопытством граждан: кто работать, кто учиться, кто «на ловлю счастья и чинов». Заметный на Западе спрос на русских жен нашел душевный отклик у наших соотечественниц, перебивавшихся к своим молодым мужьям целыми кланами: с родителями, детьми, бывшими мужьями, внуками, словом, всем, кто был под рукой (Из письма счастливой мамы новобрачной середины 1990-х: «Мы все приехали на свадьбу – я с мужем, младшая дочка, моя сестра с двумя племянниками, школьная подруга моей дочки. Да все тут и остались»).

И все заметнее нарастал поток туристов и отдыхающих, чем не преминули воспользоваться возникшие массово туристические фирмы, делавшие отдых все более дешевым, что увеличивало поток туристов, что увеличивало число турфирм, что удешевляло отдых и т.д. по кругу как в сказке про белого бычка. Теперь уже не надо было обязательно иметь родственника за границей или добиваться «выездной» работы, достаточно было просто накопить определенную сумму, или взять ее в долг, или получить в подарок от внезапно разбогатевшего сына, чтобы поехать посмотреть как оно там все на самом деле. При этом многие ездили и продолжают это делать на последние (они же первые) деньги. У нас никогда не было – «сейчас накопим на учебы сыну, потом на лечение в старости, потом на что-нибудь еще полезное, а потом, на оставшееся, съездим за границу». Все хорошо запомнили, что может случиться с деньгами, оставленными на черный день, когда этот день внезапно наступит, к тому же долгое время жил подспудный страх – а вдруг эту дверь опять захлопнут, а я еще так и не видел Париж, говорят он весьма изменился со времен трех мушкетеров, но очень похож на кадры из фильма «Сабрина».

Новая жизнь поставила и новые задачи. Оказалось, что язык, который учили в школе и вузе, безнадежно устарел. Но им все равно можно пользоваться, поймут. Оказалось, что они там совершенно такие же как мы: две руки, две ноги, посередине все то же самое. Оказалось, что там не так уж и медом обмазано как представлялось, так что жить там постоянно и не хочется.

Оказалось также, что там совсем и не так уж плохо, так что поездки такие приятны и интересны. Современные дети чаще лучше представляют себе египетские пирамиды, чем дворцы Санкт-Петербурга (одна из знакомых студенток искренне воскликнула – «я тут в Питере побывала, ну и красота, а ведь везде была: в Италии, на Кипре, Турции, Испании, но нигде такой красоты не видела»). Ну что ж 22 года еще не так плохо для знакомства со своей страной).

Но главным открытием можно считать то, что несмотря на то, что Европа широко распахнула свои объятия для русских туристов, она все равно осталась для них тайной. Прекрасно организованные на любой вкус туристические маршруты не сильно отличаются от просмотра телепередачи или художественного фильма: видишь все главные, давно знакомые по открыткам и книжкам, достопримечательности, питаешься массово в безликих ресторанах псевдонациональной едой, близко узнаешь только свой автобус (лайнер, если путешествие морское) и живо проникаешься проблемами маленького, но сложного организма – своей тургруппы. Конечно, знание, кто сегодня опять опоздает к автобусу и задержит весь маршрут, кто вечером напьется и будет хотеть общения, ругая все и вся вокруг и тоскуя о родине, а кто не ночевал в своем номере и очень даже хорошо известно, в каком он ночевал, - все это небезынтересно и поучительно, но только вряд ли за этим надо ездить в далекую и дорогую Европу.

То же самое относится и к отдыху на курортах, чаще всего сводящемуся к сидению на пляже или у бассейна в компании все тех же соотечественников (см. выше) и редким вылазкам на экскурсии. Реальная настоящая жизнь и люди по-прежнему прячутся за забором гостиницы или стеклом автобуса. Конечно, такая поездка дает возможность сказать: я видел Колизей, или Эйфелеву башню, или пирамиды, скрыв при этом духоту, толкучку, шум и тайную мечту только о гостинице вечером и кружке холодного пива. Но многие ли могут сказать при этом – я видел итальянцев, французов, испанцев (торговцы сувенирами не в счет)?

Цель этой книги – дать представление, прежде всего, о людях, населяющих теперь уже столь близкие нам страны, их характерах, нравах, привычках, научить общению с ними и пониманию их поведения. А также – показать места, чаще всего незнакомые нашим соотечественникам, но

составляющие прелесть и очарование данной страны, попытаться раскрыть тайны земли, те скрытые от глаз интуриста удовольствия, который она таит, помочь понять главное в каждом конкретном случае, ну и, конечно, обратить внимание именно на те места, которые близки и интересны именно российским гражданам. Книги эти предназначены для тех, кто любит путешествовать, и сможет открыть для себя новые пути, способы и места, для тех, кто едет в турпоездку или на курорт, и хочет познакомиться с окружающим его миром не выходя с пляжа, для тех, кто много общается с иностранцами здесь, в России, наконец, для тех, кто сидит дома, предпочитая старый русский способ познания мира – не сходя с любимого дивана. А, главное, надо помнить, что познание других людей есть всегда познание самих себя.

Глава 1. Отъезд, или Начало

1. Посольства и визы.

Знакомство русского человека с настоящей границей начинается, увы, с посольства. Правда, все еще существуют страны, хотя их становится все меньше, которые принимают нас и без предварительной проверки, но, как это ни странно, подобная поездка имеет меньше значимости и в собственных глазах, и во мнении окружающих. Фраза: «Туда даже виза не нужна», почему-то сразу убивает большую долю настоящей «заграничности». Не можем мы без трудностей! И запретный плод всегда сладок...

Главный страх всех посольств – нелегальная эмиграция, и именно на ее предотвращение направлены основные усилия их работников. Правда, у обывателя невольно возникает два вопроса: во-первых, насколько эффективна эта система и скольких нелегальных эмигрантов смогли остановить допросы с пристрастием, проводимые работниками посольств, а во-вторых, не проще ли было бы те средства, которые уходят на содержание всей огромной консульской службы, передать на поддержание эмигрантов, если им так уж хочется уехать, тем более что было бы желание, а сделать это всегда можно, купив, например, невинный, на первый взгляд, тур.

Каждое посольство это уже кусочек другого мира и то, как оно ведет дела, в полной мере отражает национальные особенности соответствующей страны. Американское посольство четко делит всех граждан, желающих въехать в их страну, на различные категории, а также единственное имеет большое количество разных видов виз. По одной визе ты можешь только дышать воздухом свободы, по другой – еще и получать деньги за работу, по третьей – только «учиться, учиться и учиться», по четвертой – только выйти замуж и так далее, причем, как в старом анекдоте про котлеты с картошкой и гуляш с макаронами, «меняться нельзя». Если у тебя есть надежное приглашение на кратковременную работу, получение визы в американском посольстве сводится к приятной утренней прогулке по Садовому кольцу – тебя уже вдоль и поперек проверили там, на месте, прежде чем выслать приглашение, поэтому делать

одну и ту же работу дважды никто не будет. Высокий престиж университетов – приглашения на конференции, на различные встречи и переговоры на темы науки вызывают заметное уважение и обычно не встречают препятствий.

Самое большое зло – частные приглашения: при проведении так называемого «собеседования» в этом случае совершенно определенно используются методы допроса гестапо: кто, где, когда, зачем и сколько раз – и попробуй хоть раз сбейся при ответе, в лучшем случае, все начнется сначала, в худшем – ты получишь отказ. Прекрасной иллюстрацией к данной ситуации является американский же фильм – «Вид на жительство» (с Жераром Депардье), где французский нелегал-музыкант и американская любительница живой природы должны подтвердить подлинность своих чувств знанием самых невероятных вещей – от цвета носков мужа до любимого вида зубной пасты и дезодоранта жены, а забывчивость француза, запутавшегося в названии лосьона для лица, которым пользуется супруга, заканчивается выдворением его из Соединенных Штатов (в России, боюсь, в этом случае большинство браков были бы признаны фиктивными).

При общении с работниками американского посольства надо держаться спокойно и с достоинством, всячески показывая, что тебе очень хорошо здесь, дома, а туда ты хочешь так просто съездить, из любопытства. Агрессия, вызов, сентиментальность, слезы – все это только мешает делу. Одна роскошно одетая дама, явно из категории тех, у которых все есть, на вопрос о цели поездки гордо сообщила, что едет обставлять недавно купленную квартиру в центре Нью-Йорка, ответ совершенно неверный с точки зрения логики посольства. Вопрос «откуда у вашего мужа деньги на квартиру и как он может подтвердить их легальность», был самым простым из потока, обрушившегося на ее уложенную модным парикмахером голову. Лившиеся у соседнего окошка слезы и горестная история о «мальчике» (здоровом олухе, стоявшем рядом с хрупкой старушкой), которому нужно повидать работающую в Америке маму, также имели крайне негативный эффект на суровых слушателей по другую сторону барьера и прошение закончилось отказом.

Понять принцип работы и логику итальянского посольства не может никто, судя по всему, даже его служащие. Вдруг, легко и играючи, они могут выдать долгосрочную многократную визу по совершенной «филькиной грамоте». Но это – случай редкий. Чаще бывает совсем наоборот. Так,

преподаватель МГУ им. М.В. Ломоносова, собравшийся немного поработать на благо итальянского народа и подучить их слегка русскому языку, ожидал визу более двух месяцев – по сверхофициальному приглашению из министерства образования, заверенному в министерстве труда, подтвержденному в министерстве науки, завизированному еще тремя министерствами (на подготовку приглашения и его визирование итальянской стороне потребовалось полгода) – и получил ее только после того как сообщил в посольство о своем намерении вообще отказаться от работы.

А один московский журналист позвонил в отдел прессы, поговорил с очень приятным и дружелюбным Марио, рассказал о планах сделать репортаж о прекрасной Италии, получил полную поддержку и одобрение, и окрыленный помчался в посольство – получать визу. Марио, при личной встрече оказавшись столь же дружелюбным и радостным как и по телефону, сказал, что конечно виза будет, но только нужно приглашение. «Если бы было приглашение, - следуя отечественной логике возразил наш журналист, - я бы не стал обращаться к вам, а сразу пошел бы в консульский отдел. Вы хотите репортаж в ведущем российском журнале о прекрасной Италии или нет?» «О да, конечно, мы здесь для этого и сидим, чтобы помогать русским журналистам писать про нашу прекрасную страну. Мы очень быстро сделаем вам визу, очень быстро. Но только нужно приглашение от итальянской стороны».

Последнее время редкой либеральностью стало отличаться французское посольство. Либеральность эта, конечно, касается только тех граждан, которые собрали весь необходимый пакет многочисленных документов и смогли четко ответить на поставленные вопросы. В этом случае виза дается в тот же день и часто на больший срок, чем указан в приглашении. Есть свои национальные особенности и здесь. Так, сотрудников французского посольства очень волнуют вопросы морали и нравственности: папа, выезжавший по туру с двумя дочками, никак не мог вразумительно ответить, почему они едут без мамы – тот факт, что у него есть отпуск, а у нее был весной, когда она ездила с дочками же отдыхать, не казался французам весомой причиной для разлуки. И ну никак не давали визу девочке, которую мама решила отправить в Парижский Диснейленд со своей лучшей подругой, это никак не умещалось в голове у французского сотрудника: «- Это ваша дочь?», «- Моя», «- Но вы не едете?», «- Нет, едет моя лучшая

подруга, потому что меня не отпустили с работы», «- Но дочь ваша?», «- Моя» и так бесконечно долго.

Особое удовольствие – получение виз в тех посольствах, где нет большого количества жаждущих их получить соотечественников. Например, в норвежском, где все просто, по-домашнему, в уютном деревянном домике во дворе посольства. Или еще лучше в исландском, где вообще тишина и покой, а на посетителей смотрят с удивлением. Единственная встреченная там работница сообщила, что на оформление исландской визы уходит не меньше двух недель, так как все документы отправляются в Исландию по почте. Подумав, она сообщила, что срок увеличится до месяца, так как она с завтрашнего дня уходит в отпуск. Еще немного поразмышляв под аккомпанемент жалобных криков, суть которых сводилась к тому, что через месяц заканчивается отпуск, а в Исландии туристический сезон, она взяла паспорта, ушла в соседнюю комнату и вынесла их через пять минут с готовыми визами.

Свои национальные особенности есть и в деятельности английского посольства. Во-первых, это попытки ввести упорядоченные очереди в беспорядочное русское общество. Если, например, во французском, как и в большинстве других посольств российские граждане сами определяют систему очередности, включающую пресловутые номерки на руке, загадочные списки, в которых надо время от времени отмечаться и которые вдруг внезапно исчезают, как раз когда подходит твоя очередь, наглые проскакивания с независимым видом прямо к заветному окошку, якобы «я имею право, а вы все разойдитесь», мольбы и рассказы о поезде, который через час уходит, словом, весь привычный набор, то англичане сделали все, чтобы этого избежать. Вход в посольство и к окошку, в котором принимают документы, огорожены железными барьерами, через которые невозможно проскочить, и на всякий случай охраняются неприступного вида охранниками, которые возвращают наглецов в конец очереди. Англичане сами выдают тебе номерок, по которому тебя вызывают на собеседование, что сразу исключает все попытки прорваться вперед других, остается только расслабиться и получать удовольствие.

Еще одной особенностью получения визы в английском посольстве является сочетание здравого смысла (знаменитой особенности английского характера!) с привычными многочисленными бюрократическими правилами и распорядами (знаменитая особенность любого посольства!). Отнюдь не

являясь либеральными (это подтвердят все, кто не смогли получить заветную английскую визу, а такие случаи не редкость) требования посольства лишены ненужных и порой абсурдных бюрократических нагромождений: здесь легко принимают в качестве приглашения факсы, электронные письма, даже просто написанные от руки на листочке бумаги. И это справедливо, так как хорошо известно, что с современной техникой подлинники приглашений (которые требуют большинство посольств), с печатями и подписями, при желании также легко подделать как и факсы. Одна юная москвичка много лет подряд оформляла себе визу по приглашению, написанному себе самой от имени своей английской подруги, резонно говоря, что это не имеет значения, так как в случае проверки подруга подтвердит его (барышня эта давно вышла замуж за англичанина и теперь сама приглашает своих московских подруг). К тому же англичане не любят мелочиться, так что если уж дают визу, то сразу на полгода и многократную.

Вместе с тем получение визы в английском посольстве отнюдь не относится к разряду приятного времяпрепровождения. Самые разнообразные вопросы, легко переходящие в допрос с пристрастием, сыпятся на головы бедных россиян, решивших совершить путешествие на далекий зеленый остров. Один из самых больных – источники дохода. Почему эта тема столь волнует посольских служащих, гораздо больше, чем российские налоговые службы, относится к числу мировых загадок. Почему деньги, которые наши щедрые сограждане будут тратить в значительных количествах в их стране (а мы за короткий срок уже успели восстановить репутацию самых безрассудных транжиров в Европе), должны быть непременно «чистыми», трудно объяснить здравым смыслом. И уж конечно наивная идея, что «чистота» денег может подтверждаться бумажкой с печатью, как будто ее наличие хоть что-нибудь подтверждает, говорит о том, что русская душа все-таки остается загадкой для иностранцев.

Столь же непонятным является интерес к интимной жизни и моральному облику отъезжающих граждан. Не раз приходилось наблюдать следующие сцены: молодая пара, представляющаяся как директор и менеджер московской турфирмы, обращается с просьбой о выдаче визы с целью установления деловых контактов с английскими фирмами. Предлог вполне разумный, но по каким-то причинам не показавшийся таковым посольскому служащему. На

молодых людей обрушивается шквал вопросов – где познакомились, при каких обстоятельствах, как много общаются, есть ли общие интересы и, наконец, главный – есть ли между ними «отношения». Немолодая пара, пытавшаяся надавить на романтические чувства и откровенно сообщившая, что хочет поехать в Англию, чтобы в приятной обстановке отметить десятилетие своих близких отношений, подверглась основательному допросу в духе полиции нравов, кульминацией которого было выяснение того, почему они не хотят оформить свои отношения законным путем.

Не исключено, конечно, что тема моральной устойчивости становится столь важной в связи с ключевым вопросом – возможной эмиграцией, что ставит под особое внимание, прежде всего, юных незамужних россиянок. Впрочем, английские службы последнее время стали заметно лояльнее в этом вопросе видимо осознав всю тщетность попыток справиться с ситуацией. Юные и не очень, замужние и разведенные, российские дамы легко находят выход из самых сложных ситуаций и продолжают пользоваться неизменным спросом на европейском рынке невест.

Иногда и наши люди берут реванш за те допросы и унижения, которым мы подвергаемся при получении визы. Однажды с большим удовольствием наблюдала за группой немолодых (50-60 летних), находящихся в пике интеллектуальной активности, российских дамочек, допрашиваемых одна за одной вялым английским юношей. Уже первый невинный вопрос – «Цель вашей поездки», приводил дам в неистовство, а юношу в уныние. Самый скромный ответ содержал не меньше 10 имен известных и такого же количества никому неизвестных английских писателей, места рождения которых необходимо, по мнению российских интеллектуалок, посетить, а также значительное число дат и фактов английской истории, перечисление памятников художественной культуры и пр. Юноша, явно ничего не читавший после окончания колледжа, кроме «Гарри Поттера», томясь от нараставшего комплекса неполноценности, пытался прервать этот поток информации, но бывал добит уже отходящей от окошка очередной дамой фразой типа: «И, конечно, в Саффолк, посетить любимые места прогулок великого Гейнсборо».

В последнее время турфирмы все чаще берут на себя оформление выездных документов и, тем самым, лишают граждан возможности пройти это первое испытание на прочность при столкновении с иной культурой и иным

менталитетом. Если же серьезно, получение визы, так же как и позже прохождение паспортного контроля при въезде в чужую страну, всегда является большой нервной нагрузкой для наших соотечественников. Даже самые добропорядочные из них испытывают некий душевный трепет при мысли о том, что вскроется что-то в их жизни (о чем они забыли, или не посчитали весомым преступлением, или просто не знают о себе), что помешает заветной цели – выезду за рубеж. Правда, это в большей степени касается старшего поколения, для которого подобные поездки все еще сохраняют ореол некоторой запретности и тайны и которое, наученное разнообразным историческим опытом, все еще не уверено в том, что будет завтра, не закроют ли эту заветную дверь и не придется ли, как и раньше, смотреть на Европу через полуприкрытое окно.

2. Зачем россиянину ездить в Англию.

Что же заставляло и заставляет россиян проходить через все эти муки, тратить время, нервы, силы и очень большие деньги ради того, чтобы несколько дней или недель, у кого сколько хватит средств, провести вдали от дома, спать на чужих постелях, есть незнакомую и не всегда приятную пищу, испытывать дискомфорт от нахождения среди людей, язык и нравы которых, чаще всего совершенно непонятны? Что вызывает невольную зависть у тех, кто по каким-либо причинам не может себе этого позволить? Что заставляет с неослабевающим интересом - несмотря на обрушившийся на головы поток телевизионных передач, позволяющих сегодня вместе с очередным бородатым счастливчиком заглянуть в любой уголок земного шара, виртуально испытав все трудности и удовольствия заветного путешествия - слушать рассказы друзей-очевидцев, которые побывали **там** сами и видели все своими глазами?

Чувства, волновавшие молодого Карамзина перед дальней дорогой, знакомы каждому туристу, собирающемуся впервые за границу: «Сколько лет путешествие было приятнейшею мечтою моего воображения? Не в восторге ли сказал я самому себе: наконец ты поедешь? Не в радости ли просыпался всякое утро? Не с удовольствием ли засыпал, думая: ты поедешь? Сколько времени не мог ни о чем думать, ничем заниматься, кроме путешествия? Не считал ли дней

и часов? Но – когда пришел желаемый день, я стал грустить, вообразив в первый раз живо, что мне надлежало расстаться с любезнейшими для меня людьми...».

Неизбежно возникает и следующий вопрос: почему россиян тянет в Англию. В Англии отсутствует почти все, что интересует россиян в чужих странах: нет морских курортов (то есть они формально есть, но купаться или загорать там практически невозможно), модных престижных мест развлечений, экзотики. Зато Англия с давних пор считается, и справедливо, одним из самых дорогих европейских государств. Да и соблазнов здесь много, так что подобное путешествие неизбежно заканчивается финансовым кризисом.

Исторически Англия никогда не была местом массового паломничества русских. Как и в других странах, в России к ней относились скорее с уважением, чем с любовью. Во Франции развлекались и приобщались к модным веяниям, в Германии отдыхали и лечились, в Италии – сливались с прекрасным и лелеяли эстетическое чувство. В Англию ездили, в первую очередь, дипломаты, деловые люди, ученые, а также политические изгои. Историк М.П. Погодин писал, что «во Франции жить можно всего веселее, в Англии свободнее, в Италии – приятнее, в Германии спокойнее». Судя по статистике выезжавших в разные европейские страны в этом ряду ценностей для русского человека свобода оказывалась на последнем месте.

Сегодня в Англию ездят, во-первых, учиться. Английский язык, став языком международного общения, принес немало средств своей родной стране. Озабоченные образованием своих детей россияне стремятся хотя бы один разок отправить любимое чадо попрактиковаться в столь нужном для будущей жизни предмете, свято веря, что сам воздух Альбиона даст их отпрыскам некий запас знаний и навыков. В этом плане другие места, предлагающие тот же язык, но по более дешевой цене – гордая Ирландия, идущая на сделку со своей гордостью из коммерческих соображений, жаркая Мальта, поспешно овладевшая нужными навыками и некоторые другие – конкурировать с Англией не могут, воздух не тот. Те, кто обладают значительным состоянием, предпочитают отправить своих детей в английские школы или колледжи на долгосрочное обучение: престиж английского образования и, особенно, воспитания по-прежнему очень высок. Каждый состоятельный россиянин в глубине души мечтает о сыне-джентльмене или дочери-леди.

К другой категории принадлежат интеллектуалы, те, кто свысока относятся к пляжам Кипра или, тем более, Турции, кого не влекут природа Финляндии, массовое групповое приобщение к искусству Италии, а бывшие соцстраны вызывают в памяти только поговорки типа «журица не птица, Болгария не заграница». Для них Англия - это прежде всего Лондон, с шикарными магазинами и ресторанами, со знаменитыми музеями и модными театрами. Это не только, хотя и чаще всего, богатые снобы, но и просто люди, выросшие в тогда еще «самой читающей стране мира», на произведениях английской классики и получившие возможность, о которой они когда-то и не могли мечтать, увидеть своими глазами мир, существовавший до этого только в их воображении.

И все-таки, в силу экономических причин, Англия страна прежде всего для богатых людей. Здесь есть что купить, есть кому продать, есть где блеснуть своим богатством, не боясь выделиться. В силу особенностей национального характера в Англии даже на владельцев несметных состояний никто не будет обращать особого внимания: во-первых, здесь их собралось много со всего мира, а во-вторых, в этой стране не станут реагировать, наверное, даже на марсианина, так как, по английским понятиям, проявлять любопытство по отношению к другим людям просто неприлично.

Как и раньше, Англия для многих остается символом политической свободы, она же, в свою очередь, усердно поддерживает этот образ, отдавая, как и во многом другом, дань исторической традиции. Это привлекает сюда разного рода политических беглецов и диссидентов, причем, не только из России. В идеале, конечно, два условия – богатство и свободомыслие – сходятся, тогда Англия становится просто землей обетованной.

Помимо этого продолжают посещать страну ученые, исследователи и деловые люди. С недавних пор молодое поколение россиян признало Лондон молодежной столицей, приезжать сюда, выражаясь ее же, молодежи, словами «это круто!».

Словом, хотя и не являясь местом массового туризма, Англия безусловно имеет немало поклонников, о чем свидетельствуют огромные очереди, выстраивающиеся ежедневно в английское посольство. Причем, в отличие от многих других мест, здесь не бывает «внесезонья», граждане стоят и под дождем, и снегом, и под палящим солнцем, стремясь осуществить свою мечту и

попасть в эту далекую страну, такую знакомую и одновременно загадочную. Еще большее число людей, даже и не мечтая когда-нибудь увидеть зеленый остров свободы, хранит в душе свою Англию.

3. Прибытие в страну

Итак, наконец, цель ясна, визы получены, деньги найдены, билет куплен, вещи собраны, и вот - Шереметьево. Интересно, что в день отъезда главный международный аэропорт страны уже сам по себе представляется местом загадочным, радостным и немножко иностранным, своего рода прелюдией к предстоящему празднику (на обратном пути впечатление всегда другое, но об этом в свое время). Магазины «Duty-Free» манят своими яркими бутылками, все куда-то летят и это придает всему происходящему особое настроение, кажется, что весь мир открыт для тебя, что нет виз, границ, трудностей – просто садись и лети куда хочешь. У наших соотечественников чувство праздника сопровождается часто и соответствующими поступками: только в Шереметьево в буфете в 9 часов утра можно увидеть приличных интеллигентных людей, пьющих коньяк или шампанское с фантастически дорогими бутербродами. Не от голода и жажды, конечно, а для поддержания особого ритуала.

Кстати, в последние годы значительно сократилось пьянство во время полетов. Лет пять назад нередко отдельные пассажиры с песнями выгружались из самолета. Многие даже подводили под это базу, мол, страшно очень лететь, вот и приходится напиваться. Сегодня публика заметно посерьезнела, может быть, сменился состав пассажиров, а может, просто перестала бояться полетов.

Пересечение границы момент всегда очень ответственный. Теперь только тонкая линия отделяет путешественника от заветной цели. При этом еще в посольствах предупреждают, что пограничники имеют право отказать во въезде в страну даже при наличии визы.

При въезде в страну английские пограничники действительно настроены весьма серьезно. После того как ты отстоял четко организованную очередь, твое первое знакомство со знаменитыми английскими очередями, ты попадаешь в

руки представителей власти. Они вновь повторяют тот допрос, который уже состоялся до этого в посольстве. Куда едешь, зачем, на какой срок и, главное, кто за тебя платит и откуда у тебя деньги. Наибольшим усердием отличаются «лица восточной национальности», чаще всего пакистанцы или индусы, которых в аэропорту Хитроу работает превеликое множество. Видимо, получив не так давно заветное английское гражданство, они с особым подозрением относятся к тем несчастным, которым это сделать не удалось. А может просто по личному опыту знают, что обманы в этой ситуации не редкость.

«Коренные англичане» гораздо менее пристрастны и любопытны: они даже могут пожелать вам приятного время проведения в их любимой стране. Правда, толпы наших взволнованных соотечественников, большая часть которых или от незнания, а скорее от волнения, не понимает ни одного их вопроса, могут утомить кого угодно. Один раз летом, в разгар школьных каникул, уставший пограничник, окинув безнадежным взглядом беснующуюся возбужденную толпу юных россиян, спросил обреченно: «Скажите, а в России еще остались дети?»

Каждая граница имеет свои национальные особенности. Чемпионами по спокойствию, не сказать бы пофигизму, можно считать испанцев, которые штампуют паспорта, не глядя на фотографию, ничего не спрашивая, зато без остановки общаясь друг с другом. Внимательно, хотя и без волнений пропускают немцы, если все до последней закорючки в вашем паспорте правильно, вам нечего бояться. Как всегда, непредсказуемы итальянцы – они могут под влиянием минуты, если они, например, хотят спокойно попить кофе, пропустить вас совсем без визы, такой случай реально был, а могут с самой что ни на есть законной визой продержат полчаса, дотошно по-итальянски добываясь от вас правды. Французы слишком привыкли к нам, чтобы еще реагировать, не только «в общественном парижском туалете есть надписи на русском языке», как во времена Высоцкого, теперь уже половина Парижа говорит по-русски.

Вообще же российский паспорт, как правило, вызывает повышенное волнение, даже опытные пограничники чувствуют себя бессильными перед загадочной русской душой. Кто их разберет, этих русских, зачем они едут и что они собираются делать. Особенно это заметно в тех странах, где русские еще не стали массовым явлением. Так, в Исландии страж порядка однажды минут 15-

20 пристально рассматривал наши документы, ничего не спрашивая, видимо, пытаюсь между строчек прочитав, с какой целью мы пытаемся проникнуть в его страну. Спокойно и легко воспринимают нас финны. Они одни из немногих иностранцев, которые нас не боятся и вполне представляют, что от нас можно ожидать. Потом, кому-то же надо продавать свою овсянку, масло и бумагу, об этом они тоже не забывают. Нет, формальности все должны быть соблюдены, и, в отличие от французов, визу вам дадут ровно на тот срок, который указан в приглашении, никаких вольностей и отступлений от правил тут не будет. Но общение на границе, в основном, идет довольно спокойно и даже радостно.

Англичане при всей строгости все-таки сохраняют здравый смысл и если ваши намерения чисты, а сведения, которые вы сообщаете, близки к правде, бояться вам нечего. Один британский журналист, работавший в Соединенных Штатах, приводит случай в лондонском аэропорту, когда он был остановлен пограничником, поскольку его младший ребенок, родившийся в Америке, не имел еще британских документов. «Как долго вы собираетесь пробыть в Англии?» – был задан вопрос. «Не менее полгода» – последовал ответ. «Я не могу вас впустить, по правилам ваш сын, без соответствующих документов, не имеет права провести здесь больше двух недель. Но мы поступим следующим образом. Я схожу за начальством, а вы, на его вопрос о сроке пребывания ответите – две недели, хорошо?» Невозможно себе представить, чтобы вопрос был улажен подобным образом, например, в той же Америке.

Наконец, последнее о въезде в страну. Воздух Европы нередко пьянит наших сограждан. Вот она свобода, вот он порядок, вот она безопасность, словом, вот оно все то, чего нам сейчас так не хватает дома. Часто в этом случае вес мир кажется прекрасным, а все окружающие люди – добропорядочными. Разве мы не читали много раз об этой английской черте в книжках. Вместе с тем необходимо быть очень аккуратным, поскольку помимо добропорядочности Англия всегда славилась своими жуликами, особенной виртуозностью отличались карманники, которыми особо богата эта земля.

Курьезный случай произошел с фаворитом Екатерины II знаменитым графом Григорием Орловым, побывавшем в Лондоне в 1775 году. Могучий «русский медведь» произвел большое впечатление на местных жителей, особенно на женскую половину, с которой он нещадно флиртовал. Великолепие одежды, блеск золота и бриллиантов, ее украшавших, мощная фигура – все это

не оставило равнодушными даже английских воришек. Однажды, выйдя после спектакля из Ковент-Гардена, Орлов обнаружил, что из кармана исчезла его золотая табакерка, усыпанная драгоценными камнями. Она была похищена знаменитым на весь Лондон Джорджем Баррингтоном, прозванным «королем карманников», которого, правда, не растерявшийся русский герой тут же отловил. Правда, посадить вора не удалось, так как он успел во время поднявшейся кутерьмы сунуть табакерку графу назад в карман, да и Орлов был настроен благодушно и не захотел возбуждать дело. Говорят, что Екатерину очень развеселила эта история, она долго смеялась, приговаривая, «я знала, что в Англии воздадут справедливость князю Орлову»

Надо отметить, что хотя я и не граф Орлов, и золота с бриллиантами у меня не было, но в первый же мой приезд ловкие карманники взрезали мою сумочку и вытащили из нее кошелек, да так, что я ничего не почувствовала и ничего не заметила, пока не полезла за деньгами. Так что Европа Европой, а осторожность не мешает.

4. Английский язык

Важная проблема, с которой неизбежно сталкиваешься, попадая в чужую страну, это проблема языковая. Собственно говоря, практика показывает, что она отнюдь не является центральной. Для получения удовольствия от пребывания в другой стране гораздо важнее другие факторы, например, настрой. Если он положительный, если вы твердо решили, что вам будет хорошо, то скорее всего, так оно и будет. Очень важно знание и понимание другой культуры, стремление понять, принять и даже простить те случаи, которые идут в разрез с вашими представлениями о прекрасном. Достаточно согласиться с тем, что чужое не значит плохое, а значит просто другое, чтобы жизнь за границей стала намного проще.

Без языка же вполне можно и обойтись. Один мой хороший знакомый, путешествуя по различным странам, проводил один и тот же эксперимент: разговаривал с местными жителями только на русском и в соответствии с результатами, оценивал тот или иной народ. Удивительным образом, очень многие его понимали и не только в магазинах и ресторанах, где подобное

понимание часто обусловлено коммерческими интересами. Он любит приводить эпизод, происшедший с ним в городе Толедо, когда он стоял, открыв рот перед городским собором. Рядом оказался строитель, ремонтировавший что-то на площади. Состоялся следующий разговор, причем каждый говорил исключительно на своем родном языке, будучи совершенно не знакомым с языком собеседника. «Что, красивый собор?» «Да, очень». «А вы откуда?» «Из России» «Красивая страна. Надеюсь, вам у нас понравится».

Знаменитый Фигаро утверждал, что в Англии прекрасно можно обходиться минимумом слов: «Дьявольщина, до чего же хорош английский язык! Знать его надо чуть-чуть, а добиться можно всего. Кто умеет говорить *god-dam*, тот в Англии не пропадет. Вам желательно отведать хорошей жирной курочки? Зайдите в любую харчевню, сделайте слуге вот этак (*показывает, как вращают вертел*), *god-dam*, и вам принесут кусок солонины без хлеба. Изумительно! Вам хочется выпить стаканчик превосходного бургонского или же кларета? Сделайте так, и больше ничего. (*Показывает, как откупоривают бутылку*.) *God-dam*, вам подадут пива в отличной жестяной кружке с пеной до краев. Какая прелесть! Вы встретили одну из тех милейших особ, которые семянят, опутив глазки, отставив локти назад и слегка покачивая бедрами? Изящным движением приложите кончики пальцев к губам. Ах, *god-dam*! Она вам даст звонкую затрещину, - значит, поняла. Правда, англичане в разговоре время от времени вставляют и другие словечки, однако нетрудно убедиться, что *god-dam* составляет основу их языка».

Еще более простой выход нашел герой Н.С. Лескова, оказавшийся волею судеб в далекой Англии: «Сел тут левша за стол и сидит, а как чего-нибудь по-аглицки спросить – не умеет. Но потом догадался: опять просто по столу перстом постучит да в рот себе покажет, - англичане догадываются и подают, только не всегда того, что надобно, но он что ему не подходящее не принимает».

Но, конечно, знание языка очень помогает и делает вашу жизнь совсем другой. Вы больше видите, больше понимаете, меньше боитесь, чувствуете себя спокойнее. С английским языком проблема заключается в том, что хоть немного, но его знают практически все, а вот понимают немногие. Начать с того, что тот английский, которому нас всегда учили, так называемый королевский английский (в самой Англии его называют BBC English) пригоден

в основном для беседы с королевой, если у вас вдруг будет такой шанс. Курсы так называемого разговорного языка, обещающие обучить вас настоящему живому английскому, тоже хороши только в определенной ситуации: если представить, что все население страны будет разговаривать теми 20 шаблонными фразами, которым вас научат, в случае отступления от этого принципа или просто изменения порядка слов в фразе, вы скорее всего ничего не поймете.

Известный русский критик XIX века Н.И. Греч писал друзьям из Лондона, «если я хорошо понимаю человека, который говорит по-английски, то заключаю, что он говорит плохо; когда же не могу различить слухом ни одного слова, безошибочно решаю, что он говорит по-английски чрезвычайно хорошо». С ним согласятся многие современные туристы, часто иностранца, говорящего на неродном ему английском, понять гораздо легче, чем коренного англичанина.

Однако, это еще не все. Сколько раз приходилось слышать жалобы от людей, достаточно свободно владеющих английским языком, что они ничего не понимают из того, что им говорят и могут читать только письменную речь. Английский язык на маленьком по нашим масштабам острове имеет огромное количество диалектов, акцентов и вариантов, причем прежде всего фонетических. Профессор Хиггинс из «Пигмалиона» Б. Шоу (лучше известный сегодня по популярному мюзиклу «Моя прекрасная леди» и фильму с Одри Хэпберн) утверждал, что может с точностью до шести миль определить место рождения любого англичанина, а если это в Лондоне, то даже с точностью до двух миль, а в отдельных случаях мог указать даже улицу. Это наглядно иллюстрирует положение о том, сколько различных способов произнести одну и ту же фразу существует в рамках только одной столицы. Кроме этого, такая ситуация возможна только в стране с очень четким социальным делением, причем в том случае, когда определенные классы занимают и вполне определенные территории. В России тоже существуют диалекты и варианты языка, что менее удивительно, учитывая масштаб страны, и жителя Вологды можно легко отличить от москвича по характерному оканью, но попробуйте по выговору отличите жителя Коньково от Бибирево или Бусиново. Или даже Смоленска от Калуги или Тулы.

Так что можно и не пытаться понять объявления в автобусах, следующих по английским просторам вне города Лондона, этого часто не могут сделать и

сами англичане, лучше просто подойти к водителю и спросить, где вам выходить. К тому же английская письменная речь резко отличается от произношения: недаром существуют поговорка, что англичане пишут Ливерпуль, а читают Манчестер. В свое время в России не знали как справиться с этой проблемой и даже создавали монстров подобных «Шакеспиару» - попробуйте узнать в этом имени великого барда.

Еще одна сложность заключается в том, что в Англии все больше и больше людей, занятых в сфере услуг, не могут хорошо говорить по-английски. К этому привела непрекращающаяся эмиграция в эту страну жителей бывших колоний, которым разрешен свободный въезд в Соединенное Королевство как искупление вины за порабощение. Поток эмигрантов столь велик, что скоро можно будет говорить о контр-порабощении и необходимости начать искупать вину перед англичанами. Немало сбегается на зеленый остров и жителей из других стран, в том числе и России, привлекаемых идеей свободы и космополитическим духом, по крайней мере, Лондона, если не всей Англии.

Летом в дополнение к этому и без того пестрому лингвистическому составу в Англию на работу очень часто приезжает молодежь со всего света: людей посмотреть, себя показать, а заодно и выучить самый глобальный из современных языков. Так что не стоит удивляться, если вы, тщательно подготовив речь и, справившись с волнением и произношением, обратились к официантке, а она вас абсолютно не поняла. Скорее всего окажется, что она приехала из Испании или южной Франции, а английский знает еще хуже, чем вы.

Ко всему этому надо отметить, что английский язык одновременно и один из самых легких и в то же время непростых языков. С одной стороны, грамматика его достаточно проста – существительные не имеют ни склонений, ни рода, глаголы – спряжений, все сложные грамматические формы сохранились, похоже, только в учебниках, которые используют в России. Овладеть его основами довольно несложно, достаточно выучить несколько базовых элементарных правил, чтобы начать хоть как-то общаться.

С другой, это язык очень гибкий и, если можно так сказать, творческий. Почти любая часть речи может легко стать другой, существительное – глаголом, глагол – прилагательным или наоборот. Соединив произвольно два разных слова, можно легко получить свое авторское третье. Добавление того или иного

предлога к глаголу часто полностью меняет смысл последнего. К тому же англичане обожают разного рода сокращения и выкидывают из речи все, что только можно или передают слово в письменном виде в краткой форме, да так, что легче выучить иероглифы (их число хотя бы конечно), чем английские сокращения, которые возникают каждый день новые. Так что, при кажущейся легкости, овладеть английским языком в совершенстве чрезвычайно сложно, здесь надо самому быть немножко творцом в душе, чтобы до конца понять этот язык без правил. Другое дело, научиться элементарно общаться, здесь ему нет равных.

Сегодня английский язык в нашей стране вытеснил все остальные. Его проходят как обязательный предмет в школах и вузах, а остальные иностранные языки робко забились, хотя и не в угол, но в несколько столичных школ. К тому же экспансия американских, прежде всего, фильмов и английских и американских песен в Россию, а также распространение интернета, в котором лидирует именно английский, привели к тому, что некоторые познания в этой области есть практически у всех россиян. Надо только уметь их использовать.

Интересно, что молодое поколение, выросшее более раскованным и космополитичным, как правило, не имеет больших трудностей при использовании своих, пусть самых скудных, знаний. А вот старшее, даже изучив все правила грамматики и фонетики, очень часто не может рта раскрыть и совершенно не способно общаться. Что лишний раз доказывает, что проблема здесь не в знаниях, а в психологии.

В связи с этим несколько практических советов. Если вы хотите, чтобы вас поняли, во-первых, наберите каши в рот и ни в коем случае не выговаривайте четко звуков - сделаем вид, что это шутка, хотя именно такое впечатление часто возникает при первом общении с англичанами. Побольше используйте мимику и жесты, в Англии это, правда, не принято, но зато может помочь вам найти дорогу или, подобно Фигаро и Левше – пообедать.

А главное, расслабьтесь, не волнуйтесь, не бойтесь сделать ошибку: англичане очень снисходительны к иностранцам и будут стараться понять вас в любом случае, а если им это вдруг удастся, непременно удивятся, какой хороший у вас английский. В соответствии со своими представлениями о приличии они будут слушать вас с серьезным внимательным видом, и только по ответной реплике вы догадаетесь, что вешали впустую, смысл сказанного вами

так и не дошел до слушателя. В этом случае вам надо отвечать тем же, даже если вы, в свою очередь, ничего не поняли из сказанного собеседником. В конце вечера у вас обоих будет твердое ощущение, что вы пообщались с умным воспитанным человеком.

Декан факультета иностранных языков МГУ им. М.В. Ломоносова С.Г. Тер-Минасова советует выпить в том случае, если у вас есть психологический барьер, и вы не можете рта раскрыть в присутствие живых англичан. Стоит прислушаться к мнению ведущего специалиста, тем более, что способ этот должен особенно импонировать нашим соотечественникам. Вы удивитесь, как много слов вы вспомните после первых двух рюмок, но не увлекайтесь и помните, что после десятой вы начнете забывать и русский.

Глава 2. Английский патриотизм и отношение к иностранцам

1. Патриотизм: миф или реальность

Для человека, путешествующего в чужую страну, очень важно знать, какое отношение к нему его в ней ожидает. Конечно, большую роль играет везение и случай – можно столкнуться с неприятными людьми и на всю оставшуюся жизнь ассоциировать страну с чем-то неприятным. Но все-таки есть и общие тенденции отношения к иностранцам в каждой культуре и, если их себе хорошо представлять, то и единичные случаи будут восприниматься как исключение из правила. К тому же, не зная характера того или иного народа, легко ошибиться и принять одно за другое. Вот и с англичанами: уж сколько написано и сказано об их высокомерии, чопорности, холодности. Все анекдоты и многочисленные записки путешественников изобилуют подобными стереотипами. Причем не только в отношении к иностранцам, но и к своим соотечественникам.

Чтобы понять отношение англичан к окружающему миру и другим народам, надо, прежде всего, рассмотреть важнейшую тему их отношения к самим себе и своей стране. Что для англичанина его остров, отделенный от других океаном, его народ, живущий на этом острове, как он воспринимает понятие «патриотизм», сегодня ставшее ругательным во многих странах, но важное тем не менее для любого народа и как все это преломляется в его отношении к чужим культурам.

Англия, как государственное объединение, представляет собой явление уникальное и парадоксальное. Начать с того, что страна эта не имеет определенного названия. То есть, конечно, все знают, что Англия – это часть Великобритании, она же Британия, (куда кроме нее входят еще и Шотландия с Уэльсом), в свою очередь входящей в состав Соединенного королевства (вместе с Северной Ирландией), которое уже в свою очередь входит в Британские острова (с республикой Ирландия и рядом небольших островов). Если вы ищите что-либо в международном справочнике, вы всегда сталкиваетесь с проблемой,

на какую букву искать что-либо английское – на «Е» как в «England», или на «G» – «Great Britain», или может на «U» – «United Kingdom», а оно возьмет и окажется на «В», так как составитель взял и посчитал «Britain» более уместным.

Живут на этих островах, соответственно, англичане, шотландцы, валлийцы, ирландцы, а британцами никто быть не хочет, хотя сегодня найти представителя любого из этих славных и гордых своей независимостью народов в чистом виде практически невозможно. Поэтому, анализируя английский характер волей не волей приходится обращаться к британскому, хотя и держать в памяти, что все эти народы ни в коей мере не похожи один на другой. Подобно традиционному английскому завтраку из яичницы, тоста, жареной сосиски, помидора и грибов, который ничуть не похож на традиционный шотландский (нет более страшного оскорбления, как оговорившись или по наивности, перепутать один с другим) в свою очередь включающий в себя яичницу, тост, сосиску, помидор и грибы.

Ситуация обостряется год от года. В Великобритании замечен подъем внутреннего национализма отдельных ее частей. Ну про ирландцев и говорить не приходится, не прекращающаяся борьба этого народа со своим главным врагом хорошо известна по телевизионным новостям – то что-то взорвут, то где-то подерутся, то, в лучшем случае, с демонстрацией выдут. Даже самые мирные из них полны неприятием всего английского. При этом культуры – английская и ирландская – достаточно близки, поэтому обыватели нередко путаются. Один русский мальчик, поехавший изучать английский язык в Ирландию, рассказывал, что он постоянно оказывался в конфузной ситуации. То опять же завтрак обозвал «английским» (состав-то тот же), то детскую игру, а то и того хуже – запутался, ему было 9 лет, в которой части Ирландии он находится, английской или ирландской. За разъяснением он обратился к учителю, который с негодованием ответил вопросом на вопрос: «Ты что думаешь, я мог бы жить в Англии??»

Еще сложнее с шотландцами. Они-то уж точно часть Великобритании. Но требования самостоятельности и даже независимости нарастают с каждым годом. Шотландцы твердо знают – все зло из Англии, даже такой с их точки зрения бессмысленный закон как запрет по воскресеньям продавать алкоголь до 12 дня. С самыми серьезными лицами работники висковарни в Шотландии в

воскресенье утром жаловались: «Мы не можем открыться для посещения и дегустации до полудня. Это все английские штучки, вы же понимаете».

В Шотландии очень популярен старый анекдот: его тиражируют на открытках, помещают на сувенирные полотенца и фартуки, часто вспоминают в путеводителях. Когда Господь создавал Шотландию, он дал ей все самое лучшее: высокие горы, глубокие озера, чистые реки, жирные луга и сочные травы, на которые пустил овец, изобилие рыбы и птицы. Страна получилась столь прекрасной, что другие народы позавидовали и взмолились: «Господи! Неужели ты дал так много одному народу, это же несправедливо. Это просто рай на земле какой-то». На что Бог ответил: «Подождите, вы еще не видели, каких я дам им соседей».

Валийцы меньше известны, чем другие народы, составляющие Великую Британию, да и слились с англичанами они, пожалуй, сильнее, чем другие. Но свой язык, песни, костюмы и традиции и они любовно оберегают и противопоставляют английским. Время от времени еще какая-нибудь часть вспоминает о былом величии и начинает думать о независимости, как например, крайне западный регион Корнуэлл, родина короля Артура, Тристана, древнейшего в Европе производства олова, пиратства и контрабандистов, кельтских легенд, а также огромных пирожков с разнообразными начинками.

И все-таки, говоря о национальных особенностях, мы будем брать всю Англию в целом, со всеми ее частями, стараясь при этом обходить шотландцев и валийцев, имеющих свои отличительные особенности, хотя и близких во многом английской традиции и культуре.

Как же воспринимают свою страну англичане? Удивительно, но маленький, в сущности, остров являет собой целый мир, в котором все «как у больших». Есть свои ярко выраженные региональные различия между севером и югом, западом и востоком, не только в характере, еде, традициях, одежде, но и в языке – жители разных регионов Англии порой не могут понять друг друга. Разнообразие природы, пейзажа, географии, экономики, превращает маленький остров в огромную страну. Но самое главное – это отношение самих англичан, воспринимающих свою страну, как не имеющую границ.

Англичане вошли в историю как великие путешественники. Они легко передвигаются по всему миру, среднестатистическая семья имеет одного сына работающего в Марокко, другого пишущего очерки в Индонезии, а третьего,

желательно, служащего в лондонском Сити, чтобы всех их обеспечивать. Они спокойно ездят на каникулы в Индию и Пакистан, а за покупками в Нью-Йорк. Однако, поездка в Шотландию или Корнуэлл воспринимается англичанином как серьезное путешествие, к которому надо заранее долго готовиться, планировать, паковать вещи, готовиться к акклиматизации. В начале 1960-х годов англичанка Барбара Мур разработала пешеходный туристический маршрут от самой дальней северо-восточной точки Шотландии Джон О'Гротс до самой юго-западной – Лэндс Энд (буквально - «конец света»), что составило 1408 км. Возмущению англичан не было предела – так унижить и умалить их огромную страну!

Для англичанина его страна это прежде всего провинция, именно в ней воплощен идеал «доброй старой Англии», который живет в сердце рядовых граждан этой страны, пусть даже он уже давно далек от действительности. Это непременно свой дом, хоть небольшой, но клочок земли, свой сад, клумба под окном, деревенский паб и церковь, которые неразрывно рука об руку шествуют по английской земле, это свой круг знакомых, с которыми можно поболтать в одном из вышеозначенных заведений в зависимости от пола и возраста, но которые не позволят себе обременять вас ни своими радостями, ни проблемами вне времени, отведенного на общение. Это сельские магазинчики, в основном изжившие свой век, вытесненные гигантами-супермаркетами, и все равно сохранившие свое значение: каждый настоящий англичанин знает, что мясо и сосиски можно покупать только в мясной лавке, а овощи – у зеленщика, вкус совершенно другой!

Патриархальность английского идеала хорошо заметна в интернациональных браках. Одна моя знакомая итальянская графиня вышла замуж за английского, как она думала, интеллектуала. Они купили огромный старинный замок, оборудовали первым делом прекрасный подвал, в который свезли множество вин, и стали жить поживать. И вот тут-то и сказалась разница вкусов. Англичанин, обзаведясь средствами – графиниными и от традиционной для своей нации торговли вином, которое «старилось» в его погребах и неуклонно росло в цене год от года, ни о чем больше не мечтал. Выпив с друзьями пива в деревенском пабе, он мог часами с ружьем на джипе гонять по лугам за зайцами, а по выходным отправлялся играть в гольф, причем помешать этому не смогло бы даже извержение вулкана, если бы таковой имелся на их

огороде. А графиня безмерно скучала, ей не хватало интеллектуального общества, разговоров о прекрасном, изысканной кухни и яркого солнца.

Более близкий читателю пример: американская поп звезда Мадонна, вышедшая замуж за английского режиссера. Фото в глянцевых журналах показывают ее супруга, то на охоте, то после рыбалки, одетого в высокие сапоги и защитного цвета мятые одежды, в окружении счастливых друзей, судя по красным лицам уже пропустившим стаканчик-другой. Знаменитая сотрясательница устоев и владелица миллиардного состояния для этой сельской местности всегда будет миссис Ричи, американская жена хорошего парня (впрочем, может это и было ее целью, для разнообразия).

Это неважно, что Англия еще в середине 19 века обогнала другие европейские страны по росту городского населения. Жизнь в городе, в каменных блоках, зажатых между шумных дорог, в окружении иммигрантов и туристов, среди безликих магазинов и интернациональных кафе – это реальность, а зеленые просторы и уютный дом в цветах – это мечта, к которой многие стремятся только мысленно, а большинство может себе позволить только выйдя на пенсию. И каждый серьезно разбогатевший англичанин непременно покупает себе имение в сельской местности и, насколько позволяют обстоятельства, пытается вести образ жизни ленд-лорда.

Англия, пожалуй, единственная страна, которая не хочет быть «Европой». Итальянцы и испанцы тайно комплексуют и мечтают приобщиться к этому славному имени, восточные европейцы хотят того же шумно и агрессивно, немцы делают вид, что они-то и есть Европа, но в глубине души не слишком в этом уверены, скандинавы живут в своем мире, не рассчитывая на эту честь. И только англичане последовательно отказываются от этой привилегии, всячески отделяя себя от всего мира, не входя ни в одно объединение. Есть средиземноморские страны, есть центральная Европа, есть Скандинавия, есть славяне, есть Балканы. Англичане хотят быть сами по себе. И это им удастся. Они знают, что они и есть самая великая страна, своего рода «пуп» вселенной. Ведь даже нулевой меридиан проходит именно по их территории.

При всей своей глубокой и искренней убежденности в собственном превосходстве англичане лишены какого бы то ни было откровенного выражения своего патриотизма. Невозможно представить себе англичанина,

повторяющего как молитву «горжусь тем, что я англичанин», как это делают их братья за океаном, или даже просто шепчущего теплые душевные слова о своей стране, которые характерны для их соседей на континенте. Громкий шумный патриотизм свойственен, прежде всего, народам с комплексом национальной неполноценности и неуверенности в своем месте в мире. Тем, кто твердо убежден в собственном превосходстве, он не нужен. Наоборот, самоирония, насмешка, здоровый скептицизм по отношению к самим себе напрочь убивают желание смотреть на них с высока у других.

Кстати, американская знаменитая формула «горжусь тем, что я американец», была использована англичанами для рекламы... гамбургера. На автотолпарках висели огромный яркие транспаранты «Горжусь тем, что я британец», на фоне национального флага, а уже мелкими буквами сообщалось, что в кафе можно купить настоящий гамбургер из британской говядины. Известно, что гамбургеры ассоциируют с Америкой, так что реклама была сразу по двум направлениям – насмехалась над американцами и давила на патриотические чувства.

2. Мой дом – моя крепость

Англичане мало употребляют слово «родина», то есть оно существует в языке, но достаточно искусственно, в основном для других народов. Сами они говорят скорее «дом» и это понятие важнее для них, чем какое бы то ни было другое. Их патриотизм, в соответствии с характером, не шумный, а скрытый, совершенно без пафоса, но очень глубоко въевшийся и ставший частью образа жизни. Они никогда не отождествляют свою страну ни с правительством, ни с государством, это понятия меняющиеся, а для англичанина нет ничего важнее постоянства. Поэтому земля и дом важнее остального, а объединяет это все – королевская власть, так что даже солдаты до сих пор дают клятву служить именно королеве, а никому другому.

Дом является центром вселенной для англичанина. К нему стремится душа его после работы, о нем мечтает он во время странствий, им дорожит больше, чем другим ценностями. “Home, sweet home” приговаривают англичане

(«дом, наш милый дом»), а на полотенчиках в виньеточках пишут “There is no place like home” («Нет места лучше дома»).

Причем дом должен быть настоящим, здесь не признают квартир, ставших привычным явлением в мире, предпочитая пусть маленький, пусть в рассрочку под проценты, но свой. Он должен быть если и не отдельно стоящим, то хотя бы с отдельным входом и непременно с задним садиком, огороженным от всего мира и являющимся по сути продолжением здания. Это городской вариант, а в сельской местности можно развернуться и настоящему саду.

К дому у англичан отношение действительно особенное, трепетное. Не случайно почти все дома в Англии имеют имена, это создает неудобства для гостей и почтальонов, но демонстрирует очень личное, очень трепетное отношение англичан к своему жилью. Имена эти очень разные, порой трогательные, порой странные, порой очень старые. Например, «Под дубом», хотя вокруг на много миль не видно ни одного, или «У ивы», которую, видимо, вырубili много лет назад, или «Кошкин дом», а на окне и впрямь сидит большая кошка, или «Приют контрабандистов», над дверью уютного трогательного коттеджа.

Известна еще одна английская поговорка «Мой дом, моя крепость». Действительно, англичане не очень охотно приглашают к себе домой, предпочитая общение в кафе и ресторанах. Если же вы все-таки сблизились настолько, что получили подобное приглашение, приготовьтесь к неожиданности. Никто не будет специально к вашему приходу убираться и делать «потемкинские деревни», рассовывая по углам вещи. Все будет так, как каждый день. Прихожая захламлена разными полезными предметами от старых газет до грязных сапог. В гостиной на полу рядом с диваном могут стоять грязные чашки, а в углу лежать старый свитер. Стол на кухне завален журналами и заставлен коробками, из которых доставали еду. Это, конечно, собирательный образ, но в общем и целом достаточно близкий к действительности.

И вместе с тем нет ничего прекраснее английского дома. Он не будет столь художественно совершенен как итальянский, столь чист как немецкий, столь удобен как американский, его отличительной особенностью является уютность. Здесь понимаешь, что не случайно понятие комфорт вошло в другие языки именно из английского. Английский дом представляет собой

своеобразную вершину уюта и удобства. Обстановка, включающая в себя множество предметов, столиков, пуфиков, диванов и кресел, все это перед камином, который дает не слишком много тепла, но создает незабываемую атмосферу умиротворения и покоя, и в котором весело потрескивают дрова, стаканчик виски в руках, что еще надо, чтобы встретить старость!

У каждого домика есть свой неперенный палисадник, и английские хозяева отдают много души и сил, украшению его. Удивительные цветы и кустарники, в том числе и экзотические, заботливо высаживаются вокруг дома (если садик запущен – почти наверняка в нем живут иностранцы, во всяком случае, в этом уверены сами англичане). Причем, если в доме может быть привычный беспорядок, то в саду такого представить нельзя.

Подмечено, что приход весны в Англии можно определить по жужжанию газонокосилок, английская лужайка также является предметом национальной гордости и отражает многие стороны английской натуры. Во-первых, приверженность традициям: в известном анекдоте англичанина спрашивают - «Как вы добились таких прекрасных результатов?», а он отвечает – «О, это очень просто! Надо только подстригать ее каждый день в течении 400 лет». Шутка не так далека от истины, хотя, например, французы считают, что англичане просто высаживают по ночам свежую траву. Во-вторых, она говорит о свободолюбии англичан – ведь по таким лужайкам можно свободно ходить и трава не вытаптывается.

В пятницу летним вечером за каждым палисадником виден хозяин дома, с упоением, самыми различными способами – от высокотехнологизированных, до примитивных, по старинке – подстригающий **свою** лужайку. Так, невольно, и видишь, как всю неделю он парится в офисе, ведет деловые беседы, затянутый в деловой костюм и мечтает о самом сладком, самом свободном моменте недели – вечере пятницы, когда можно будет наконец-то дорваться до самого приятного – стрижки газона. Интересно, что англичане так увлекаются своими газонами, что начинаешь видеть их повсюду. Так, английские холмы, зеленые и нежные, кажутся тоже постриженными отрядом газонокосильщиков-добровольцев, столь ровное у них травное покрытие.

Любовь англичан к дому не только прагматична, нет, это настоящее чувство. Не случайно, в Англии существует давняя и добрая традиция посещения частных домов, уходящая в глубь истории. Богатые землевладельцы

уже несколько столетий назад открыли двери своих усадеб для посетителей, чтобы все могли насладиться приятностью их жилья. В романе Джейн Остин «Гордость и предрассудки» героиня в качестве экскурсантки посещает дом героя, которому она до этого отказала, и не может сдержать восхищения и невольной мысли о том, что она могла бы быть его хозяйкой. Невольно задумываешься, не это ли спровоцировало внезапно вспыхнувшее в ней чувство.

Сегодня бродя по английскому дому, открытому для посещения, не перестаешь удивляться, что в нем до сих пор кто-то реально живет. От этого эти дома теряют свою музейность, становятся живыми и реальными, а не искусственными и занафталиненными. Правда, содержать большой дом и поместье сегодня под силу единицам, поэтому чаще всего хозяева занимают малую его часть, а остальное или превращают в музеи, или передают в разные фонды с той же целью. Но все равно ощущение реальности происходящего сохраняется и чувство, что за столом еще недавно кто-то сидел, не покидает.

Судьбы аристократических семей по-прежнему неразрывно связаны с их домами. Герцог Бедфорд - человек, судьба которого складывалась сначала, может быть, не совсем обычно для его положения, но тем ярче иллюстрирует она вышеозначенное положение. Джон Роберт Рассел (таково было его имя до получения титула) родился в 1917 в странной семье: его отец, пацифист, миссионер и любитель птиц и животных, 20 лет не разговаривал с отцом, мать жила своей жизнью, а вскоре и вообще разъехалась с мужем, а заодно и сыном. До 16 лет юный Джон не знал о том, что он принадлежит к герцогскому сословию и не видел дома своих предков.

Случайно проникнув в семейную тайну, он приложил все усилия, чтобы познакомиться со своими необычными родственниками: дедом – 11 лордом Бедфордским, замкнутым человеком очень строгих правил, и удивительной бабкой, которая получила прозвище «летающая герцогиня». В возрасте 60 лет, практически полностью оглохнув, она научилась водить самолет и, в составе команды, а иногда и в одиночку, поставила множество рекордов дальних полетов, а в конце концов погибла, попав в непогоду.

Судьба юного Джона не была к нему поначалу благосклонна. Он влачил нищенское существование, потому что и дед, и отец считали, что это полезно для его воспитания, он не получил толком никакого образования, хватался за

разные работы, и не всегда успешно, был признан негодным к службе в армии по состоянию здоровья, женился на женщине много старше его, которая в конце концов еще и ушла из жизни, приняв таблетки практически на глазах мужа и детей. Решив переломить судьбу он женился вновь и уехал в Южную Африку, разводить оливки и фруктовые деревья. В 1953 году, после смерти отца, он стал 13 герцогом Бедфордом и в его жизнь вошел дом его предков – Вуберн (Woburn). Это огромное поместье – на севере от Лондона, расположенное в бывшем аббатстве и подаренное предкам герцога Генрихом VIII.

Перед новоиспеченным герцогом возникла сложная проблема. С одной стороны, налог на наследство составил 4,5 миллиона фунтов, а поместье находилось в полнейшем запустении и упадке. Опекуны, назначенные отцом и дедом, требовали продажи собственности так называемому Национальному фонду – организации, скупающей родовые гнезда разорившихся аристократов и превращающей их в музеи (о ней речь пойдет ниже). С другой, герцогом уже овладела страсть – он понял, что не остановится ни перед чем, чтобы сохранить родовое гнездо (хотя он даже и не вырос в нем!). Сам он иронично называл это состояние сочетанием «маниакальности» с «естественным природным инстинктом хранить свой уголок».

Герцог Бедфорд сделал то, что в то время, 1950-е годы, решались сделать еще совсем немногие – он коммерциализировал свое поместье превратив его не просто в музей, но и место отдыха и развлечения. Он лично перебрал 800 предметов уникального севрского сервиза (таких в мире всего три – еще один в Париже, а другой в Эрмитаже), развешал картины, расставил мебель, водил первые экскурсии и продавал сувениры. В огромном парке были сделаны детские площадки, на озере давались лодки напрокат, открылись чайная и ресторан, наконец, большая территория была отдана под парк диких зверей, по которому ходили львы, гепарды, зубры. Все средства были хороши для привлечения клиентов – он даже организовал «обеды с герцогом», когда любой мог за соответствующую плату (90 фунтов, очень большие деньги по тем временам) пообедать и переночевать в его доме (особенным успехом пользовался этот «аттракцион» у разбогатевших американцев).

Естественно, такое поведение нарушало все традиционные представления о том, как должен вести себя настоящий английский аристократ. В адрес Бедфорда раздавались критические высказывания, насмешки,

откровенное осуждение. Но для него было важно одно – сохранить Дом любой ценой, чтобы потом передать его своим детям, а они могли бы передать его своим. Вот как заканчиваются его мемуары: «Пусть я – тринадцатый герцог, и число тринадцать считается несчастливым, но если нам удастся сохранить аббатство Вуберн, я буду считать себя очень счастливым человеком». Ему это удалось: он скончался в возрасте 85 лет, за двадцать лет до этого передав семейные владения старшему сыну.

В заключение еще об одной особенности. Хотя современные англичане нередко переезжают с места на место, вынуждаемые обстоятельствами, у них крайне развито чувство привязанности к конкретной местности, и здесь они также большие патриоты. Если вы живете в каком-нибудь Шропшире, вы будете твердо убеждены, что это самое лучшее место в Англии, где только и можно жить

3. Англия и мир.

Высокая самооценка, свойственная английскому народу, и ставшая глубокой убежденностью, привела к развитию у него неприятия других народов. Во всяком случае, они, другие народы, так считают и нередко чувствуют себя обиженными. В 15 веке венецианский путешественник отмечал, что «англичане большие любители самих себя и всего, что им принадлежит; они убеждены в том, что не существует других людей, кроме них самих, и другого мира, кроме Англии». Три столетия спустя с ним соглашался наш Н.М. Карамзин: «вообще английский народ считает нас, чужеземцев, какими-то несовершенными, жалкими людьми». И сегодня англичане имеют устойчивую репутацию ксенофобов, то есть людей, ненавидящих все иностранное. При этом они же сами ее с удовольствием и поддерживают через путеводители, шутливые открытки и публицистическую литературу.

На это нередко приходится слышать возражения, что англичане очень гостеприимны и доброжелательны, и это действительно так. Спросите на ломанном английском дорогу на улице любого английского городка, даже такого равнодушно космополитичного как Лондон, и вам подробно все

расскажут, отведут туда, куда надо, и еще на прощанье в соответствии с языковой традицией обращения ласково обзовут *dear* или *love*, что, конечно, не будет означать внезапно вспыхнувшей страсти. Однако подобная вежливость не уменьшает их чувство национального превосходства и чувство предубеждения перед всем иностранным.

При этом, как это не парадоксально, англичане – один из немногих народов в мире, который пользуется необъяснимым уважением окружающих. Как бы не посмеивались над свойствами и особенностями их характера, тайное почтение пробивается через любую насмешку, критику или откровенную враждебность. Яркий пример – английский юмор. Понять его не может никто, особенно в самом ярком его проявлении – любви к физиологическим шуткам. Изысканная ирония Бернарда Шоу или Оскар Уайльда понятна всем, а вот падающие брюки, туалетные остроты, непременные намеки на разного рода сальности и неприличности мистера Бина или Бенни Хилла, вызывают у остальных народов недоумение. Но тут срабатывает эффект «нового платья короля», никто не может поверить, что он просто голый, все подозревают, что они просто чего-то не прочувствовали в тонком английском юморе, а поняли все в меру своей испорченности. Интересно, что в любой европейской гостинице на англичан взирают с необъяснимым и, видимо, неосознанным почтением, хотя они не сорят деньгами, не слишком уж дружелюбны, одеваются как попало, они же на отдыхе, и вообще на общем иностранном фоне обычно достаточно тихи и незаметны. Такое явление как англomania характерно было не только для нашей страны, увлекались им и немцы, и итальянцы, и даже вечные антагонисты англичан французы.

Одним из многочисленных парадоксов английской жизни является тот факт, что неприятие иностранного и чувство собственного превосходства в их характере благополучно сочетается с повышенным интересом к внешнему миру и любовью к путешествиям. Именно на этой почве зародилось Большое европейское турне – образовательные поездки по Европе, здесь же возник и массовый туризм.

Англичане не только теоретически изучали окружающий мир, они еще и предприняли попытку овладеть им, создав величайшую в мире империю, столь огромную, что в ней, как известно из популярного высказывания, никогда не заходило солнце. Часто приходится читать о том, что империя наложила свой

отпечаток на характер англичан, мне же представляется более логичным, что характер англичан породил империю.

Есть два важных момента, определяющие особенности английской империи и людей, ее создавших. Во-первых, это умение англичан выживать в любых условиях. Большие патриоты и любители всего своего родного, они не просто выжили, а обжили страны, совершенно чуждые им. Большую роль здесь, конечно, сыграло воспитание, о котором будет сказано в свое время. Не менее важным оказалось умение везде и всюду создавать свой, английский, мир в миниатюре. Характерное свидетельство о жизни англичан во второй половине 18 века в России оставил их соотечественник. Он писал: «Постоянно живущие в Санкт-Петербурге англичане – преимущественно купцы, они получают и тратят много денег и живут точно так же, как их соотечественники на родине. Дома обосновавшихся здесь британцев дают полное представление об английском образе жизни. Обстановка, пища, хозяйство – все английское, вплоть до огня в очаге. Даже уголь англичанин привозит из дома – а ведь дров здесь предостаточно».

И так по всему миру, во всех уголках своей огромной империи, они обустроивали свой мирок и жили в нем, они старались не конфликтовать с местным населением, не навязывать им своих привычек, а просто использовали его по мере необходимости. Притягательность же английского образа жизни была настолько велика, что многие народы сами начинали перенимать его и прививать на своей почве. Не случайно, после распада империи, для бывших покоренных и угнетенных народов не стало большего счастья как эмиграция в бывшую метрополию-завоевательницу.

Второй важный момент – это отношение самих англичан к своей империи. Это не просто торжество победителя, хотя мысль о том, что маленький остров смог покорить огромные державы не могла не доставлять минуты гордости, это не только экономические выгоды, которые очевидны на первый взгляд, а с другой стороны, содержание империи, как мы знаем не понаслышке, вещь крайне дорогостоящая, это еще и огромная ответственность, легшая на плечи завоевателей. Отнюдь не собираясь идеализировать британскую империю, реальность всегда расходится с теоретическими построениям, хотелось бы обратить внимание на часто забываемые сложности и трудности подобного бремени.

Служба в далеких странах всегда была почетной обязанностью англичанина. Это было своеобразным испытанием на прочность, на мужественность, на верность долгу. На человека, вернувшегося из колоний, смотрели с уважением, его заведомо считали человеком чести, храбрым и порядочным, родители гордились им, даже если не видели несколько десятков лет. Это 20 век, увидевший распад этой империи, повесил ярлыки, а вслед за американцами усвоил законы политкорректности, согласно которым нельзя негра назвать негром, как будто в этом слове есть что-то обидное. А раньше англичане верили, что на них, как на белых людях, возложена миссия спасения человечества, помощи и воспитания народов, которые в этом нуждаются, причем, не оружием, а мирными способами – образованием, верой, техническим прогрессом, государственными преобразованиями. Иногда кажется, что в глубине души англичане до сих пор считают это справедливым.

Современная Англия не забыла свое имперское прошлое, хотя чувство ответственности за окружающий мир заметно ослабело, теперь англичанам важнее сохранить самих себя в целостности и неприкосновенности. Так что сейчас весь мир вокруг интересует англичан либо с точки зрения угрозы их независимости, либо как место отдыха. Франция, Италия, Испания – любимы за теплый климат и вкусную еду, Германия – за возможность делать бизнес, Россия – своеобразный утешительный приз Европы, когда становиться грустно в своей стране, можно вспомнить о ней – там и климат хуже, и порядка меньше, и уровень благосостояния трудящихся ниже, словом, дома-то оказывается еще и не так плохо.

Совершенно особые отношения связывают Англию с Америкой. С одной стороны, все хорошо помнят, как все начиналось, так что внутренняя связь между этими двумя странами, безусловно, очень сильна. С другой, еще великий остролов Оскар Уайльд писал, что это две страны, разделенные общим языком. Сегодня действительно спор идет за первенство во многих областях, в том числе и языковой сфере. Забавный эпизод приводит один английский профессор: во время пребывания в США он разговорился в очереди с американцем, который поинтересовался, из какой страны его собеседник. «Из Англии,» - последовал ответ. «Вы хорошо говорите по-английски,» - похвалил его новоиспеченный приятель. Возмущению английского профессора не было предела, но, пишет он, было очевидно, что объяснять что бы то ни было

совершенно бесполезно. Американцы действительно считают английский своей собственностью. Однажды во время занятия я попросила американских студентов мне помочь вспомнить слово, употребляющееся для званого аристократического вечера. Студенты честно напряженно думали, а потом обрадовавшись сообщили – «У нас демократическое государство, поэтому в языке нет всех этих аристократических словечек».

В одном из «бед энд брекфэстов» - семейной частной гостинице, я разговорилась за завтраком с хозяйкой. Был «День матери», праздник популярный в последние годы в этой стране, хотя и не без коммерческой подпитки. За много дней до его наступления магазины начинают активно торговать разного рода глупостями, а рекламные плакаты дотошно выспрашивать, не забыли ли вы купить своей маме подарок или заказать столик в дорогом ресторане, чтобы отвести туда старушку. Хозяйка поведала, что в 19 веке была традиция в четвертое воскресенье поста отпускать служанок домой, к мамам, отсюда и название. «А они там, в Америке...», тут она наклонилась ко мне и доверительно-извиняющимся тоном добавила «вы знаете, мы не любим американцев», «взяли, как обычно, нашу идею и сделали что-то свое, никому не нужное. А теперь еще и «день отца» придумали, совсем ерунда какая-то».

Но ревнивые отношения не случайно бывают именно между людьми, близко связанными друг с другом. Так и Англия с Америкой, как бы ни ссорились, ни делились, ни обижались, все равно тесно связаны, и английское общество, в силу общности языка, еще больше подвержено угрозе американизации, чем другие народы. Хотя и оказывает яростное сопротивление.

4. Отношение к иностранцам

Вернемся к теме английского патриотизма и пресловутой ксенофобии. На самом деле никакой особенной неприязни у англичан к иностранцам не было и нет. Правда, в их культуре нет свойственного многим другим народам подчеркнуто внимательного, или порой даже подобострастного, отношения к гостям из-за границы, они относятся к приезжим во многом также как к соотечественникам, вежливо, внимательно, с готовностью помочь, но без

излишней задушевности и заискивания. Их ксенофобия это скорее способ национальной самоидентификации, попытка выжить и сохраниться в современных условиях. Английский патриотизм сегодня в значительной степени, действительно, держится на противодействии мировым объединительным тенденциям, как противопоставление европеизации, глобализации, американизации и пр. Попытка остаться самими собой – вот, что такое современный английский патриотизм и печально знаменитая ксенофобия.

Иностранцы в Англии, как бы там не настаивали на собственной ксенофобии англичане, чувствуют себя легко и непринужденно, им не навязывают свои правила, в этой стране слишком ценят личную свободу, они редко чувствуют знаменитые по стереотипам высокомерие и снобизм, к ним относятся снисходительно, прощая ошибки в языке и поведении, чаще всего, их просто не замечают. Англичанам нет нужды самоутверждаться на бедных туристах, они признают их право на существование. В гостинице вас обязательно спросят из какой страны вы приехали, поговорят немного на эту тему, и все, живите дальше как хотите. Что многих вполне устраивает.

Правда, в английской культуре совершенно нет заигрывания с иностранцами, восхищения ими, некоего подобострастия, проистекающего часто от комплекса неполноценности или, еще чаще, из коммерческих соображений. Еще будущий военный министр в правительстве Александра II Д. Милютин, молодым человеком путешествовавший по Европе, сетовал, что «Вообще в Англии путешествующий иностранец не находит такой предупредительной услужливости, как на континенте».

Не раз приходилось наблюдать примеры отсутствия подобной «услужливости», даже в ущерб торговле. Так, в городе Страттфорде, на родине Шекспира, группа американских туристок вела себя совершенно неправильно с английской точки зрения: они шумели, экзальтированно повизгивали, беспорядочно бегали по сувенирному магазинчику, восторгались всем подряд и требовали, чтобы восторгались и все окружающие. Надо было видеть каменное лицо английской продавщицы, когда она принимала деньги, и немалые, за многочисленные бессмысленные неликвиды, которые она, наверное, уже и не надеялась продать. Ничто не могло заставить ее приветливо улыбнуться, столь велико было ее негодование.

К русским отношение у англичан в целом доброжелательное, сейчас нам делить нечего, угрозы «русификации» Англии не существует, так что почему бы и не относиться к нам неплохо. Стандартная реакция на сообщение, что вы русские – фраза о погоде. То есть англичане вообще всегда, как хорошо известно, говорят о погоде, но, в сочетании с нашей страной это неизбежно тема холода. Если вы путешествуете летом, значит удивлению собеседника не будет предела, когда в ответ на вопрос о погоде в России, он услышит, что там сейчас жарко. Попробуйте, ради интереса. Однажды, когда я сообщила, что в июле месяце у нас было 30 градусов, водитель такси чуть не выехал на встречную полосу (что сделало бы движение похожим на московское, но довольно опасным). «Не может быть, - воскликнул он, ожидавший, скорее всего услышать про мороз и сугробы, - даже у нас такая погода редкость» (вот они, невинные проявления английского шовинизма!). Если же вас спрашивают о погоде зимой, то сделайте собеседнику приятное, распишите настоящую русскую зиму, даже если дома в это время привычная зимняя слякоть.

Еще одна типичная реакция на русских туристов (не в Лондоне, конечно, где число их скоро сравняется с числом местных жителей) это фраза «Россия, это так далеко!». Один мой хороший знакомый, большой любитель экспериментов, тот самый, который разговаривал со всеми на русском языке, вынуждая окружающих напрягаться и понимать звуки незнакомой речи, на это восклицание отвечал одной и той же фразой: «Ну не так далеко, как Америка». Интересно, что после этого следовала продолжительная пауза, когда собеседник напряженно думал, осмысляя ответ на свою машинальную и ничего не значащую реплику, а потом восклицал – «А ведь и правда!». Столь далекой, культурно, а не географической, кажется Россия англичанам, что они искренне удивляются, что между нами всего 3,5 часа лету.

Не так давно в Англии вышла книга о Сибири – записки англичанина, проехавшего через всю Сибирь по железной дороге, останавливавшегося в маленьких глухих деревушках, в частных домах, словом, искателя приключений. Его произведение, вполне живописно иллюстрирующее наиболее распространенные стереотипы о России, бытующие в английском обществе, пользуется большим успехом. Так что какой-нибудь продавец билетов в музей в захолустном английском городишке вполне может поделиться с вами мечтой –

съездить когда-нибудь в Сибирь, посмотреть настоящую русскую жизнь и крайне удивиться, узнав, что вы никогда не были дальше Урала.

Ну и последнее, хотя и немаловажное замечание. Все-таки некоторые опасения русские вызывают: виновато тут и телевидение, рассказывающее все время о нашей преступности, и наши собственные современные художественные фильмы, воспевающие бессмертную мафию, да и, порой, поведение наших соотечественников, надышавшихся воздухом свободы. Не стараясь провести никаких аналогий и ни на что не намекая, хотелось бы вспомнить в связи с этим эпизод из далекой истории. Известно, что Петр I, будучи молодым правителем России, совершил путешествие по Европе. Заехал он и в Англию, памятуя о том, что англичане отличные мореплаватели, а именно идея создания флота интересовала его в тот момент больше всего. Конечно, личность русского царя, хотя и путешествовавшего инкогнито, а может, это еще и добавляло романтики, вызвала большой интерес в английском обществе. Он, в основном произвел весьма благоприятное впечатление, никто и не ожидал, что «варвар» окажется столь интересной личностью.

И все-таки был совершенно точно, по крайней мере, один человек, который сохранил об этом визите самую недобрую память – адмирал Джон Бенбоу, арендатор дома в Дептфорде, в котором останавливался Петр со своей свитой. После отъезда русских дом остался в таком ужасном виде, что адмирал был вынужден обратиться в правительство с просьбой о возмещении убытков. Была составлена комиссия и осмотр был поручен известному английскому архитектору Кристоферу Рену, в числе прочего являющегося создателем собора святого Павла в Лондоне. Отчет комиссии, составленный на нескольких листах, содержал впечатляющие подробности увиденного. Дом так разрушен, что в некоторых местах необходимо восстанавливать заново. Краска на стенах облуплена, стекла выбиты, печи и печные трубы сломаны, полы в некоторых местах выворочены, в других испачканы грязью и рвотой. В акте приводились детали, такие как, например, «Спальная, убранная голубой отделкой и голубая кровать, обитая внутри светло-желтым шелком, вся измарана и ободрана. Японский карниз кровати сломан. Индийское шелковое стеганое одеяло, байковое одеяло и постельное одеяло запятнаны и загрязнены. Туалетный столик, обитый шелком, сломан и изрезан». И так далее в том же духе.

Не лучше была ситуация в саду, в этом дорогом сердцу каждого англичанина месте. Отчет описывал и эти разрушения: «Во все время, пока московский царь проживал в означенном доме, немало повреждений было причинено в садах и палисадниках... 1) трава помята и земля взрыта от прыжков и выделывания разных штук...» Далее шло шесть подобного рода пунктов. Компенсация адмиралом была получена, но дом восстанавливать он не стал и совсем оказался от него.

Так что, путешествуя по стране, неплохо помнить, что по вам и вашему поведению будут судить обо всех русских, даже если вы и не царь. Правда, справедливости ради надо заметить, что в Англию, как уже говорилось, едет публика особенная, чаще всего та, которую принято называть интеллигенцией, это не морской курорт массового скопления россиян. Так что в этом плане за русскими все прочнее закрепляется образ культурных и образованных путешественников, удивляющих англичан разнообразными познаниями из истории и культуры их собственной страны.

Глава 3. Путешествие по Англии или особенности национального быта

1. Независимое путешествие и особенности английского автомобилеводения.

Путешествие по Англии вещь очень приятная, но и очень непростая. Многочисленные и разнообразные особенности английской жизни, любовно лелеемые англичанами, бесспорно крайне усложняют это простое и познавательное на первый взгляд действо. Существуют разные способы узнать эту страну. Первый, наверное, сегодня самый популярный - купить билет и отправиться в Лондон, где можно жить у знакомых (сегодня мало кто из россиян не имеет знакомых в Лондоне) или в крайнем случае в гостинице, что очень дорого и становиться все дороже год от года. Дешевых альтернатив практически нет.

Я часто пользуюсь услугами интернета при поиске и заказе жилья и однажды нашла недорогое жилье, хорошее, в центре Лондона, рядом с метро, при этом это был апартамент с кухней, что крайне удобно, т.к. позволяет избежать одну из главных финансовых проблем английской столицы – питания. Мне бы сразу сообразить, что все выше перечисленное в одном флаконе просто не может находиться, что где-то должен быть подвох, но нет, жизненный опыт отказался высказать свое мнение и неизживаемый оптимизм заставил поверить в чудо. Конечно, оказалось, что «центр Лондона» действительно центр, но эмигрантского района, крайне беспокойного, вечером ходить было просто боязно, но и днем случались потасовки. Гостиница была пропитана запахами индийской и пакистанской кухни и постоянные жители этого заведения, то ли мирные наркоторговцы, то ли работоторговцы, смотрели на меня с очевидным недоумением. В комнате было очень шумно, так как, несмотря на то, что мое окно смотрело в недружелюбную стенку соседнего дома, в здании шел ремонт, так что грохот отбойного молотка в 7 часов утра заставлял меня с уважением думать об английских рабочих, которые столь рано и столь регулярно начинали свой рабочий день. К тому же они обычно где-то в это же время ласково заглядывали ко мне в окно, что снова тревожило мой и без того беспокойный

сон. Но все это было еще ничего, пока в один прекрасный вечер, вернувшись после деловой встречи, я не обнаружила в комнате гигантского (без всякого преувеличения, у нас в России таких нет, размером со среднюю мышку) таракана, вольготно носившегося по моей спальне. Что и говорить, жить я там больше не могла и съехала, заплатив на этот раз уже приличные деньги, но за проверенное жилье. С тех пор я не верю в дешевые жилищные альтернативы города Лондона.

Но дороговизна не единственная проблема английской столицы. Лондон – это особый мир, ужасный, прекрасный, безумный, чопорный, глубоко национальный и совершенно космополитичный, его стоит посмотреть, прежде чем вы соберетесь умереть, но он интересен сам по себе. О нем можно (и стоит) написать отдельную книгу, но эта – об Англии. А Англия живет своей особой жизнью и если вы хотите ее узнать, конечно, надо ехать в английскую провинцию.

Английская провинция занимает особое место в английском мире. Само понятие «Country» трудно перевести на русский, это и провинция, и сельская местность, и деревня, словом, оно включает в себя все то, что не крупный город, прежде всего не Лондон. Английское «кантри» это и зеленые холмы, и уютные деревушки, и огромные поместья, и небольшие уютные городки. Отношение к этому миру в Англии всегда отличалось от других стран. Провинция никогда не считалась местом ссылки, наказанием. Наоборот, городской житель, разбогатев, прежде всего стремился стать землевладельцем и сельским жителем, в Англии это было вершиной общественной карьеры. Несомненно, что определенную роль сыграли размеры страны (да простят меня англичане). Здесь трудно найти действительно отдаленную точку, откуда нельзя было бы в один день добраться до крупного центра (а сегодня – и до Лондона). Вся сфера удобств и услуг равномерно распространялась по всей стране, так что провинциальные жители никогда не чувствовали себя ущемленными в этом плане.

Исходя из этого путешествие по провинциальной Англии очень важно для всех, кто хочет узнать эту страну. Конечно, туристы всегда любят известные названия – сравните, рассказать друзьям, что вы были в Ливерпуле или Глазго, или каком-нибудь Барбери, о котором никто не слышал. Но нет никакого сомнения, что именно в последнем месте, пройдясь по тихой улице, разглядывая маленькие домики с нарядными клумбами, заглянув в местную церковь,

которая легко может оказаться построенной в 14 веке, посидев и понаблюдав жизнь и нравы в местном пабе, вы получите гораздо более полное представление об Англии, и уж, конечно, больше удовольствия, если только вы не страстный любитель шумных дорог и серых бетонных зданий. Впрочем, безусловно, это дело вкуса.

Сегодня проще всего подобное путешествие совершить с помощью организованных туров, которых сейчас довольно много. Хотя, отметим, Англию в этом плане балуют меньше, чем другие страны: дорого, далеко, не совсем понятно, нет ни пляжей, ни ярко выраженных знаковых памятников, о которых потом можно рассказывать знакомым – главная конечная цель любой туристической поездки. Так что выбор здесь невелик и довольно однообразен.

Наиболее интересным и содержательным, хотя и самым трудным физически, морально и материально, является самостоятельное независимое путешествие. Можно путешествовать на автобусах и поездах, в Европе регулярно выпускаются подробные справочники, включающие даже конкретные расписания движения, позволяющие относительно легко передвигаться с места на места. Но это все-таки больше для европейцев. Для нас же сейчас самый близкий и родной вид транспорта - автомобиль. Его можно арендовать прямо в аэропорту, причем забронировать и выяснить цену очень легко по интернету, хотя в Англии бронь так уж не требуется, автомобилей хватает на всех.

Для аренды надо обязательно иметь кредитную карточку, которую легко получить практически в любом российском банке. Правда, на ней должны быть деньги, это проверяют сразу, причем в некоторых странах еще и большую сумму, чем стоимость аренды, на случай каких-то неприятностей. Наши обычные водительские права, в принципе, Европу устраивают. Хотя где-то на 10-15 случаев происходит один сбой. Однажды нам отказались выдавать машину во Франкфурте и меня не оставляло тяжелое чувство, что нагловатый молодой человек таким образом просто мстит за дедушку, погибшего под Сталинградом. Другой раз во Франции привязались к нашему гражданству, что-то с важным видом проверяли по телефону, а потом сообщили, что мы не прописаны по указанному домашнему адресу. Когда мы, остолебев от удивления, попытались выяснить, как они получили эту ценную информацию (дело в том, что мы там честно прописаны и уже много лет), нам что-то

промямлили про единую сеть проверки по телефону. Я с трудом удержалась, чтобы не закричать: «Дорогие мои, вы что же думаете, Россия это тоже самое, что и Франция, только размер побольше? Так вот и размер этот гораздо больше, и система контроля сложнее, а проверить мою прописку, может, и можно в отделении милиции в Черемушках, но только в рабочее время, будний день, при личной явке и если повезет.» Говорят, что я даже что-то и высказала по их, французскому, поводу, уж очень обидно было. Впрочем, когда я успокоилась, я поняла, что у них, похоже, кончились машины и они нашли такой прекрасный выход, благо с нами, русскими, все сойдет. Но это исключения, причем вы можете тут же спокойно (если это спокойствие удалось восстановить) пойти в соседнюю фирму и скорее всего вам дадут желанный автомобиль. Как правило же, проблем с документами и арендой вообще не бывает.

Проблема начинается, когда вы садитесь за руль. Потому что руль этот находится совсем не с той стороны, с которой вы привыкли. Скажу сразу: во-первых, это очень неудобно, гораздо более, чем можно представить. И во-вторых, к этому довольно быстро привыкаешь. Вернее не привыкаешь, за две недели путешествия невозможно это сделать, а приспособливаешься и перестаешь мучаться. Первый опыт чаще всего бывает мало приятным, смешным, а порой и печальным одновременно, так что, арендуя машину в Англии, не забывайте о хорошей страховке.

Автомобильный мир полностью переворачивается – и внутри и снаружи автомобиля. Внутри правая рука автоматически беспомощно бьется о дверцу, пытаюсь отыскать ручку передачи, а левая, в свою очередь, все время хочет опереться на окно, которого там нет. Все, что вы привычно (и логично) делаете правой рукой: настраиваете радио, нажимаете кнопки, приходится делать левой. Во время движения совершенно теряются габариты и первое время все водители из других стран машинально чрезмерно жмутся к левому бордюру, наезжая на него время от времени колесом, так как основная масса машины находится не справа от водителя, а слева. Дальше – больше. Представьте себе круги, а в Англии их очень любят, в которых машины появляются не с левой стороны, куда, естественно, вы поворачиваете голову, а с правой. Мы, например, однажды на подобном круге, как нам показалось совершенно пустом, так как справа, естественно, никто не ехал, вылетели прямо под колеса машины

дорожной полиции. Сидящие в ней полицейские, ударив по тормозам, настолько удивились, что даже не остановили нас.

Выезжая на дорогу, все время приходится делать ментальное усилие, чтобы понять, на какую сторону тебе нужно, то же самое и во время поворотов. На узкой дороге проблемой становится разъехаться со встречной машиной, кажется, что она надвигается прямо на тебя, так что ты нередко оказываешься вжавшимся в кусты. «Помеха справа» остается помехой справа, только там же, справа, сидишь и ты, что очень сбивает с толку. А теперь попробуйте мысленно потренироваться во всех этих упражнениях и еще раз подумайте, не стоит ли организованно поехать на пляжи Кипра (где, кстати, тоже левостороннее движение).

Однако, как и было сказано ранее, ко всему этому довольно быстро привыкаешь, и уже на второй день путешествия мучения становятся гораздо меньше, а вскоре и вовсе исчезают. Правда, возникают рецидивы. Во-первых, так до конца путешествия то водитель, то пассажир время от времени обнаруживают себя стоящим не у той дверцы,казывается привычка. Во-вторых, когда наступает счастливый момент адаптации и водитель расслабляется, начинают включаться некоторые автоматические приемы, которые в этой среде не срабатывают, надо все время помнить, по какой стороне ты едешь, куда поворачиваешь, и что разделительная полоса находится от тебя справа. Наконец, случаются курьезы. Стоишь, например, ты на светофоре, смотришь на стоящую рядом машину, и с ужасом видишь, что справа на водительском месте сидит огромный пудель, да еще и положив лапы на, как тебе с перепугу кажется, руль. Или во время езды с недоумением наблюдаешь, как водитель читает газету. Или пьет пиво. Требуется некоторое время, чтобы понять, что если водитель сидит на месте пассажира, то пассажир оказывается на месте водителя.

Английские дороги очень разные. Во-первых, существует достаточно разветвленная система автострад (motorways – по-английски). Это первоклассные скоростные дороги, соединяющие крупные центры, а значит, учитывая масштабы страны, они есть практически везде. Причем, в отличие от многих европейских стран, они совершенно бесплатные. Если вы путешествуете на большое расстояние, они просто незаменимы: ни светофоров, ни кругов, все развязки удобные и очень четко обозначены, через каждые 20-30 км

оборудованы практичные центры обслуживания автомобилистов: с заправочной станцией, кафе, рестораном, магазинчиком, туалетами, душами, информационными центрами. Их, по мере возможности, стараются ставить в приятных и живописных местах. Рядом может быть небольшой прудик с уточками, высажены розовые кусты, под ними стоят деревянные столы с лавками, можно приятно отдохнуть и выпить чашечку чая. Все они имеют свои названия и относятся к одной из нескольких фирм. До последнего времени одной из самых распространенных была “Welcome Break”, а поскольку “break” значит и отдых, и поломка, то мой сын называл их «Здравствуй, поломка» (просто день жестянщика какой-то).

Скорость передвижения по таким дорогам 80 миль в час (т.е. около 112 км). Расстояния в Англии, не желающей быть похожей на европейский мир ни в чем, измеряются в милях, что добавляет экзотичности и неудобства. Срабатывает магия цифр, но расстояния в стране действительно кажутся больше. Вот, например, вы видите знак – до Бирмингема осталось 60. Это в милях, вы знаете, и умом даже понимаете, что в километрах это где-то 97. Но сознание оставляет только цифру 60, и через час вы начинаете недоумевать, куда же мог деться город и почему цифры уменьшаются так медленно.

Недостатком скоростных дорог являются пробки, особенно вокруг крупных городов, и особенно, естественно, вокруг Лондона. Уважающие себя англичане предпочитают жить в зеленых пригородах, а работать все-таки приходится в городских центрах, вот и возникают долгие и нудные очереди. Окружная дорога M25 просто целиком одна многомильная пробка, причем большую часть дня. M1, идущая из Лондона на север, еще и постоянно ремонтируется, что добавляет удовольствия, особенно утром и после работы. Впрочем, москвичей их пробками не удивишь, не хуже они, чем наши в пятницу вечером в теплый летний день. Английской особенностью, правда, является их внесезонность.

Во-вторых, есть и большое количество просто хороших дорог, удобных, практичных и хорошо оборудованных. Скорость на них варьируется – от 80 миль в час на четырехполосных, до 60 на двухполосных и 30 в населенных пунктах.

Но есть и третий, крайне распространенный вариант английских дорог – сельских. Очень разные, они имеют много общего. Главное это ширина, а

точнее их узость. Зжатые между бордюрами, они производят такое впечатление, что и одна-то машина по ним проезжает с трудом, а вид встречной приводит просто в трепет, причем встречная может оказаться и грузовиком. (Интересно, что все благополучно разъезжаются).

Есть и маленький английский сюрприз – живописные высокие бордюры, засаженные цветами и кустами, часто оказываются не столь невинными как кажутся. Внутри изящного травяного покрытия обнаруживается каменная стена, так что, не зная этого, неопытный турист прижимается к ней, пропуская машину, и в результате на крыле оказывается в лучшем случае царапина, а то и вмятина (исхожу из личного опыта, вот уж когда еще раз скажешь спасибо страховке).

А иногда дороги действительно становятся одномашинными, с небольшими, встречающимися время от времени, местами для разъездов. Вот представьте себе, едете вы по такой дороге, в машине с правым рулем, дорога извилистая, зеленый кустарник по бокам, со спрятанными в нем камнями, высотой метра в два, не видно ничего, как в трубе, и прямо перед носом выскакивает машина. После чего вы, или, если повезет, другой водитель, пятитесь назад по этому тоннелю до маленького островка, где можно разъехаться. Настоящий английский аттракцион, испытание нервной системы. Потом вечером за кружкой пива даже весело вспомнить.

Англичане в целом очень вежливые водители, наверное, самые вежливые в Европе. Все, что приятно удивляет нас в европейской манере езды, здесь доведено до высшего предела. Здесь вас непременно пропустят практически в любой ситуации – если вы въезжаете на дорогу, хотите повернуть или развернуться, словом, при любом маневре. Причем сделают это с приятной улыбочкой, да и еще и ручкой непременно помашут, мол, все хорошо, езжай дальше, мы тебя не обидим. Англичане очень любят махать ручкой и от вас ждут того же.

Англичане довольно снисходительны: если вы запутались в сторонах света, остановились посреди дороги и начали беспорядочно маневрировать, чаще всего, если, конечно, этого не требует безопасность, вам не будут сигналить, намекая на то, что при таких талантах вам предпочтительнее было бы ходить пешком, а терпеливо подождут. Наконец, трудно понять, конечно, русскому человеку, но англичане довольно фанатично (в провинции просто

всегда) останавливаются перед «зебрами», если к ней подошел пешеход. Нашему водителю надо всегда об этом помнить, потому что английские пешеходы, ступая на полосатый переход, даже не смотрят по сторонам, а у нас в культуре все-таки преимущество всегда на стороне сильного – то есть водителя. Иногда это раздражает, особенно, когда ты едешь по населенному пункту без единого светофора и каждые два метра вынужден тормозить, потому что какая-нибудь очередная бабушка гордо шествует в соседний магазин, как будто у нее там неотложные дела, а тебе, собственно, и торопиться некуда в этой жизни. Но в целом, вызывает восхищение.

Идиллия была бы полной, если бы ни некоторые осложнения. Так, в Англии существует понятие «дорожная ярость» (“road rage”), заключающаяся в том, что терпение иногда заканчивается, и сдерживаемые эмоции прорываются наружу. Случается это часто в пробках, когда люди взвинчены, опаздывают на работу и дополнительные препятствия вызывают взрыв. Если наконец-то показался долгожданный просвет, а впереди стоящий автомобиль вдруг начал совершать неудачный маневр и вновь перекрыл движение, говорят, что может дойти и до рукоприкладства.

А вот как описала приступ «дорожной ярости» у юного наследника английского престола светская хроника: молодой принц ехал в гости в поместье к очередному пэру, подъезд был долгий, аллея длинная, а перед ним как назло маячил автомобиль, ехавший со скоростью 20 км в час (в котором, как выяснилось, сидел сам пэр). Юный принц, плелся-плелся следом, обогнать тот его не давал, дорожка была узкая, взял да и начал сигналить, мол, пусти меня скорее, очень в гости тороплюсь. Пэр остался всем этим очень недоволен и сообщил потом журналистам, что никто, даже всякие там принцы, не могут позволять себе безобразий, да еще и в его собственном поместье. Вот такая «ярость» по-английски. Правда, мой личный богатый опыт автопутешествия по стране, причем в некоторых случаях требовавший большого терпения со стороны окружающих, никогда не сталкивал меня с подобными неприличными проявлениями эмоций и знания по этому поводу почерпнуты из разговоров и газет

Ориентироваться в Англии достаточно легко, а заблудиться довольно трудно. Во-первых, выручает знание языка, имеющееся хотя бы в зачаточном виде у каждого российского гражданина. Во-вторых, размеры страны. Даже

если вам удалось уехать в противоположном направлении, это вряд ли будет очень далеко. Да и тот факт, что это остров, помогает, рано или поздно упретесь в море и догадаетесь, что где-то ошиблись (подсчитано, что в стране нет точки, которая была бы удалена от моря больше чем на 80 миль). Но главное – в Англии очень четкие и определенные обозначения дорог. Они не столь многочисленны как в Италии, но зато гораздо более логичны и понятны: стоят перед развилками и поворотами и не имеют привычки исчезать в самый нужный момент.

Все автостреды в Англии обозначаются буквой «М» и синим цветом, менее важные «А» и зеленым. Причем соответствующими цветами идут и все надписи на дороге, так что вы никогда не перепутаете, по какому виду трассы вы идете. Очень четко выделены достопримечательности, как правило, на коричневом фоне, да еще и нередко с рисунком – замочек для замков, домик для домов-музеев, цветочек для садов, проще не придумаешь.

Если вы все-таки заблудились, не стесняйтесь спросить дорогу. Правда, помните о региональных акцентах. Однажды я пыталась найти магазин типа универсального в симпатичном городке Ворик, большую часть которого занимает роскошный, и очень дорогой, замок-музей. Ответ я в первый момент приняла за шутку и только потом осознала, что они здесь «укают»: «There's n-oo-thing in W-oo-rick, not the best place for sh-oo-pping» (звучало отчетливое «у», «нусинг ин Вурик» и шупинг»). Причем, поскольку это говорится скороговоркой, понять совсем тяжело. К тому же англичане очень вежливы, поэтому вместо того, чтобы ткнуть пальцем в каком-то направлении, они будут долго и многословно объяснять у какой заправки надо свернуть, а у какого магазина не надо.

Хорошо спрашивать дорогу у полицейских. В Англии к ним отношение другое, чем в России, да и Европе, где все-таки представителей власти инстинктивно опасаются. Здесь же они выполняют дружелюбно-декоративную функцию, щеголяют красивой формой и улыбаются прохожим. Отношения их с местными жителями напоминают наших участковых эпохи социального оптимизма, патриархальные и ласковые с одной стороны, но непримиримые к врагам порядка, с другой. Забавно, но как и многие прохожие постарше, они часто обращаются к тебе неожиданно “love” или “dear”, что не перестает удивлять своей чрезмерной интимностью, но все равно умиляет. Еще одно

привычное обращение - «мадам» или «сэр» - как-то возвышает в собственных глазах.

Наконец, последний дорожный совет. Многие водители не могут передвигаться в машине, особенно на большие расстояния, без музыкального сопровождения. Все арендуемые автомобили, естественно, оборудованы радио и магнитофоном или CD (правда, надо спрашивать, чем именно и не всегда есть выбор, хотя в последнее время кассетные магнитофоны становятся все большей редкостью). Английское радио вещь довольно скучная для иностранца, очень много говорят и совсем не передают любимых песен. Мы же в свое время сделали приятное открытие – в каждой стране очень хорошо «идут» местные традиционные песенки. Сочетаясь с пейзажами, они придают путешествию непередаваемое чувство (и культурно обогащают). Представьте себе австрийские Альпы под звуки тирольского голосового пения, или итальянское море под неаполитанские мелодии (впрочем, Челентано тоже неплох), или норвежские фьорды под Грига. Продаются подобные музыкальные «иллюстрации» на заправках или в сувенирных магазинах и стоят, чаще всего, недорого, поскольку, естественно, это не те мелодии, за которыми гоняется молодежь.

В Англии выбор мелодии и сложен и разнообразен одновременно. Безусловно, музыкальным шедевром народного творчества являются шотландские песни, и, если вы не планируете отдельной поездки на север Великобритании, лучше начать с них, хотя в Шотландии они звучат просто неподражаемо. В Англии же столь однозначно выраженного чуда нет. Есть прекрасные детские песенки. В свое время, где-то в конце 1970-х пластинку этих песен я выучила наизусть. Веселые и грустные, очень простые, но какие-то трогательные, они, к сожалению, похоже стали историей и для самой Англии, а может просто ждут своего возрождения. Некоторые были сознательно убраны как политически некорректные, например, веселая песенка следующего содержания: «Тэффи был валлиец, Тэффи был вор, Тэффи пришел ко мне домой и украл кусок мяса. Я пошел домой к Тэффи, его дома не оказалось, Тэффи пошел ко мне домой и украл мозговую косточку» (Taffy was a Welshman, Taffy was a thief, Taffy came to my house And he stole a piece of beef. I went to Taffy's house, Taffy wasn't at home, Taffy came to my house And he stole a marrow bone).

Выбор, конечно, во многом зависит от вкусов. Много сейчас выпускают средневековой английской музыки, приятной и хорошо гармонирующей с зелеными пейзажами. Есть и танцевальные народные мелодии, которые бодрят, хотя и несколько однообразны. Если же вы не выносите классической и фольклорной музыки, жаль, конечно, но, думаю, в этом случае неплохо пойдут и старые песни Битлз или им подобных групп. Хотя сама не пробовала.

2. «Живая история» или «историю – в жизнь!»

Тема английского быта, да и вообще чего бы то ни было английского, невозможна без обращения к такой важнейшей особенности английского характера как приверженность традициям или, как некоторые предпочитают называть эту черту, консерватизм. Действительно, стремление сохранить в первозданном виде особенности быта и поведения, ритуалы и привычки, порой доведенное до абсурда с современной и не-английской точки зрения, отличает англичан от большинства других народов, подвергается этими другими резкой критике, но и одновременно делает их туристически привлекательными для всего мира.

В свете вышесказанного становится очевидным с каким глубоким уважением относятся англичане к своей истории. Причем не просто как к величественному прошлому, которым можно гордиться, но которое ушло и не вернется и стало теперь достоянием горстки ученых-историков. Нет, английская история жива, культивируется и насаждается в виде старинных традиций (которые, как доброе вино, ценятся тем больше, чем они старше, даже если они довольно абсурдны для непосвященных), в виде просветительской работы по распространению знаний о своем прошлом, в виде консервации того, что сохранилось и реставрации того, что исчезло.

Интерес к истории постоянно растет. И она активно популяризируется. Количество фильмов про Генриха VIII и его многочисленных жен увеличивается год от года на потребу английской публике, не устающей восхищаться своим любвеобильным кумиром. Не угасла и память о Британской империи, правившей морями и землями по всему миру, хвастать этим, конечно, не принято и не современно, но и забыть об этом не забыли.

Музейное дело в этой стране находится на высочайшем уровне - и не случайно. На каждом углу, за каждым поворотом, в каждом захолустье есть свой музей, и он никогда не пустует, причем, заполняют его, прежде всего сами жители страны, с неизменным интересом изучающие особенности жизни и быта своих предков. Традиция посещения исторических домов и замков появилась в Англии еще в эпоху Елизаветы I, когда остальная Европа еще не представляла себе, что такое экскурсия, а сами эти владения находились в частных руках.

Конечно, как и везде, больше всего историей интересуется старшее поколение, а уж для пенсионеров все многочисленные, прекрасно оборудованные музеи это просто кладезь. Но и молодежи много, прежде всего, семейной, с маленькими детьми, которые сидят порой даже еще в колясочках. Укрепилась как-то в обществе в целом мысль, что изучение истории вещь воспитательно очень важная и нужная.

История жива и пронизывает все стороны английской жизни. Так, ни в одном университете мира нет такого количества условностей и исторических традиций как в английском. Выдача мантий для церемоний проводится в строго определенных комнатах – отдельно для профессоров, отдельно для докторов, отдельно для сотрудников без степени, никакого демократизма здесь невозможно представить. Торжественный ужин по любому важному поводу немыслим без фрака и бабочки, даже если многим приходится брать их напрокат. Прекрасные зеленые лужайки в Кембриджском университете могут топтать только те, кто принадлежат к профессорско-преподавательскому составу, о чем предупредительно сообщают расставленные повсюду таблички, остальные должны ограничиваться дорожками. Во время ежедневных совместных обедов, проходящих в старинных высоких залах, при свечах, со столами, уставленными музейной утварью, каждый, от студента до ректора, занимает определенное место, согласно его положению в коллективе. И опять – все это вызывает непонятную зависть и уважение тех, кто не принадлежит к этому иерархическому обществу.

Британские университеты со всей серьезностью относятся к поддержанию ритуалов, возникших в 16, 17 или каком-нибудь еще столетии. Еще совсем недавно, в солидных университетах некоторые профессора пускали на свои лекции студентов исключительно в мантиях, а для определенных видов итоговых экзаменов подобная форма сохранилась до сих пор. Известны случаи,

когда и студенты и профессора жарким летним днем едва не теряли сознание, парясь в толстых длинных декоративных одеяниях, но разрешения снять их от руководства так и не получили. Церемония выпуска представляет собой пышное театральное действо, которое, вместе с тем не кажется искусственным или чрезмерно помпезным. Такое впечатление, что все эти люди родились для того, чтобы ходить в париках, профессорских шапочках, произносить столетиями повторяемые формулы и слова. При этом они остаются вполне современными людьми, ироничными по отношению к собственному миру, но в то же время преданными ему и тайно им гордящимися.

Можно сколько угодно смеяться над затхлостью ритуалов английских университетов, но всякий, кому посчастливилось быть гостем Оксфорда или Кембриджа испытывал острое чувство, не то, чтобы зависти, но какой-то тоски – «какая у людей жизнь интересная!» Разве не заманчиво учиться не в бетонной коробке, а в старинном красивом здании, жить в таком же, сидеть в библиотеке, где на старинных деревянных полках до потолка стоят старинные фолианты (хотя, есть и очень современные библиотеки с самыми новейшими изданиями), плавать с шестом по узкой реке, выходящей между исторических зданий, как твои предки не одно столетие до тебя. Вечером собраться в огромной старинной зале на вечернюю трапезу, где все занимают места согласно положению – профессора и преподаватели за одним столом повыше, студенты – пониже. И не важно, чем кормят – блестит серебро, которое вот уже, скажем, 200 лет кладут на этот самый стол, переливается хрусталь, пусть даже наполненный дешевым вином, горят свечи, так как нельзя нарушать гармонию и проводить электричество.

Нет, против этого трудно устоять. Хотя все вместе это и кажется частью художественного фильма из жизни английской аристократии, это очаровательно, и тем сильнее притягательно, что начинаешь чувствовать себя частью общего действа и в ответ на обращение «сэр», или «мадам», или даже на не сохранившееся у нас как обращение (только в шутку) «профессор», хочешь быть выше и чище и сделать что-нибудь этакое, возвышенное.

Важнейшей частью английской традиции является и монархия. Конечно, сегодня англичане немного комплексуют по поводу столь несовременного института, посмеиваются над ним, говорят, что скандалы, главным образом, любовные, последних лет, в которых были замешаны члены королевской семьи,

сильно пошатнули престиж монархии. Но все эти сомнения объясняются в значительной мере и тем, что эта самая власть, пусть и превратившаяся в декоративную, очень важна для англичан и, главным образом, для сплочения нации и для поддержания национального духа (ну невозможно же сплачиваться вокруг Тони Блэра!) Короли и королевы есть и в других странах – Швеции, Норвегии, Дании, Испании, но нигде они не вызывают такого комплекса и волнения как в Англии, в большинстве случаев их любят, но не замечают. Для англичан же этот вопрос жив и насущен, как и прежде.

Смерть королевы-матери в прошлом году стала прекрасным свидетельством того, что в сердцах англичан живо детское, вошедшее в плоть и кровь, чувство к монархии. Горы цветов, толпы людей тянулись отдать последнюю дань более чем столетней старушке. Девочки в нарядных платьях и белых гольфиках приносили трогательные рисунки с надписями «Мы тебя любим!», пожилые, явно провинциального вида, пары отстаивали очереди, чтобы записаться в книгу памяти, даже язвительные английские журналисты смахивали непрошеную слезу. Старушка, пережившая свой столетний юбилей, смогла объединить нацию и показать, что почитание монархии в Англии все еще живо.

Нынешняя королева Елизавета II личность, конечно, тоже незаурядная. Ее золотой юбилей был отпразднован страной посерьезнее многих национальных праздников в других странах. Были и торжества, и празднования, и многочисленные публикации в прессе, и бесконечные сувениры – тарелки, майки, кепки, открытки, кружки, пачки чая – все это с золотой короной, цифрой 50, а в идеале и портретом героини.

Наследник престола принц Чарльз фигура одновременно милая, трагическая и одиозная. Сын волевой матери, он никогда не был фигурой сильной и яркой, зато в полной мере воплощал любимые англичанами черты – страсть к занятиям спортом, любовь к охоте, жизни в провинции, к тому же он страстный садовод, что дорогого стоит в этой стране. Но в молодости с ним случилась неприятность, обычная для молодых людей – он женился. Его свадьба с Леди Дианой Спенсер была похожа на сказку – золотая карета, фантастическое белое платье, весь Лондон в цветах. Диана, очень юная, улыбающаяся блондинка сразу завоевала симпатии общественности, к тому же она быстренько родила двух мальчиков, а это в монархиях очень ценится.

Семейная идиллия – юная красotka, менявшая один наряд за другим (сегодня регулярно выставляются коллекции ее туалетов), два красивых мальчика и наследник, некрасивый, но очень английский – была довольно скоро нарушена. Кто прав, кто виноват в семейной жизни дело темное, но факт остается фактом: принц был очень несчастен, любил свою старую подружку Камиллу (старую и в буквальном смысле тоже: она не только значительно старше принцессы Дианы, но и немного старше самого Чарльза), старался побольше бывать вдали от семьи в Шотландии или еще где-нибудь, словом, перестал соответствовать английским идеалам. Большая часть с сочувствием обратилась к его супруге – по-прежнему молодой, красивой (главное, очень нарядной), к тому же, судя по всему не без советов имиджмейкеров, увлекшейся благотворительностью. Диана среди больных СПИДом, Диана в африканской глубинке, Диана в окружении детей-инвалидов, все эти трогательные картины сначала работали на монархию. Пока не стало очевидно, что разрыв между супругами неизбежен.

После этого каждый из супругов жил своей жизнью – Чарльз подвергся всеобщему осуждению, как чудовище, бросившее красавицу. Диана пустилась во все тяжкие, давала разоблачающие интервью прессе, меняла любовника за любовником, позволяла себе всякие выходки. Можно только посочувствовать королеве, страдавшей и как мать, и как хранительница престола.

Развязка наступила в результате ставшей широко известной трагедии. Принцесса Диана, севшая поздно ночью в автомобиль со своим арабским любовником, сыном знаменитого богача, разбилась в тоннеле в Париже. Такая смерть всегда является предметом пересудов – кто-то искал здесь «фуку» Лондона, кто-то обвинял водителя в пьянстве, многие обрушились (и поделом, в любом случае) на журналистов, преследовавших пару в погоне за сенсационными снимками. Как бы то ни было – принцесса Диана умерла и стала легендой. Сегодня, спустя шесть лет после ее гибели, сувенирные магазины по-прежнему заставлены кружками с ее изображением, а молодые японки, изнемогая от восторга, фотографируются с ее картонным изображением. Не утихают споры о том, кто она была: нервная истеричка, сексуально озабоченная, или святая, дарившая радость и покой людям. Не прекращается поток бывших любовников, зарабатывающих деньги на своих, пусть мимолетных, отношениях с принцессой.

Станным образом, после трагедии коренным образом изменилось отношение общества к бывшему супругу принцессы наследнику принцу Чарльзу. Оказалось, что он вовсе не злодей, третировавший красавицу, а пожилой уставший человек, который всю жизнь любит одну женщину (строгое английское общество простило даже это, за постоянство и верность), что он очень предан и прекрасно общается со своими сыновьями, которые ему платят искренней взаимностью.

Сегодня, конечно, с уверенностью можно сказать, что наследник «пересидел», он слишком долго ждал своего часа, слишком состарился в роли принца, чтобы быть хорошим правителем. Сейчас общество с надеждой смотрит на его сыновей. Прежде всего это наследный принц Уильям, герой прессы и юных девушек всего мира. Юный принц, во всяком случае в Англии, вполне успешно конкурирует по популярности (причем она растет год от года, даже месяц от месяца) с известными рок музыкантами и знаменитыми футболистами. Его фотографии не только можно найти в любом журнале, но и буквально на каждом углу в английской столице. Его брат Генри тоже по-своему популярен: менее романтичный и красивый, он абсолютный англичанин – рыжий, без сантиментов, спортсмен, мечтающий о военной карьере (Уильям ищет себя в искусстве).

Есть и другие персонажи: уже старый муж королевы, трогательно все путающий и забывающий, над чем не слишком злобно насмехается пресса. В некоторых случаях, даже тайно радуется – когда во время очередной премьеры ему представили Мадонну, он поинтересовался у окружающих – «А это кто такая, тоже артистка?», чем доставил журналистам большое удовольствие. Есть дочь королевы принцесса Анна, чей брак с красавцем-офицером Марком Филиппом тоже начинался как красивая сказка. Сейчас, уже тихо разведясь и выйдя замуж вторично, принцесса очевидно является утешением старушки-матери, честно выполняя свои принцесские обязанности.

Второй сын королевы, принц Эндрю, также сплеховал с женитьбой. Его жена Сара, родившая двух очаровательных дочек, не прижилась в королевском доме, развелась, вылила ушаты помоев перед радостными журналистами, опомнилась, извинилась и стала зарабатывать деньги как телеведущая, писательница, журналистка, причем большую часть – в Америке, что не слишком радует окружающих. Наконец, последний сын, принц Эдуард, женился

поздно, сейчас готовится стать папой и пока что не успел слишком огорчить стариков-родителей.

Монархия в Англии сегодня не только красивая декорация, хотя это тоже немаловажно. Королева - глава англиканской церкви, а значит хранительница нравственных устоев общества, ей дают присягу молодые новобранцы, она царствует, даже если и не управляет (а кто сегодня реально это делает?). В ней видят основу будущего процветания страны английские националисты, ей симпатизируют, как показал ее юбилей, самые широкие слои английского общества.

Стремление противопоставить исторические национальные традиции неудержимо наступающей глобализации – характерная черта современной эпохи. Но в Англии этот процесс совпал и с зовом души. История и исторические традиции – это та основа, которая поддерживает национальную самобытность Англии, которая сохраняется, культивируется, а теперь даже еще и возрождается в тех случаях, когда англичане проявили непростительную забывчивость. Хотя это и отнюдь не означает примитивной идеализации истории а, в свою очередь, осознание ее недостатков, не делает ее менее привлекательной.

3. Верность традициям или как помыться в английской ванной.

Стремление сохранить все как есть, доведенное порой до абсурда, пронизывает все стороны английской жизни и заметно нарастает год от года как способ сохранения национальной самобытности. Про правый руль и левостороннее движение уже было сказано выше. Казалось бы – левый удобнее, но англичан так просто не собьешь с толку. Во первых, так исторически сложилось, во-вторых, отличает их от остальной Европы, ну и, наконец, левшам очень удобно. Один американский журналист вспоминал, как радостно было ему, левше, сесть за руль английского автомобиля, просто праздник души.

Борьба с новшествами касается и английских домов. В них запрещено производить какие-либо замены, если только эти дома не самой современной постройки, но большинство англичан предпочитает жить в старинных зданиях.

Запрет на любую замену окон и дверей в этих старых домах заставляет всю страну обходиться без стеклопакетов, что довольно холодно, хотя и терпимо.

Английская телеведущая на страницах провинциального журнала поделилась своим опытом покупки старого дома. Как и для большинства ее соотечественников первые приличные заработанные ею деньги стали поводом для покупки нового жилья, причем, конечно, в деревне, конечно, допотопного, конечно, большого и с садом. И конечно ей, городской жительнице, понадобилось много сил, чтобы овладеть искусством ухаживания за старым домом. Один эпизод особенно запоминается.

В одну из первых ночей они с мужем услышали страшную возню, шум и скрежет на чердаке. Раз от раза шум усиливался, доносился отчетливый писк, царапанье, шелест, шорох, что позволило им сделать логический вывод, что они не одни в доме (описание столь живописно, что нормальному обывателю не-англичанину этого всего было бы достаточно, чтобы сбежать немедленно). Они вызвали соответствующую службу, благо с этим в стране все в порядке, и мужчина с собакой, обследовав их чердак сообщил, что там живет колония летучих мышей, которую нельзя выводить (так как, видимо, они в этом доме жили уже не одно столетие). Так и продолжилась эта сельская идиллия под шелест крыльев и царапанье коготков. В конце статьи ведущая оптимистично сообщила, что теперь она окончательно стала сельской жительницей и просто уже не представляет, как можно жить в квартире в городе (и, видимо, засыпать без «музыкального» сопровождения).

Стремление к традиционности и историчности столь велико сегодня в Англии, что старые дома не только не обновляют, а наоборот, старят. Рабочие сдирают поздние наслоения, высвобождают старые потемневшие балки, покрывают их лаком. Получается, отметим справедливости ради, очень красиво.

В этих условиях борьба с «евро» и другими континентальными нововведениями приобрела характер борьбы за выживание. Патриотический журнал «This England» пишет о том, что потеря национальной валюты равнозначна, не больше, не меньше потере национальной гордости. Даже предложение изменить цвет корочек английского паспорта, чтобы унифицировать его с европейским, вызвало большое сопротивление и пока что не было принято.

А знаменитые дебаты, касающиеся охоты на лис? Создается, порой, впечатление, что этот вопрос занимает английский парламент и общественность больше, чем какие-либо другие. Казалось бы, в такой стране как Англия, где животных любят и берегут не меньше, а может и больше чем людей, вопрос должен был быть решен быстро и просто. Да и сколько их сегодня реально есть, этих охотников на лис, в современной стране. Но нет, это вопрос принципа. В Англии всегда охотились на лис, значит так и должно быть. Тронешь один принцип, падут и все другие, подобно карточному домику. А с ними и вся система.

Традиционность сохраняется и в коммерции. Мой муж однажды был поражен, увидев в магазине допотопный топор, даже у нас такие уже «сняли с производства», а уж про супер-современные финские и говорить не приходится. Но дело, думаю, не в том, что англичане не знают как сделать современный топор, возможно она даже придумали новые технологии и продали их финнам, а просто не хотят, потому что им приятно купить и поставить в сарае старый и примитивный (не слишком, я подозреваю, много они им и пользуются, все равно что-либо вырубать тоже запрещено), напоминающий о детстве и прошлой жизни.

А фанатичная любовь к старым (действительно **очень** старым) машинам? Конечно, богатые люди в разных странах собирают коллекции старинных автомобилей как монеты или марки. Но англичане обожают на них ездить. Они вытаскивают неизвестно откуда на свет божий всякое (прошу прощения) старье, долго любовно приводят его в порядок, красят, чистят, полируют. Наконец, наступает торжественный день, когда нарядившись, они садятся с подружками в это творение и тащатся горделиво со скоростью 40 километров в час по узким деревенским дорогам, а все останавливаются и с восхищением, смешанным с завистью, на них глазеют. Они ездят на этих консервных банках и по автострадам, мешая всем на свете, но там не так интересно, никто не может как следует их разглядеть. Хочу отметить, что делают это они независимо от возраста, нередко из такой машины виднеется седая борода, но и веселая молодежь уважает это дело, так что единение возрастов и полов здесь полнейшее. И не по бедности – у каждого в гараже стоит еще и большой скоростной автомобиль, а то и не один, для неинтересных поездок на работу и

по делам, когда приходится торопиться, а это просто высший шик и большое удовольствие.

Единственное, где англичане позволяют себе использовать нововведения, так это в любимой ими одежде для улицы и плохой погоды. Здесь они непревзойденные мастера. Хотя меняется только содержание, усовершенствуются материалы, формы же – прекрасные, мешкообразные и примитивные – сохраняются в первозданном виде.

И в рекламе основной упор делается на традиционность и историзм. Чем старше год основания фирмы, тем меньше ей нужно напрягаться. Достаточно только написать что-нибудь типа «Мы одеваем Англию с 1771 года» или «Наши конфеты едят с 1834 года», чтобы обеспечить себе успех. Более новым приходится пофантазировать. Вот недавняя реклама печенья: огромные уличные щиты, на которых изображена картинка в старинном стиле, золотая рожь, девушки в длинных платьях, юноши в чем-то типа косовороток, сельская идиллия, а внизу подпись: «Мы используем новейшие технологии при изготовлении нашего печенья такие как ... трактор». В картинку действительно включен допотопнейший трактор и все покупатели должны непременно умилиться, что все делается так по старинке.

Все этой порой досаждают, но чаще всего умиляет. Гораздо больше неудобств доставляет английская сантехника, вызывающая бесконечное удивление у посторонних пользователей. Трудно понять, как кому-то может быть удобно умываться под двумя раздельными кранами с горячей и холодной водой. Ну дома еще можно представить, что вы набираете воду в раковину и в ней плещетесь. Но уж совсем не понятно такое разделение в умывальниках на вокзалах, в ресторанах, общежитиях, словом, местах общественного пользования: желание плескаться в этом случае пропадает совсем.

Дальше – больше. Традиционная английская ванная (а в масштабах страны они составляют подавляющее большинство, перемены коснулись в основном столичных отелей) также имеет два раздельных крана и не имеет душа. По замыслу этого удивительного народа необходимо набрать в нее воды, напустить пены, понежиться, помыть голову (!) и вылезти ничего не смывая. При этом гостиницы, в которых такие ванны заменены современными душами, пользуются меньшим спросом у местных жителей, в рекламе особо оговаривается, что в номере есть традиционная ванная.

Подобным же образом моется и посуда в домах – вода набрана в раковине как в тазике, в нее добавлена моющая жидкость, и так, не смывая, в мыльных разводах, посуда ставится на сушку. Русский (да и всего остального европейского мира) способ мыть посуду под проточной водой вызывает встречное недоумение англичан: «Какая неразумная трата воды!». Иногда создается впечатление, что англичане живут в безводной пустыне, а не на зеленом острове. Кстати, студенты одного из британских университетов однажды подсчитали, что при пользовании душем воды тратится ничуть не больше, чем при наборе воды в ванную, но это не произвело никакого впечатления на общественность. Молодежь, что с нее возьмешь, горячая, неразумная, но это проходит.

Интересно, что когда-то в 19 веке Англия была лидером по производству умывальников, ванн и унитазов, но, такое впечатление, что, сохраняя традиции, с тех пор она недалеко ушла вперед. Забавно, что даже в тех случаях, когда в угоду иностранцам ставятся смесители, они, если только не итальянские или финские, умудряются воду не смешивать и из одного крана идет не теплая, а горяче-холодная вода, если можно так выразиться, которая и обжигает и холодит одновременно разные места. Биде же, как пошлая новинка, и вовсе не прижились: по выражению одного английского публициста, англичане до сих пор уверены, что это приспособление для стирки носков.

Одна моя хорошая знакомая, специалист по межкультурной коммуникации, однажды, находясь в Англии, пошла на смелый научный эксперимент. «Что это такое, - возмутилась она, - мы говорим о необходимости изучать другие культуры, чтобы понять их, а сами до сих пор не попробовали настоящий английский способ мытья в ванной. Я должна это сделать, иначе я перестану себя уважать как ученого». (Дело в том, что мы тогда жили в общежитии в Лондоне и в ванной мылись с помощью купленного пластмассового ковшика). Оценив ее научную смелость и пожелав успеха, мы стали дожидаться результатов опыта. Все было сделано как положено – в ванную была напущена вода, добавлена пена и в нее-то и погрузилась наша любительница местных обычаев. Вышла она через пятнадцать минут, с самым мрачным видом, с прилипшими к голове мыльными волосами, а рано утром пластмассовый ковшик исчез раньше, чем мы успели открыть глаза.

Схожие сложности имеются в Англии и с унитазами. В частных гостиницах и пансионах в туалете рядом с унитазом обычно висит длинная, обстоятельная инструкция, разъясняющая гостю правила слива воды. Эта система слива еще не забыта в России, хотя и устарела во всем западном мире: подвесной бак с цепочкой, которая, если сильно дернуть, остается у вас в руках. Инструкция нередко заканчивается замечательной фразой: «Только после окончательного возвращения рычага на исходную позицию, вы можете повторить попытку». И такие повторения не редки.

Французы, главные оппоненты англичан, имеющие храбрость критиковать последних (остальные народы предпочитают отмалчиваться, чтобы не попасть впросак) считают, что все это делается для того, чтобы создать неудобства для иностранцев. Сами англичане интуитивно чувствуют глубокую связь между формой и содержанием: поменяй одно, неизменно поменяется и другое. Сохранение двух кранов, цепочки на унитазе, правого руля, в конечном счете обеспечивает им национальную целостность и защищает национальные особенности характера в условиях тотальной глобализации.

Во время независимого путешествия одной из важнейших задач становится поселение в гостиницу. Многие предпочитают все-таки ограничивать свою «независимость» в этом плане и бронировать жилье заранее, тем более, что сегодня с помощью интернета это делать легко и быстро (надо только иметь под рукой банковскую карточку Визу или Мастеркард). Конечно, спору нет, ехать и знать, что где-то тебя ждет готовое жилье – чувство приятное. Но теряется элемент приключения и эффект неожиданности. Остановились вы, например, в маленькой деревушке попить воды, сидите на улице перед пабом, напротив маленькая деревенская гостиница вся в цветах, в маленьком садике уютно расставлены столики со стульчиками, а на одном из них еще не убраны чайные принадлежности, чтобы вы могли наглядно представить для чего все это. Солнышко светит, птички поют и вы вдруг понимаете, что вот именно в этом самом месте и почувствуете, что такое неторопливое и спокойное английское счастье. А у вас номер заказан в 100 милях в шумном городском центре без всяких птичек.

С другой стороны, конечно, уставшему путнику иногда очень не хочется выскакивать в каждой деревне, бежать в гостиницу, выяснять цены, смотреть

номера, ехать дальше, потому что или цена высока или условия не подходят (эти два момента находятся в какой-то удивительной взаимозависимости). Так что каждый решает сам для себя, что предпочесть.

Существует и компромисс: можно заказывать гостиницу в туристическом офисе в небольших городках. Их очень много, они четко обозначены буквой “i” на всех картах, и милые девушки или симпатичные дамочки всегда очень доброжелательны и стремятся помочь. Выслушав ваши пожелания – «хочу, чтобы на природе, маленькая гостиница, столики в саду и птички на деревьях», они ласково предлагают вам многоэтажную гостиницу в своем городке в деловом центре. Практические занятия на местности явно не входят в программу подготовки работниц провинциальных туристических офисов. Однажды, находясь в самом сердце района Котсволдс, знаменитого своими домиками с соломенными крышами, я поинтересовалась, в какое место мне лучше заехать, чтобы полюбоваться ими. Простой вопрос поверг все население офиса в смущение. Они пересмотрели все свои брошюры, обзвонили знакомых и в конце концов, сказали, что если я съезжу в соседний Стратфорд-на-Эвоне, родину Шекспира, там точно есть один.

Гостиницы в Англии очень разные. Причем здесь отсутствует уже привычная нам система «звездной» градации, когда ты более или менее представляешь, что увеличение числа звезд повышает одновременно уровень комфорта и стоимость номера. В этой же стране существует огромное количество своих собственных категорий – разных значков, символов и картинок, которые тоже меняются количественно, но разобраться в них не так-то просто. Для любопытствующих приведу только самую простую систему: Британская туристическая организация присуждает гостиницам короны – от одной до пяти, которые учитывают прежде всего удобства и услуги. По другой системе, основанной на внимании к таким немаловажным вещам как гостеприимство хозяев, уют и атмосфера в доме, между гостиницами распределяются таблички: “approved”, “commended”, “highly commended”, “de luxe” (по степени возрастания). Таким образом, гостиница может иметь одну корону и высшую категорию по второй системе, что означает, что место хорошее, дружелюбное, уютное, но услуги ограничены. Кроме этого существует множество местных систем отличия, обозначаемых еще какими-нибудь

значками. А теперь попробуйте это все запомнить и воспользоваться своими знаниями во время путешествия.

Есть у английских гостиниц несколько преимуществ, делающих проживание в них частью культурной программы и огромным удовольствием. Очень многие из них, следуя за английским уважением к истории, представляют собой своего рода живые музеи, которыми не только можно любоваться, но и жить в них. Таким образом, у постояльца появляется возможность почувствовать себя частью английской истории. Представьте себе гостиницу, века, ну скажем 15, у вас в номере, стоит огромная старинная кровать, резная деревянная мебель (более поздняя, конечно, века 19), над головой вашей выступают черные деревянные балки, обстановка такая, какую вы до этого видели только в исторических фильмах. В большом холле или баре (что, обычно, одно и то же, пить можно везде) огромный старинный камин, не декоративный, а настоящий, в котором горят дрова, придавая уют и тепло всей обстановке, стоят мягкие удобные кресла и диваны, висят по стенам портреты чьих-то забытых предков и разных английских королей и королев. Англичане в архитектуре очень любят закутки, так что утонув в кресле в одном из таких интимных закутков, можно очень хорошо предаваться размышлениям о бренности бытия, потягивая, по желанию, вкусный чай, или пиво, или еще чего-нибудь, но непременно, потягивая, обстановка очень убаюкивающе-благостная, без суеты.

Это один стиль хорошей английской гостиницы. Есть и другой, не менее привлекательный и не менее английский - сельский. Здесь главный упор делается не на историзм, а на уют. Все будет заставлено пуфиками, вазами с цветами, на окнах занавески из веселого ситчика в цветочек, гармонирующего со всем – бельем на непременно высокой и мягкой кровати, скатерками, креслами, вазочками. На стенах развешаны все те же цветочки, только уже нарисованные. Завтрак вам подадут на таких же цветочных тарелках. Все вокруг светлое и радостное, включая улыбающихся хозяев. В такой обстановке приятно просыпаться с зарядом бодрости и радости на весь предстоящий день.

Наконец, совсем не так давно я открыла еще один вид гостиниц, для меня ставший эталоном, так называемые «Кантри отели» (опять не могу перевести слово “Country”, ну не сельские же). Они часто расположены в бывших усадьбах, не слишком старых, века 19, но очень уютных. В них сочетается

первый и второй тип: историзм, камин и цветочки. В подобных гостиницах стараются воспроизвести атмосферу старых помещичьих усадеб, так, чтобы гости чувствовали себя как дома. Здесь можно везде ходить, поесть не только в ресторане, но практически везде, где захочется, если вдруг вам лень вставать с кресла у камина, где вы пригруппировались. Здесь светло и уютно. Но главное – в таких местах всегда есть свой сад или даже небольшой парк, с фонтанчиком, дорожками, скамейками у клумбы с розами, столиками для чая на лужайке.

Если же вдруг у вас есть деньги, и вы можете позволить заплатить за одну ночь фунтов 300 (и выше), ну вдруг, то у вас есть возможность пожить в Англии как настоящий аристократ. В последние годы было переоборудовано под шикарные гостиницы значительное число больших поместий. Правда, все это делается очень по-английски, без претензии на роскошь. При въезде вас встречает прекрасный сад, весь усаженный цветами, со стриженными газонами, по которым можно ходить куда угодно, с огромными старинными деревьями, под одним из которых сидит оркестр и играет нежную успокаивающую музыку. В доме все воспроизведено так, как оно было в соответствующую эпоху, которая выбрана за образец, причем, чаще всего все и мебель, и гобелены, и ковры настоящее, принадлежащее соответствующей эпохе. Сейчас нас уже трудно удивить, особенно тех, кто может позволить себе заплатить 300 фунтов за ночь, и действительно, ничего остро модного или ярко золотого здесь не будет, но если вы стремитесь к красоте и покою, вам должно понравиться. (Если же денег нет, можно просто зайти в такую гостиницу на экскурсию, поинтересоваться ценами, осмотреть номер, как будто вы думаете и сомневаетесь, не остановиться ли вам здесь на ночь. С вами всегда будут безупречно вежливы и предупредительны, даже если и не поверят вашей уловке).

Все это относится к тем случаям, когда вам повезло и удалось попасть на хорошую гостиницу. Но наряду с чисто английскими достоинствами существуют и чисто английские недостатки проживания. Во-первых, нередко гостиницы в Англии отличаются недостатком комфорта. Про ванны и унитазы уже было рассказано выше, и их допотопность – это совершенно объективная реальность. Кроме того, номера в таких заведениях, расположенные в старинных домах, нередко бывают очень маленькие (что не отражается на их цене), так что старина стариной, а развернуться бывает и негде. Добавьте к этому шаткий,

порой перекошенный, скрипучий пол, повсеместное отсутствие лифта, даже если ваш номер на 4-м этаже, узкие крутые лестницы, по которым не пролезает чемодан, и будет понятно, почему, например, такие любители комфорта, как американцы, приходят в ужас от английских гостиниц. Что же касается цен, то они приводят в ужас не только американцев, но и все мировое сообщество.

Дешевых гостиниц в Англии просто нет. Те, которые очень незатейливы по качеству, все равно стоят дорого, если вы переведете фунты в евро. Относительно недороги придорожные гостиницы и расположенные над пабами, то есть, которые предназначены для усталых путников или перебравших клиентов, которые хотят только рухнуть, все равно куда, и забыться сном. В таких местах так лучше всего и делать. И стараться не смотреть по сторонам и не приноживаться, а также не надеяться помыться, так как ванны в таких местах всегда традиционные и о душе здесь слышать не слыхивали. Так что лучше всего использовать место по назначению – выпить и уснуть, не раздеваясь. Английские гостиницы часто разочаровывают: мы все ждем Европу, а тут вчерашний день какой-то, все старое, потрепанное, затхлое. Так что если вы не любите старину, а предпочитаете современность и технократию, в Англии вам делать нечего.

Хорошей во многих смыслах альтернативой гостиницам является английское же изобретение называемое «бед энд брекфаст» (буквально «кровать и завтрак»), представляющее собой жилье в частном доме. Обычно каталоги таких мест есть во всех туристических офисах, можно их найти просто так, с улицы, перед входом или на доме вешают значок “B&B” (то есть “Bed and Breakfast”).

У таких мест много достоинств - и не только цена, которая, во-первых, всегда ниже гостиничной, а во-вторых, может варьироваться в зависимости от сезона, настроения хозяев и других факторов, в среднем же это 15-25 фунтов с человека, включая завтрак. Кроме этого жизнь в таком заведении это фактически жизнь в настоящем английском доме, а порой и просто в семье, это встреча и общение с настоящими англичанами, возможность подглядеть их быт и нравы.

Оговорюсь сразу, в этом же и их недостаток. Иногда подобное «общение» бывает слишком тесным, когда невозможно уединиться и побыть одному или вдвоем. К тому же в старых домах хорошая слышимость, каждый

ваш слишком поздний или ранний поход в туалет сопровождается страшным скрипом, слышимым во всем доме, а многократное дерганье цепочки сливного бачка, грохотом, который поднимет и мертвых. Именно в частных домах, не делающих никаких попыток приспособиться к иностранным туристам, вы столкнетесь с особенностями английского быта, когда простое умывание превращается в подвиг, а поход в туалет – в общественное событие. Так что если у вас медовый месяц или романтический выезд, накопите денег и остановитесь в гостинице.

Частные гостиницы «бед энд брекфаст» тоже бывают очень разными. В некоторых есть даже отдельный вход для постояльцев, специально оборудованные комнаты, иногда, хотя и редко, даже своя ванная с туалетом. Чаще всего это несколько комнат в доме на одном отдельном этаже, нередко же они находятся прямо среди хозяйских, так что места общественного пользования становятся действительно очень общественными.

Одно из таких заведений в Корнуэлле оставило незабываемое воспоминание в моей памяти. Небольшой домик стоял на высоком скалистом берегу моря, кстати, единственное место, где можно было остановиться на много миль вокруг, так что выбор был скорее вынужденным. В комнате (номером такое жилье не назовешь) стоял нежный запах лаванды, исходивший от засушенных букетов, расставленных на многочисленных столиках. Кровать была по-деревенски завалена подушками, в каких-то умильных оборочках. Все было чисто, просто, нарядно, так что даже ванная, залитая солнцем и тоже заставленная сушеными букетиками, казалась вполне привлекательной, несмотря на раздельные краны и отсутствие душа. Хозяева были тихими и невидимыми, занимались своей фермой, а утром накрыли завтрак в саду, напоили свежим молоком, накормили деревенскими яйцами и расстались друзьями.

Другой пример – частная гостиница в Озерном крае. Здесь пожилая пара увлеченно играла в семейный бизнес. Все было продумано до мелочей, старательно воспроизводился гостиничный быт, даже в ванной комнате был смеситель на умывальнике (но не на ванной). Комнатки были маленькие, видно было, что задумывая бизнес, их нагородили как можно больше, чтобы вместить побольше людей, но чистые и уютные. Хозяин все время спрашивал, довольны ли мы и не нужно ли чего-нибудь еще. Раскрыв дверь небольшой, но милой

общей гостиной внизу дома, он гордо сообщил, что здесь мы можем посидеть, пообщаться (нас было пять человек и он считал, что сидеть вместе в одном крошечном номере было бы крайне сложно - плохо же он знал русских!), выпить вина, для которого он готов был совершенно бесплатно предоставить бокалы.

Время было раннее, и мы решили для начала пойти погулять. Надо сказать, что английские прогулки, если это не сад или парк, это хорошее испытание и проверка на прочность. Вся более или менее пригодная для прогулок английская земля является частной собственностью и отгорожена высокими оградами из колючей проволоки. Еще много лет назад до жителей этой страны дошло, что при таком положении дел, им самим уже стало негде гулять и приобщаться к столь любимой ими родной природе. Так что было решено разрешить проход по частным владениям, при условии, что вы держитесь проложенных дорожек и хорошо себя ведете. Дорожки эти обозначены табличкой "Public footpath" («Общественная тропа») и непременно указывают куда-то в непроходимые кусты. Никакой дорожки и в помине нет, табличка просто дает право прохода, а отнюдь не намекает на наличие удобств. Заборы и колючая проволока тоже на месте, но через них воздвигнуты лесенки, так что при наличии некоторой сноровки можно перебраться на соседний участок.

Следующая проблема возникает уже тогда, когда вы перебрались через забор и находитесь на участке. Дело в том, что, как правило, за загородкой обнаруживается стадо, в лучшем случае, коров, которые все задумчиво начинают на вас смотреть и о чем-то думать, кто его разберет, о чем. Часто же там поджидает бык гигантских размеров, в целях коровьей безопасности отведенный на отдельный выгон и вот его-то мысли сомнений не оставляют – надо бежать и как можно скорее. Причем бежать еще и по страшной грязи, которая неизбежна на поле, где пасется скот, да еще и в условиях дождливой местной погоды. Сами англичане очень любят шутки на эту тему – в магазинчиках продается множество открыток, перепевающих один сюжет: робкие туристы с рюкзаками и огромный бык, недобро на них смотрящий.

Наша прогулка заключала в себе все английские прелести: сначала отдельные члены коллектива повисли на проволоке, перебираясь через забор, потом бежали от коров, затем утонули по колено в грязи (сами англичане на

такие прогулки носят свои любимые резиновые сапоги, а мы, естественно, были, в лучшем случае, в кроссовках). А в довершение всего нас еще и обильно полило сверху внезапно начавшимся проливным дождем. Замерзшие, грязные, уставшие и вымокшие до нитки, мы примчались в свое жилище, которое показалось нам самым уютным и замечательным в мире, набились в одну комнату, которая уже не казалась такой маленькой, главное было тепло и сухо и не ходили коровы, вытащили купленную на подарок бутылку виски и с наслаждением выпили из чайных чашек, которые находились в номере. Правда, превосходная слышимость выдала нас и хозяин позже сетовал, что у него прекрасная гостиная для этих случаев и вновь сообщил, что бокалы бы он дал совершенно бесплатно. Но мы ни о чем не жалели.

Очаровательным и трогательным был завтрак утром следующего дня. Столы были накрыты в просторной комнате с огромными окнами от пола до потолка, все было гармонично, англичане очень любят хорошую посуду – скатерти сочетались с вазочками и тарелками, а также с чашками и подставками под тосты. Между столиков ходил гордый хозяин (жена его готовила на кухне и гостям не показывалась), ужасно довольный интернациональным составом своих гостей: помимо нас, русских, у него остановилась еще одна шведская пара и одна немецкая. Он поддерживал светский разговор, беспокоился о нашем благополучии, спрашивал, не надо ли еще чего. Здесь у него вышел конфуз: на завтрак его жена специально испекла булочки, о чем он с большой гордостью сообщил нам всем. Шведка, отказавшаяся есть традиционный английский завтрак, чем уже очень огорчила хозяина, попросила вторую булочку, на что смутившийся хозяин был вынужден сообщить, что булочки были испечены ровно по числу гостей, так что он может принести только тосты. Окончание завтрака было испорчено, так как шведы не переставали фыркать и ехидничать по этому поводу, а хозяин ходил помрачневший от такой очевидной бестактности.

Наконец, третий характерный образчик аналогичного заведения был недавно встречен мной в Кембридже, где я оказалось случайно, приехав из Лондона, чтобы встретиться с одной хорошей знакомой, участвовавший там в университете в международной конференции. Она была там с мужем и маленьким ребенком, и хозяева заранее уверили ее, что у них есть все условия для семейной ночевки. Им действительно отделили отдельную комнату, в которой

стоял непрменный атрибут английской гостиницы – чайник, собственно, видимо, и символизировавший «гостиничность» этого места. Комнатка была маленькая, так что кроватку ребенку ставить было некуда, да это, как выяснилось, и не предполагалось. Для него «постелили» в выдвинутом ящике комода, благо ребенок был маленький, застенчиво улыбнувшаяся хозяйка вопрошающе заметила: «Ему тут будет удобно, правда?».

Меня же с сыном, как гостей незапланированных, но от которых не хотелось отказываться, вместо того, чтобы честно заранее сказать, что мест у них нет, поселили в комнатах хозяйских сыновей, находившихся в отъезде, так что чувство, что лежишь в чужой кровати не покидало ни на минуту. Интересы хозяина той комнаты, в которой ночевал мой сын, были ему вполне по душе – спорт, музыка, какие-то приборы, я же оказалась в комнате очевидного семейного интеллектуала и всю ночь читала его книги по археологии и путешествиям. Стоит ли говорить, что ванная и туалет, еще и, как принято в стране, совмещенные, у нас были одни на всех, то есть с малышом, которого тоже надо было время от времени купать, в общей сложности на 7 человек, что создавало некоторую переизбыточность и утренние очереди.

Есть, кстати, одна сторона английского быта, которую нельзя обойти молчанием и которая, возможно, будет выглядеть довольно противоречиво на фоне вышеприведенной критики. Это – общественные туалеты, явление почти забытое, к сожалению, нашими соотечественниками. Так вот, у английских есть две особенности – их много и они чистые. Везде, в общественных парках, на оживленных улицах, в музеях, на вокзалах, около крупных достопримечательностей, просто в центрах небольших городков, вы можете быть спокойны – они рядом.

Помню, как еще много лет назад поразило открытие – довольно поздно вечером, на улице шекспировского Стрэдфорда зазывно горели лампочки заведения, которое оказалось не только открытым в столь поздний час, но и белоснежно-чистым, и бесплатным. Кстати, в Англии нельзя открывать никакое заведение общественного питания без оборудованного для посетителей туалета (что логично, нелогично открывать многочисленные уличные пивные в Москве без этого). Есть они на всех автомобильных заправках и в крупных магазинах. И везде работают. У англичан вообще есть некоторая озабоченность по этому

поводу, создается впечатление, что они посещают туалеты гораздо чаще других жителей планеты. Но для странствующего путника это очень удобно.

И все-таки, возвращаясь к главной теме, даже с учетом всех критических замечаний, надо отметить, что английские гостиницы всех видов составляют важную часть туристической программы. Они дают возможность прикоснуться к реальной (а, может, наоборот нереальной) жизни в этой стране, побыть частью ее истории и культуры, пообщаться с людьми в их естественной среде обитания, проникнуть в святая святых англичанина – его жилище. У вас появляется исключительная возможность пожить в различных эпохах английской истории, почувствовать себя героиней или героем любимого английского романа, стать частью английской жизни. И все это благодаря провинциальным гостиницам и «бед энд брекфестам». Если воспринимать их как практические занятия к историко-культурному курсу по «Англоведению», то все неудобства и странности, все (кроме заоблачных цен, разумеется, но это уже курс практической экономики) станет неважным и незначительным.

Глава 4. «Знаменитая» английская кухня.

1. Английская кухня и национальное самосознание

Соседи с континента не устают издеваться над кухней англичан. В популярном во всем мире французском мультфильме про галла Астерикса есть эпизод, в котором он вместе со своим прожорливым другом Обеликсом приезжает в Англию, где герои мучительно пытаются нормально поесть, но даже обжора Обеликс не может справиться с английскими блюдами, обильно приправленными мятным соусом (неплохая вещь, кстати, особенно если есть с молодой бараниной). В известном международном анекдоте про ад и рай в аду повара – англичане (полицейские – немцы, любовники – швейцарцы, механики – французы, а организуют все итальянцы, вариантов этого анекдота бесконечное множество).

Главная особенность, она же проблема, английской еды – она направлена на утоление голода, а не на получение удовольствия. Англичане не делают из еды культа, хотя многие очень даже любят поесть. Пища должна быть такой, какой она дана богом, землей, природой, все излишества и изыски от лукавого, читай, француза. В сущности она близка по типу традиционной русской пищи – вареные овощи, тушеное или жареное мясо, пироги. На карикатуре в английском журнале изображены два повара, один из которых перечисляет блюда из картофеля (ну как тут не вспомнить бессмертный фильм «Девчата!»): «Картофель вареный, жареный, печеный, тушеный», а второй восклицает: «А они еще говорят, что английская кухня однообразна!».

Сами англичане сильно комплексуют по поводу своей кухни и в целом относятся к ней пренебрежительно. Если ваши английские знакомые приглашают вас на обед, то вам сразу предложат на выбор: французский, итальянский, индийский или китайский ресторан. Одна моя знакомая в ответ на это с вызовом сказала: «А я хочу в английский». И не прогадала, потому что, после некоторой заминки и недоумения, ее повели в закрытый клуб, куда она бы иначе никогда не попала. Но это, конечно, в Лондоне. В провинции выбор гораздо меньше и чаще всего ограничивается местным пабом.

Надо отметить, что как и во многом другом, у англичан постепенно пробуждается национальное самосознание даже в вопросах питания. Сегодня все активнее напоминают забывчивым согражданам о том, что и в этой области страна достигла многого. Так, недавно вышло исследование, посвященное английской говядине, написанное как своего рода ответ на последствия болезни «коровье бешенство», сделавшей этот вид мяса не слишком популярным даже в своей стране. Книга написана историком и, прежде всего, на историческом материале. Суть ее проста: говядина составляет основу английской натуры, и сила англичан в том, что они всегда ели нормальную здоровую пищу, такую как ростбиф, в отличие от хилых французов, баловавшихся разными соусами и подливками. Автор довольно остроумно увязывает многие события английской истории с потреблением говядины.

Действительно, мясо, запеченное целиком и сегодня является одним из самых распространенных блюд, а воскресный ростбиф по дешевой цене предлагают все английские пабы. О том, какое важное значение отводится английской говядине, и не только экономическое, говорит хотя бы тот факт, что принц Уэльский лично принимал участие в пропаганде этого вида пищи, после окончания «коровьего бешенства», для чего даже ездил во Францию и раздавал куски ростбифа посетителям презентации. А о патриотическом отношении к родному мясу простого народа свидетельствует письмо, пришедшее в Дейли Телеграф во время проведения кубка мира по футболу. Автор его писал: «Господа, для тех из вас, кто все еще удивляется, почему чемпионы мира, французы, так рано вылетели из соревнования в этом году, у меня есть ответ: они были лишены британской говядины целых четыре прошедших года».

Англичане даже позволяют себе замахнуться на святыни – итальянскую кухню. Не так давно в интернете появилась информация о том, что британские историки обнаружили в манускрипте 14 века, самом старом сборнике национальных рецептов, а, может, и мировых, описание традиционного английского блюда под названием «лазан». Готовилось оно из так называемой пасты и сырного соуса, что позволило британским экспертам утверждать, что родина лазаньи – Англия. Официальные представители итальянского посольства в ответ на это возмутительное заявление немедленно сообщили, что «независимо от того, как называлось это древнее кушанье, оно не является лазаньей в том смысле, в котором это понимает мы». Вопрос настолько

серьезен, что остается надеяться, что до вооруженного конфликта дело не дойдет. Впрочем, это скорее из области курьезов, да и далеко не вся информация из интернета подтверждается.

В одном из «провинциальных» журналов я натолкнулась недавно на интересную статью, посвященную разным видам пикников. Пикник – одно из тех чисто английских изобретений, которое стало достоянием всего мира, о чем автор статьи ненавязчиво напоминает в самом начале. Действительно, в самой идее много национального: свежий воздух, сельская местность, трудные условия, экономичность, простая, но сытная еда, все это вполне соответствует английскому духу. Главное в нем – сочетание необходимого (еды) и приятного (прогулки), что редко сходится вместе в английской кухне. В статье приводятся воспоминания разных людей, прежде всего, титулованных сельских жителей, о детстве, когда пикник непременно включал в себя красивый пейзаж, грубую шерстяную подстилку, простые бутерброды с сыром и ветчиной. Многие сошлись на том, что это были самые радостные и светлые воспоминания о еде в детстве, может, впрочем, еще и потому что тогда рядом еще были уже ушедшие мамы и бабушки, а сами герои были юны и свежи.

Но, как известно, Англия не просто живет прошлым, она привносит его в день сегодняшний, хотя и на новый лад. Те же люди рассказывают и о современных пикниках, которых, оказывается, существует великое множество видов. С одной стороны, это самые простые, организованные по старинке, просто, но со вкусом. К традиционным бутербродам сегодня непременно добавляются свежие фрукты и ягоды, а также зелень и овощи. Но сегодня, оказывается, есть и другие виды пикников, более сложные и дорогие, вплоть до шикарных светских приемов. На таких пикниках непременно предполагается шампанское, дорогие деликатесы типа гусяной печени, изысканных сыров, икры с блинами. Причем все это можно или заказать индивидуально, или купить уже готовые наборы (меню и цены приводятся и впечатляют). Впрочем, в основном все сходится на том, что старинные простые пикники гораздо интереснее и приятнее дорогих и изысканных.

Один из тех, кто делится в статье своими мыслями по поводу этой старой доброй традиции – граф Сэндвич, да-да, действительно потомок того самого изобретателя знаменитых бутербродов, которые являют собой еще один пример английского вклада в мировую сокровищницу. История появления сэндвичей

получила широкое распространение и заняла свое почетное место во всех кулинарных книгах. Граф Сэндвич, согласно легенде, был страстный игрок и нередко проводил за игровым столом не только дни, но и ночи. Одно только мешало его счастью – время от времени надо было отрываться на еду. И вот году где-то году в 1762 специально для графа было изобретено новое блюдо, позволявшее ему есть и играть одновременно. Кусок жареной говядины положили между двух ломтей хлеба. Таким образом – и руки чистые, и граф сыт, и игра продолжается. А главное – блюдо вскоре широко распространилось, причем не только в английском обществе. Огромную популярность еще в 19 веке приобрели сэндвичи среди американцев, которые считают их появление началом «фаст фуда». Целые гимны сложили они в честь этого незамысловатого блюда: оно, во-первых, демократично, во-вторых, откровенно (в том смысле, что не скрывает, что у него внутри), для него не нужны ножи и вилки, обращение с которыми, видимо, вызывает у американцев проблемы.

Джон Монтегью, четвертый граф Сэндвич (John Montagu Sandwich, 1718-1792) был, очевидно, человеком непростым. В его биографии много противоречивых фактов. С одной стороны, его обвиняли в мошенничестве, в разврате, в предательстве друга и соратника, в измене жене и открытом содержании любовницы, во взяточничестве и мошенничестве, говорили, что он развалил вверенное ему адмиралтейство и проиграл все битвы, в которых принимал участие. С другой стороны, граф Сэндвич получил прекрасное образование – в Итоне и Кембридже, был театрал и покровитель искусств, занимал неоднократно высшие должности в государстве – трижды был министром иностранных дел, а также лордом Адмиралтейства. Свою жену, признанную душевнобольной, всю жизнь содержал в дорогой частной клинике, несмотря на стесненные средства. Действительно имел очень молодую любовницу, которая родила ему пятерых детей и погибла от случайной пули (что еще больше подпустило туману в биографию графа). А Джеймс Кук, организации путешествия которого граф немало посодействовал, назвал в его честь открытые им Сэндвичевы острова.

В 1993 году вышла биография графа Сэндвича, автор которой Н. Роджер (N.A.M. Rodger) утверждает, что граф был бессовестно оклеветан врагами. На самом деле он был человеком деятельным, самоотверженным, все силы отдавшим служению отечеству. А сэндвичи ему понадобились, чтобы не

отрываться от работы. Историю же про азартные игры придумал французский путешественник Пьер Грослей (Pierre Jean Grosley), записавший ее в своем путевом дневнике, а что хорошего можно ждать от француза!

Как бы там ни было, но знаменитый «закрытый» бутерброд гордо носит имя графа (а вот острова переименовали в Гавайские). Нынешний, уже упомянутый выше одиннадцатый граф Сэндвич, недавно решил начать бизнес – естественно выпуск сэндвичей, но только лучшего, настоящего английского, качества, из продуктов с личной фермы. Англичане так ценят традиции, что он уверен, что бутерброды в упаковке, носящей гордое имя и герб Сэндвичей, будут хорошо раскупаться.

Действительно англичане и по сей день являются большими мастерами по изготовлению бутербродов. Помню, как очень давно, когда Англия была еще не просто за семью морями, но и за таким же количеством занавесов, в пьесе Оскара Уайльда «Как важно быть серьезным» меня удивило, что один из героев, ожидая свою тетушку, заказал для нее ее любимые сэндвичи – с огурцами, да сам же их и съел. Было не совсем понятно, что имеется в виду: согласно отечественной традиции бутерброд может быть только с колбасой, ну в крайнем случае с маслом и сыром, а огурец – сверху, для красоты.

Как ни странно, но в первый мой приезд в Англию в английской кухне меня приятно поразили именно сэндвичи – своим разнообразием, неожиданной, но вместе с тем простой начинкой. В пабе, чайной, кафе или баре вам, как правило, всегда приготовят прекрасные сэндвичи – вкусные, свежие и сытные, главное, чтобы они были свежеприготовлены на месте (о чем всегда сообщается в меню). Любимые английские начинки: лосось соленый или копченый с огурцом и лимоном, яйца с майонезом, иногда с добавлением зелени, действительно огурцы на хлебе с маслом, - довольно вкусно - , английский сыр с помидором, ветчина с зеленым салатом. Это самые распространенные, но у каждого заведения есть и свои специальности и секреты.

Так что, хотя английская кухня по-прежнему является объектом для насмешек со стороны европейцев, которые рады найти уязвимое место в национальной броне английского самодовольства и самодостаточности, хотя сами англичане до сих пор и продолжают комплексовать по поводу своего несовершенства в этом вопросе, все не так уж плохо. Традиции живы, а те,

которые ушли – успешно возрождаются, надо только знать что и где есть и как относиться к тому, что ты съел.

2. Традиционный английский завтрак

Знакомство с английской кухней и Англией, для большинства туристов, всех тех, кто живет в гостинце, а не в частном доме и не в Лондоне, где в основном принят континентальный завтрак, начинается с традиционного английского завтрака. То есть именно так он всегда торжественно и величается, лишь иногда сокращаясь до просто «традиционный» или «полный» завтрак. В большинстве случаев он включается в стоимость проживания и поражает своей устойчивостью и единообразием по всей территории Англии (на самом деле, совершенно одинаков он и по всей Британии, только в Шотландии его величают «шотландский», а в Уэльсе «смешанный гриль», но никак уж не английский)

В самом полном варианте английский завтрак состоит из: жареного бекона, сосиски, яйца, грибов, помидора, фасоли, поджаренного на масле тоста, картофельной котлеты, реже добавляется черный пудинг или хаггис. Причем первые пять ингредиентов – неизбежны, а остальные варьируются от места к месту. Правила таковы: бекон должен быть хрустящим, но не высохшим, сосиска непременно пережаренной, яйцо в одной из трех ипостасей глазунья, или омлет, или приготовленное на пару, грибы – шампиньонами, помидоры слегка поджарены, в тосте как можно больше масла. Состав черного пудинга и хаггиса настолько неудобоварим, что лучше воздержаться от комментариев и просто принимать их как часть культурного опыта другой страны. В реальной жизни частенько все бывает несколько иначе: бекон холодный и подгоревший, помидоры консервированные из банки, тост невозможно взять в рот, так как он целиком пропитан сомнительным маслом, яйцо пережарено.

В первые дни, вернее утра, нахождения в Англии английские завтраки доставляют большое удовольствие, в конце концов, яичница с колбасой на завтрак не так уж чужды сердцу россиянина. После континентальных утренних кофе с хлебом, когда встаешь из-за стола разочарованный и голодный и через час начинаешь мечтать о следующем приеме пищи, английская традиция кажется родной и близкой («завтрак съешь сам...»), после такого сытного

завтрака есть хочется очень нескоро. Но постепенно начинает возникать чувство, что традиция традицией, культура культурой, но каждое утро одно и то же, довольно тяжелое блюдо, это как-то слишком. И тогда, рискуя доставить неудовольствие хозяевам, обычно с большим пиететом относящимся к традиционному английскому, ты начинаешь отбрасывать ингредиенты. Первым уходит жаренный тост, как очень вредный для здоровья, следом за ним – сосиска, так как она всегда пережарена и вообще малосъедобна, наконец, шаг за шагом, ты приходишь к тому, что просишь просто сварить тебе пару яиц, и радуешься тому, как это удивительно вкусно. Если после классического английского завтрака ты встаешь из-за стола с камнем в желудке, мечтаешь только о диване, а о еде не можешь без отвращения думать до вечера, то избавившись от него, ты чувствуешь легкость, подъем, готов бежать на экскурсию и с аппетитом есть свой ланч в нормальное дневное время.

Естественно, традиционные завтраки очень разнятся и закономерность здесь, как правило, увы, вполне традиционна. В хорошей дорогой гостинице все будет хорошо приготовлено, выбор разнообразным, продукты свежими. В гостинице над пабом вам могут утром предложить набор, в котором одна половина будет безнадежно подгоревшей, а другая холодной, из консервной банки. Исключения составляют «бед энд брекфасты», где качество завтрака зависит не столько от цены, сколько от умения хозяйки. Иногда в таком простом месте вас накормят всем свежим и домашним, так, как ни в какой дорогой гостинице. Но угадать это заранее невозможно, можно только надеяться на везение.

Еще лет двадцать назад, когда в моду во всем мире стал входить здоровый образ жизни и рациональное питание, начали раздаваться голоса протеста, привлечшие внимание английского общества к тому, что жареный и жирный завтрак, может, и был хорош для сельских жителей, работавших на ферме, но мало подходит современным англичанам, ведущим, в своем большинстве не столь активный повседневный образ жизни. В этом, конечно, есть доля справедливости, не говоря уже о том, что такой завтрак требует крепкого здоровья, одолеть его людям, страдающим какими-либо хроническими внутренними заболеваниями, не так-то просто. Но в последние годы, в связи с подъемом во всех европейских странах, а в Англии, как было сказано раньше, особенно, интереса к национальным традициям и кухне, голоса эти стихли и

больше не слышны, и в гостиницах можно наблюдать бодрых англичан, с аппетитом поглощающих традиционные завтраки.

Еще одной неперменной составляющей английского завтрака, причем повсеместной, независящей от места и времени проживания, являются тосты с джемом и мармеладом. В гостинице вам в большинстве случаев предлагают на выбор белые или коричневые, имея в виду цвет хлеба, я всегда беру смешанные, чтобы не мучаться выбором, но, честно говоря, на вкус они совершенно одинаковы. Что гораздо хуже, так это то, что часто они подгоревшие и всегда остывшие, так что масло по ним не мажется. Масло в Англии, кстати говоря, всегда соленое, что нравится людям с либеральным складом ума и раздражает консерваторов. Приносят тосты в самом начале еды, до традиционного завтрака, а так как в нашей культуре хлеб с вареньем едят после яичницы, то и стоят они на столе, грустно остывают, а ты нервничаешь и сердишься на англичан.

Что является действительно английским достижением, так это приготовление традиционного мармелада, который, в классическом варианте завтрака, полагается есть с тостами и который сегодня нередко заменяется банальными джемами, то есть вареньем по-нашему. Мармелад изготавливается только из апельсинов, хотя сегодня допустимы и добавки из других цитрусовых – лимонов и грейпфрутов, но это уже дань современным веяниям. Изначально мармелад был известен в Испании и Португалии и представлял собой джем из айвы (“marmelada” по-португальски именно это и означает «айвовый джем»). Известно, что уже с 15 века его ели в Англии, но изготавливали из апельсинов.

Мармелад бывает разных видов – от единообразной массы, золотистого цвета, до более жидкой консистенции, в которой плавают кусочки апельсиновой цедры. Классический мармелад слегка горьковат на вкус, не должен быть слишком сладким и жидким. Многие английские фирмы соревнуются в его изготовлении: одна подчеркивает, что производит его уже 200 лет, другая – что делает это по старинным бабушкиным рецептам, третья напирает на то, что занимается этим лично по распоряжению королевы. Шотландцы тоже делают мармелад, но, чтобы отличаться от английских образцов, добавляют в него виски, которое, как правило, вообще не чувствуется.

Интересно, что столь экзотическое растение стало традиционным английским лакомством. Правда, недавно в историческом исследовании прочитала, что апельсины и лимоны достоверно завозились в Англию с 14 века

и не были такой уж редкостью. Сейчас же, как мне кажется, это еще и очередная частичка английской истории, живая памятка о тех днях, когда страна была огромной империей и апельсины росли на ее территории и считались ее достоянием.

Как это часто бывает, с мармеладом связано множество легенд. В частности, есть несколько версий его появления. По одной из них Мария Стюарт во время болезни питалась только отваренными в сахарном сиропе апельсинами. Слуги ее, говорившие по-французски, повторяли на кухне, что “Marie”, мол, “malade” (т.е. больна). Вот англичанам и послышалось будущее название. По другой, шотландский торговец получил партию испорченных апельсинов. Будучи человеком скупым, он не стал выбрасывать горький товар, а попросил свою мать сварить из них джем, что она и сделала с большой последующей выгодой для семьи. Впрочем, все это чистой воды фантазии, хотя и милые.

Сегодня в большинстве мест вам также предложат хлопья и мюсли с молоком, иногда йогурты и фрукты, если хозяева хотя бы делают вид, что заботливо относятся к вопросам здорового питания. Если повезет, могут предложить и овсяную кашу, когда-то бывшую очень популярной в стране, но постепенной отходящую в прошлое. В прекрасном советском фильме про собаку Баскервилей героя, приехавшего из Канады и незнакомого с английскими привычками, дворецкий изводит каждое утро провозглашая торжественно: «Овсянка, сэр!». А овсянка в Англии хороша, хотя в ее потреблении есть и свои особенности. Ее едят без варенья, хотя, конечно, никому не возбраняется положить в нее джем или мармелад, предназначенные для тостов, она более соленая, чем мы привыкли, что усиливается соленым маслом, которое мы по привычке кладем в нее, хотя это и не принято. Наконец, вершиной «овсянки, сэр» является ее классический вариант, когда ее едят с настоящими сливками, поливают сверху, если они жидкие, или кладут вместо масла, если они густые.

К странностям английского завтрака можно отнести копченую рыбу, которую до сих пор иногда предлагают в хороших отелях на завтрак, а вот традиционные когда-то тушеные почки сохранились только в завтраках героев английских романов. Когда-то завтрак английской знати представлял собой полноценную еду, в состав которой входили и рыба, и почки, и еще к ним

жареное мясо и птица, а также овощи и блюда из яиц. Собираясь на охоту, или на прогулку, или еще на какое-нибудь важное дело, надо было хорошо подкрепиться. Впрочем, такие завтрачные пиры были распространены только непродолжительное время во второй половине 19 века и среди ограниченной публики.

Безусловно, королем английского завтрака является чай, который практически всегда приносят в красивом чайнике, это часть культурной традиции, и наливают в красивые чашки. Ну о чае еще предстоит отдельный серьезный разговор, но сразу хотелось бы предупредить – не берите в Англии кофе, та серая жидкость, которую вам принесут, вряд ли хоть кому-нибудь покажется достойным началом дня.

В семьях ситуация несколько иная. В общем деловом ритме, в котором живут английские семьи, по утрам готовить сложный завтрак не представляется возможным, и здесь главной пищей становятся хлопья с молоком, тосты с джемом или мармеладом, иногда фрукты.

У меня лично был замечательный опыт проживания в доме у очаровательной старой дамы, строгой и ласковой одновременно, как и полагалось настоящей англичанке. Дело было в настоящей английской глубинке, в собственном доме, где, как я знала, была просторная кладовка, наполненная разными съестными сокровищами в виде консервных банок и прочих припасов. Каждое утро начиналось с одной и той же игры. Я спускалась к завтраку, на стол ставился чайник с чаем, молоко к нему, тосты и джем. После чего хозяйка, ни к кому конкретно не обращаясь (нас было двое в доме), говорила: «Я не стала варить яйцо, по-моему и так всего много». Первые два дня, как воспитанная гостья, я подобострастно кивала головой и производила голосом какие-то невнятные звуки, которые должны были означать, что, конечно, я и так страшно объежусь.

Но не зря говорят, что голод не тетка, на третий день я сломила свое воспитание и робко, но твердо заявила, что яйцо я бы съела с удовольствием. Удивлению хозяйки не было предела. Все время, пока это несчастное яйцо варилось, и потом, когда я его ела, она не уставала бормотать в пространство о том, как это вредно объедаться за завтраком. Но я была тверда. И зря, что выяснилось к ланчу, когда дама сообщила своим занавескам, что, конечно, после такого обжорства за завтраком, и речи не может идти о нормальном

ланче, так, легком перекусе, иначе кому-то станет плохо. Делалось это все, как мне кажется, не из жадности или скупости, дама была вполне щедра в других вопросах, а исходя из базового английского принципа питания: не шиковать, не переедать, не позволять себе излишеств. Надо ли говорить, что я испытала радостное облегчение, набросившись на традиционный английский завтрак как только оказалась в лондонском общежитии, где я проживала в тот момент.

Невольно вспоминались многочисленные описания голодного детства разнообразных персонажей английской литературы. Английские учебные заведения были печально знамениты своей плохой кухней, причем не только в школах для бедных, но и для богатых тоже. Это было связано в значительной мере с системой воспитания, предполагавшей закалку души и тела, о чем подробнее речь пойдет ниже. Вот как описывает свой завтрак героиня Шарлотты Бронте Джейн Эйр: «Совершенно изголодавшаяся и обессиленная, я проглотила несколько ложек овсянки, не обращая внимания на ее вкус, но едва первый острый голод был утолен, как я почувствовала, что ем ужасную мерзость: пригоревшая овсянка почти так же отвратительна, как гнилая картошка; даже голод отступает перед ней. Медленно двигались ложки; я видела, как девочки пробовали похлебку и делали попытки ее есть, но в большинстве случаев отодвигали тарелки. Завтрак кончился, однако никто не позавтракал». Я, находясь в английских гостях, хорошо понимала их чувства, а традиционный английский завтрак представлялся мне настоящим лакомством.

3. Об английском пьянстве

В самом известном произведении Н.С. Лескова русский левша и английский полшкипер плывя в Россию придумали себе развлечение: кто кого перепьет. С некоторым уважением автор пишет о том, что оба показали себя мастерами этого дела, «шли все наравне и друг другу не уступали и до того аккуратно равнялись, что когда один, глянув на море, увидел, как из воды черт лезет, так сейчас то же самое и другому объявилось». Соперники оказались достойными друг друга, победила дружба, только последствия, к сожалению, оказались различными – англичанина отвезли в посольский дом, уложили в постель и доктор, видимо, опытный в подобных вопросах, быстренько его

откачал, а левшу отправили в квартал, свалили в углу и оставили угасать. История грустная, но показательная, а в данном конкретном случае говорит об одном интересном свойстве англичан – любви к хорошей доброй выпивке.

Проблема пьянства исторически была очень существенной для Англии. Некоторые источники свидетельствуют, что перед битвой при Гастингсе войско Вильгельма Завоевателя молилось, а Гарольда – предавалось пьянству с печально известным для последних исходом.

Швейцарский турист, побывавший в Англии в 1599, и оставивший свои воспоминания об этом путешествии, писал о Лондоне: «Здесь великое множество разных гостиниц, таверн и пивных, разбросано по городу, где можно получить множество удовольствий от еды, питья, ничегонеделанья и всего остального, как, например, в нашей гостинице, которую почти ежедневно посещали игроки. И что особенно странно так это то, что женщины наряду с мужчинами, а на самом деле даже в большей степени, являются завсегдатаями и большими любителями таверн и пивных. Они считают большой честью, если их приглашают туда и дают выпить вина с сахаром, и если приглашена одна женщина, она обязательно приведет с собой еще трех-четырех, и они весело пьют друг с другом, а мужья потом еще и благодарят пригласившего за доставленное их женам удовольствие, ибо почитают это за подлинную доброту».

В. Шекспир, непререкаемый авторитет для англичан, писал о вреде и последствиях неумеренного потребления алкоголя, осуждая его, и одновременно указывая на присущую его соотечественникам склонность. Один из персонажей в «Макбете» рассуждает по этому поводу: «Ведет вино также к бабничанью, волокитству. Наводит на грех и от греха уводит. Хочется согрешить, ан дело и не выходит. В отношении распутства – вино вещь предательская, лукавая. Само ставит на дыбы, само заставляет падать силами. Само обольщает, само уличает в обмане». Вот и думай после этого, читатель, стоит ли предаваться пьянству при таких последствиях.

Словом, свидетельств популярности алкоголя в Англии можно приводить много и с чувством. Трудно назвать причины подобного рода склонности. Обычно чрезмерное потребление алкоголя приписывают климату, что, мол, климат холодный, как, например, в России, как же тут без водки

обойтись. Так и в Англии погода сырая, промозглая, туманная, так и просится стаканчик в руки. Но эта концепция давно уже вызывает сомнения.

Может быть дело и в том, что алкоголь позволял англичанину расслабиться, снять напряжение. Присущая им сдержанность характера, некоторая замкнутость, строгость воспитания и поведения, глубоко внедрившаяся в сознание идея о необходимости быть собранным, готовым к трудностям, не баловать себя и близких, все это приводило к периодическому, как сейчас выражаются, снятию стрессов. К тому же, хорошо известно, что алкоголь облегчает общение, а англичане всегда имели репутацию людей, для которых даже разговор с соседом вещь непростая, к которой надо заранее готовиться. А, может, дело просто в том, что англичане, не делающие культа из еды, любят хорошо выпить. Кто знает, национальные характеры вещь загадочная и трудноуловимая.

Современному наблюдателю английской жизни и нравов, тоже есть, чем поделиться. Нас, россиян, проблема пьянства не может не волновать и вопрос, как там у них с этим делом, невольно становится одним из самых животрепещущих. Во многих европейских странах наблюдаешь одну и ту же, не перестающую нас удивлять, картину: пьющих людей видишь, и часто, а пьяных почти никогда. Вот и пытаешься понять, как удастся итальянцам начинать рабочий день с рюмочки чего-нибудь такого бодрящего, продолжать его вином в обед, вином же в ужин, перемежать граппкой (итальянским вариантом водки) и просеккой (итальянским вариантом шампанского) и при этом оставаться бодрыми и, то что называется – ни в одном глазу. Никто не голосит песен, не падает носом в салат, не раскачивается, пытаюсь сдвинуться с места, не лезет в пьяную драку, не выясняет, уважает ли его сосед, а если да, то почему больше не пьет, словом, не проявляет никаких достойных и привычных признаков алкогольного опьянения.

Другое дело Англия. Здесь русский человек наконец-то может вздохнуть с облегчением. Англичане знают толк в выпивке. Чтобы понять это, достаточно заглянуть вечером в английский паб. Лица красные, возбужденные, настроение приподнятое, люди пришли не просто поесть с вином или поболтать за бокалом или чашкой кофе, а вполне конкретно выпить, ну и, как говорится, «побазарить». Нередко случается увидеть и классическую пьяную потасовку,

когда соперники, будучи разведены в разные углы доброхотами, никак не могут вспомнить, что же произошло, но твердо знают, что «надо врезать, заслужил».

Причем, как и в нашей культуре, выпить любят самые разные слои общества и вне зависимости от пола и возраста. Каждый интеллигентный англичанин с тоской и умилением вспоминает студенческие годы, но, как и положено, отнюдь не тихие вечера в библиотеках или увлекательные лекции, а веселые студенческие вечеринки и пирушки, когда все пьют, галдят, снова пьют, устраивают приколы, и снова пьют, зовут девочек, и снова пьют, потом бегут в туалет, и снова пьют, словом, веселятся от всей души. Помню, как тосковал один выпускник Оксфорда, профессор истории, встреченный мной в Америке. Строгое американское общество не позволяет пить алкоголь до 21 года, причем не просто покупать, а именно пить, так что «рейды» в общежития с проверкой документов и последующим исключением виновных, отбили у молодежи желание выпить даже банку пива. Каждого поразило свое. Я, приехавшая тогда еще из разваливающегося Советского Союза, удивлялась невиданной мной дотоле тоталитарности государственной системы, а профессор-англичанин возмущался тем, что людей лишают настоящей студенческой жизни и выливал на меня потоки уже давнишних воспоминаний из серии «вот мы в их годы». Помню, что пришлось спешно пересматривать свои представления об оксфордской жизни и нравах.

Люди постарше и посolidней имеют свои слабости и пристрастия. Они, чаще всего, увлекаются более изысканными напитками, такими как вино, делая вид, что не просто любят выпить, а являются утонченными гурманами, разбирающимися в видах, сортах и марках. Состоятельные англичане собирают в своих погребах целые винные сокровищницы (хотя, порой, и бегают в соседний паб, чтобы выпить пивка). Менее обеспеченные, но культурные, посещают винные классы, которые чрезвычайно популярны в стране. Раз в неделю проходят встречи такого «класса». Темы – вина разных уголков мира. Например, учитель говорит «Сегодня тема урока – белые австралийские вина». Все достают ручки и старательно записывают – где растут виноградники, какие виды бывают, с чем пить, особенности вкуса разных сортов. Потом наступает главное – дегустация. После такой дегустации, краснолицые, возбужденные и разогретые все расходятся, да еще и с чувством сделанного дела. Состав таких

классов – преимущественно люди, которые не ходят в пабы, немолодые, городские жители, и, главным образом, женщины.

Кстати, винный ликбез, видимо, вещь приятная и познавательная, но все-таки главным для англичанина в выпивке остается сама выпивка. Французская или итальянская культуры виртуозного сочетания вина и еды здесь так и не привились. Типичная сцена, от которой француз должен был бы умереть сразу от возмущения, а итальянец от огорчения: немолодая пара в дорогом загородном ресторане, явно романтический ужин при свечах, все «как положено» – любая еда и напитки, чтобы запомнить этот вечер надолго. Аперитив – пиво мужчине и джин с тоником даме, ну ладно, потом с рыбной закуской – красное вино, ну бог с ним, но потом, уже заметно захмелев, к огромному куску тушеной жирной баранины мужчина лихо заказывает дорогущее шампанское, гулять так гулять! Вот это по-нашему!

Англичанки, как и во времена швейцарского туриста, стараются не отставать от мужчин. Вспомним популярный у нас в стране, как, кстати, и в мире, относительно новый фильм «Дневник Бриджит Джоунз». Молодая и очаровательная героиня, делающая карьеру и вышедшая то, что называется, из приличной среды, усиленно борется с тремя главными пороками – перееданием, курением и пьянством. Роман, по которому снят фильм, действительно написан в форме дневника и каждый новый день фиксирует отдельной строкой: вес, число выкуренных сигарет и количество выпитых стаканов. Причем оно настолько значительное, что утреннее похмелье для героини вещь совершенно обыденная. Так же как и для ее подруг и знакомых.

Конечно, не стоит думать, что вся Англия погрязла в пьянстве и пора принимать суровые меры и продавать алкоголь по карточкам. Вы можете почти спокойно идти вечером в незнакомый паб и быть почти уверенным, что вы из него выйдете, к тому же здесь не обижают незнакомых гостей. На улице вечером, особенно где-нибудь в сонной провинции, где жизнь заканчивается очень рано, вы будете совершенно в безопасности, и, скорее всего, опасаться будут вас, как человека, который не спит или хотя бы не сидит перед телевизором после 7 вечера.

Однажды, я с очень приятной, и довольно молодой, компанией оказалась в страшном захолустье: милях в семидесяти от Лондона, в рабочем городке, состоявшем из безликих однообразных серых бетонных домов, унылой, не

слишком опрятной гостиницы, внизу которой был мрачноватый паб-ресторан, где мы, мягко говоря, безвкусно пообедали. После этого, пойдя побродить по улице и не получив никакого удовольствия, мы решили поднять себе настроение в пабе, которых, кроме нашего гостиничного, в городке было еще два. В первом уютно горел камин, было очень тихо, прилично, сидело два пожилых человека, фермерского вида и неторопливо потягивали пиво, а также несколько парочек, больше интересовавшихся друг другом, чем стаканами на столе, которые цветом наводили на мысль о кока-коле.

Мы замерзли, устали, чувствовали себя несчастными и заказали виски, которое нам плеснули на донышко в стакан, предполагая, видимо, что мы должны долго его смаковать. После второго стаканчика мы почувствовали себя неловко, как будто мы пьяницы какие-то, и решили перебраться во второй паб, находившийся на противоположном конце улицы. Каково же было наше удивление, когда во втором пабе бармен радостно нас приветствовал словами: «Вам опять виски, как и там?». Поборов смущение и выпив минеральной воды, мы обнаружили здесь тех же фермеров и те же парочки, так что источники информации стали нам вполне очевидны.

Кстати, вернувшись спать в гостиницу, мы все-таки обнаружили место, где проходила пьянка: в нашем собственном пабе стоял дым коромыслом, выпивка лилась рекой, кого-то уже хватили за грудки, кого-то выпихивали за дверь. Наша хозяйка с красным лицом и налитыми глазами, с внезапно проснувшимся интересом, стала расспрашивать нас о том, кто мы и откуда, страшно удивилась, услышав страну нашего происхождения, а в конце концов, пьяно загрузив, доверительно сообщила, что сама-то она даже в Лондоне была только в детстве со школьной экскурсией. Вот вам и нация путешественников!

Исторически самые распространенные напитки в Англии были вполне традиционны, хотя и со своими особенностями. Из древнейших – мед, делавшийся, как и на Руси из перебродившего меда и выдержанный в погребах, как в русских былинах, «меды стоялые». По-английски мед-напиток будет – mead, а тот, который сладкая еда – honey. Производство последнего в Англии было столь велико, что из исландских саг, например, известно, что викинги покупали и вывозили его.

Много веков продолжался спор между элем и пивом. Эль – считался исконно английским напитком. Изготавливался он из ячменного солода, воды и

дрожжей, причем за качеством исходных продуктов следили очень тщательно, особенно за чистотой воды. Эль чаще всего приготавливали в домашних условиях, нередко в него добавляли для аромата различные травы, каждое хозяйство имело свои секреты. Он имел сладковатый вкус, крайне небольшое содержание алкоголя, был очень быстро готов к употреблению. Он почти совсем не хранился, так что приходилось делать его регулярно. Была в нем некоторая пасторальность и семейность.

Пиво было напитком иностранным, пришедшим в Англию с северо-запада Европы, т.е. захватчиком и врагом. Существенное отличие его от эля заключалось в том, что помимо всех основных ингредиентов в него добавляли хмель. Эта деталь существенно меняла саму суть напитка. Он становился более крепким, более насыщенным алкоголем. Его заметное преимущество заключалось, во-первых, в дешевизне, что был немаловажным фактором, способствовавшим его распространению. Во-вторых, пиво гораздо лучше хранилось, так как хмель является природным консервантом. Его можно было изготавливать в большом количестве и продавать. Это был напиток коммерческий и агрессивный.

Англичане долгое время сопротивлялись пивной агрессии. До 15 века этот напиток было запрещено производить на территории Англии, хотя оно и было хорошо известно в стране как «фламандское пиво» и завозилось с континента. Оно считалось вредным напитком, опасным для здоровья, приводящим к пьянству и болезням. Говорили, что «хмель бесчестит эль». Даже еще в 16 веке звучали голоса протеста, подчеркивавшие, что эль – природный напиток англичан, полезный и дающий силу, а пиво – напиток голландца, делающий человека жирным и раздувающий живот.

Но природа и знаменитый английский здравый смысл брали свое. Пиво было, может, и не таким полезным, как эль, но гораздо более практичным. Известно, что английские короли, заказывая провиант для армии, отдавали предпочтение иностранному пиву, так как оно было дешевле и крепче. Генрих VI даже выпустил специальную прокламацию, разъясняющую его подданным, что пиво напиток здоровый и полезный, особенно в летнее время. С 15 века пиво прочно обосновалось на земле английской, сначала его производство было исключительно в голландских руках, но впоследствии и англичане, с их коммерческой жилкой, включились в производство.

И все-таки эль сохранял свои позиции как традиционный английский напиток. Его берегли и лелеяли. С 14 века в Англии, сначала в Лондоне, а затем и в других городах, назначались специальные люди, проверявшие качество продаваемого эля. Они могли в любое время прийти в заведение, где он продавался, снять пробу и наказать хозяина, если эль был некачественным или разбавленным. Причем, судя по записям, такие случаи были не редки. Места, где люди распивали эль, много веков назывались “alehouse”, а не пивные как их часто переводят. Вообще с момента проникновения пива в английскую среду, иностранцы нередко путали эти два напитка, но англичане до сих пор хорошо помнят разницу. Даже если бармен точно и не знает, в чем различие в приготовлении и составе, он всегда подчеркнет, что эль это свое, английское, а пиво – их, иностранное.

Англия издревле была знакома и с вином. До 13 века виноградники в большом количестве произрастали на ее территории. Вино, изготавливавшееся в стране, преимущественно белое, современные исследователи оценивают как не слишком качественное, хотя хвалебные свидетельства современников им и противоречат. Впрочем, это могло быть и проявлением английского патриотизма. С 13 века производство английского вина стало угасать и постепенно сошло на нет. Во-первых, в Европу пришло похолодание и виноград в Англии перестал вызревать. Во-вторых, возросли поставки вина из Франции, особенно из Гаскони, такое вино было дешевле и лучше качеством. Интересно, что в последние несколько лет в Англии восстановили традицию производства вина, посадили виноградники, открыли их для посетителей и сегодня можно приехать в такие места, посидеть и посмаковать настоящее английское вино. Качество его пока не обсуждается, но сам факт приятен: в случае чего и без французов прожить можно.

Как бы там ни было, но исторически вино ввозили в Англию в больших количествах, сама она никогда не справлялась со спросом. Ввозили, прежде всего, из Франции, особенно ценилось гасконское – за крепость и насыщенный красный цвет. Были известны вина и из других стран: и рейнские, и итальянские, и испанские, и кипрские, каждое имело свои особенности и поклонников. Интересно, что в средние века считалось вредным для здоровья смешивать разные сорта вин, поэтому торговцам выдавали лицензию только на один вид, например, красное французское, или рейнское, или сладкие

испанские. Активно боролись и с фальшивыми и испорченными винами. Вина привозили в бочках, негерметично упакованных, поэтому оно нередко портилось еще по дороге, а предприимчивые торговцы нередко «лечили» его, добавляя немного хорошего вина в бочку плохого. С 16 века вино стали разливать в бутылки и ситуация значительно улучшилась.

Крепкие напитки первоначально использовали исключительно в медицинских целях и продавали в аптеках. “Aqua vita” или «вода жизни» нередко встречается в средневековых рецептах. Постепенно они стали проникать и в другие сферы жизни, например, в приготовление еды. С 16 же века крепкие напитки активно использовались в немедицинских целях, и популярность их с этого момента все возрастала. Один из авторов восторженно писал в то время, что крепкие напитки «полезны для желудка», что они «меняют настроение ума», «отгоняют печаль» и «делают человека умнее».

Сегодня, как и раньше, самым любимым национальным напитком остается пиво. Его пьют из стеклянных бокалов и каждый паб обычно имеет свои любимые сорта (конечно же самые лучшие в Англии). В 20 веке пиво и эль считались синонимами, но в последние годы, на волне растущего английского патриотизма, развернулась кампания по пропаганде старого доброго эля и теперь многие пабы гордо пишут на дверях, что и них продают «настоящий эль», хотя путеводитель по пабам и предупреждает, что качество не гарантируется и в этом случае. Есть теперь даже целая организация, пропагандирующая эль и разъясняющая необразованной публике разницу между «убитым» пивом и «живым» элем. Но большинство обывателей сегодня считает, что эль - это просто английская разновидность пива, не вникая в тонкости его производства.

В некоторых регионах, например, на юго-западе Англии, потребляют еще один слабоалкогольный напиток - сидр. Особенно распространен он в юго-западных и западных регионах и готовится из яблок или иногда груш. Он сладковат, приятен на вкус, ударяет не в голову, а в ноги, так что, увлекшись им, вы можете обнаружить, что голова у вас свежая и ясная, а вот встать и пойти домой вам довольно трудно. Сейчас существует несколько ферм, которые открыты для посетителей, и где можно понаблюдать технологию изготовления этого напитка, а заодно и приобрести образцы.

По-прежнему популярно в Англии и вино, особенно, как было сказано выше, в интеллигентной и состоятельной среде. Сочетать его с едой англичане, может, так и не умеют, зато отлично научились вывозить со всего мира самые лучшие сорта, так что в специализированных магазинах, которых в стране очень много и которые трогательно работают до очень позднего часа, когда уже невозможно найти открытую булочную или бакалею, выбор поражает и впечатляет. Любят англичане и крепленые сладкие вина: славу заграничным портвейну, мадере, шерри создали именно они.

Зимой и осенью, когда погода промозглая и сырая, в английских пабах продают подогретое вино, в которое добавляют специи и сахар. Называется оно “mulled wine” и о его продаже обычно сообщает вывеска при входе. Не пытайтесь назвать его глинтвейном, никто не поймет, о чем речь, да еще и обидеться могут, ведь это традиционный английский напиток. Он действительно неплох с холодка, хотя и чересчур сладок.

Крепкие же напитки пьются, в основном, в коктейлях: джин с тоником, водка с томатным соком (так называемая «кровавая Мэри»), ром в различных сочетаниях – тоже английские изобретения и предмет национальной гордости. Исключение составляет виски, содовую в него долили американцы, что недопустимо с традиционной точки зрения. Впрочем, действительно строги в этом отношении только шотландцы, англичане в этом вопросе сдались. Кстати, слово “alcohol”, так же как и “spirits”, в английском языке относятся только к крепким напитками.

Выпивка сегодня является важнейшей частью английской культуры. И в этом нет ничего плохого, если, конечно, не переходить некую грань. Она дает тепло и уют, в холодный осенний вечер, когда так славно посидеть дома на диване со стаканчиком в руке. Стаканчик эля в пабе дает возможность легче и душевней общаться с соседями, снимает напряжение. Для англичанина выпивка это общение, хотя часто общение с самим собой, здесь нередко пьют в одиночку, размышляя о бренности бытия или неприятностях на работе. Это может быть общение с книгой или сегодня, увь, с телевизором, когда непременно стаканчик помогает разобраться в сложной ситуации. Английский лорд немыслим остальному человечеству без кресла перед камином и бокала чего-нибудь крепкого и вкусного в руке. Одной фразой в **нашем** фильме воссоздается **их** жизнь: доктор Ватсон-Соломин произносит «*Таймс* и стакан

портвейна» и сразу переносишься в атмосферу доброй старой Англии, где настоящие мужчины сидят в своих клубах, молча читая газету и, не спеша, смакуя напитки. Словом, ситуаций много, а суть одна – хочешь немного побыть англичанином, самый простой способ теперь известен.

4. Магия земли: что едят в Англии.

Вопрос, волнующий каждого путешественника, где и что есть в чужой стране. И это не просто вопрос насыщения и поддержания жизни. Еда – это существенная часть культуры любого народа и прикосновение к ней это проникновение в самое заветное и близкое им. Вместе с тем, хорошо известно, что именно вопросы питания порой являются самыми сложными в процессе межкультурного общения. Человека можно научить правильно здороваться, стоять на нужном расстоянии от собеседника, одеваться так, чтобы никого не шокировать. Но как научить есть кузнечиков и лягушек, или, того хуже, собак, если они являются любимым лакомством местных жителей? Вот здесь-то и начинаются конфликты культур.

Интересно, что когда возвращаешься из чужой страны, один из первых вопросов, который тебе задают - «А чем кормили?» Очень важно узнать, что они там едят, и, таким образом, понять, так уж ли они от нас отличаются.

Англия в этом вопросе страна, как уже было сказано, нам довольно близкая. Хотя и не во всем. С одной стороны, мясо с картошкой или рыба с картошкой – основа английского рациона, нам близки и понятны. С другой, как, когда и каким образом едят – уже разговор другой. Ну и, наконец, немаловажно, где есть путешественнику, если он хочет и культуру английскую понять, и наестся, и не разориться, и выжить.

Есть один великий принцип любого путешествия – питаться надо местной пищей, той, которая выросла на этой почве, которая приготовлена здесь же и которая, главное, принадлежит данному народу и данной культуре. Существует здесь одна великая закономерность: национальная еда, напитки, также как и многое другое, например, часто развлечения, иногда одежда и так далее, хороши в контексте и окружении культуры, которая их породила. Вырванные из своей почвы, они теряют свое очарование и прелесть, подобно

цветам, которые радуют глаз в родном им саду и чахнут в вазе, оторванные от своей среды. Мы назвали это явление **магия земли**.

Взять, например, напитки. Один встреченный мной на Лигурийском побережье немец жаловался, что в первый свой приезд в эти края он был покорен местным итальянским вином, простым, но величественным как сама жизнь. Будучи еще и прагматиком, он в следующий раз специально не поленился приехать на собственной машине, чтобы увезти побольше бутылок с собой домой. Каково же было его разочарование, когда оказалось, что то же самое вино, разлитое в бокалы под Гамбургом оказалось пресным и совершенно неинтересным, так что он с трудом допил оставшиеся запасы. А на следующее лето в Монте-россе-аль-маре (уже название – песня!) он вновь наслаждался его неповторимым вкусом.

А итальянская же граппа? Как легко и радостно проскакивает она в качестве дижестива после приятного во всех отношениях итальянского обеда. Как наполняет душу светлым чувством прекрасного, как придает завершенность всей вкусовой гармонии, как, в конце концов, помогает переваривать благородную пищу. А попробуйте привезите ее в Москву? Далеко не всякий пьяница, в поисках чего бы выпить, польстится на нее, скорее сбегает в ларек. Самогон самогоном, да еще и не самый лучший, вот что такое граппа в Москве.

Или упомянутый выше английский мармелад. Как вкусен он утром, за завтраком, на английской лужайке под выющейся розой, намазанный на горячий сухой тост и запитый крепким английским чаем. Сколько раз уезжая из Англии я покупала его, привозила домой и он долго пылился где-нибудь на полке, потому что как-то сразу терял и свой аромат, и свой вкус, и свою прелесть.

Трудно сказать, что играет здесь определяющую роль: воздух ли, которым дышишь, или лужайка, по которой ходишь, или люди, которые веками ели или пили этот продукт, или просто магия земли, но факт остается фактом: старайтесь получить удовольствие от местных специальностей и не пытайтесь привезти их домой, это бесполезно. Это относится не только к еде, но и ко многим другим вещам, особенностям быта, традициям и прочее, но нигде так не заметно как в еде.

Магия земли – это квашеная капуста с водкой морозным вечерком после хорошей прогулки по лесу где-нибудь в Рязанской или Смоленской области, или сало с горилкой и протяжной песней на Украине, или гусиная печенка со

сладким бордосским вином теплым вечером под платанами Каркасона, или пиво с колбаской в пивном саду города Мюнхена, или прохладное игристое вино на улице маленького итальянского городка, когда экскурсионная программа уже закончилась, а до вечерней трапезы еще есть время. Список этот можно продолжать долго, предаваясь сладостным воспоминаниям или приятным мечтаниям. Магия земли – великая сила и огромное удовольствие для тех, кто сможет почувствовать ее.

В английской земле есть своя магия, хотя те, кто любят изысканную или оригинальную кухню и не выносят картошку с мясом, должны питаться здесь в МакДональдсе. Главное ее достоинство – простота и естественность. Хороший английский ресторан (если вам повезет) – это не повар-виртуоз, а свежие продукты. Все повара в Англии, которые умеют что-то большее, чем не испортить продукты и донести их в естественной сути до клиента, это французы или итальянцы. Но не советую ходить здесь в итальянские или французские рестораны, магия земли не та, и удовольствие от спагетти вы здесь вряд ли получите. Единственное исключение – китайские рестораны, они дешевы, оригинальны и в них всегда подают хороший рис, все это очень полезно, если у вас заканчиваются деньги или начинается несварение желудка (и то, и другое в Англии дело обычное).

Режим питания англичан вполне согласуется с их любовью к провинции и сельской жизни. Завтраки ранние, есть после 9 вам дадут только в приличной, то есть дорогой гостинице, в небольших и частных заведениях к 9 все уже заканчивается, а в «бед энд брекфастах» иногда и к 8.30. Как будто, после плотного раннего завтрака, они все спешат на сельскохозяйственные работы. Дневная еда, именуемая «ланч», не столь четко определена во времени, как в романских странах. Конечно, все, кто работают в офисах едят в перерыв в пределах с 12 до 2-х, многие пабы после этого закрываются на перерыв до вечера, так что лучше поесть в этот отрезок времени, хотя большой проблемы не будет и позже. Наконец, так называемый обед бывает вечером, но довольно рано, если только вы не ведете светскую жизнь, так что вне Лондона после 8.30 вечера бывает трудно найти место, где вас покормят и даже в открытых заведениях нередко заканчиваются многие блюда. Если в семье вам вечером предлагают легкую еду, ее нередко называют «ужин», чтобы вы не ошиблись и не ждали многого.

Про английский завтрак было сказано уже достаточно. Английский ланч очень варьируется и нередко состоит просто из сэндвичей или супа, который подают обязательно с хлебом и маслом. Суп в Англии отличается от привычного нам: он, как правило, овощной, из моркови с имбирем, или цветной капусты со сливками, или томатный с гренками, или грибной из шампиньонов, практически всегда пюреобразный, напоминающий слегка о детском или диетическом питании. Многим нравится, главное, чтобы он был натуральный, а не из консервной банки. Я даже пыталась воспроизвести его дома, но результаты подобных экспериментов по перенесению чужих ингредиентов на родную почву уже описаны выше.

Популярен, особенно в пабах, так называемый «ланч пахаря» (“Ploughman’s lunch”). Оставшийся от былых сельскохозяйственных английских времен он сегодня любим не только пахарями, но и людьми более прозаических профессий, и состоит из разных продуктов, которые когда-то дети приносили отцам в поле. Обязателен большой ломоть свежеспеченного хлеба, листья зеленого салата, маринованный репчатый лучок, салат из капусты с майонезом, а как основное блюдо – большой ломоть сыра, иногда заменяемый ветчиной. Если все это свежее, он может быть очень вкусным, но мне жаль каждого, кому достанется плохо промытый салат, передержанный в уксусе лук и не слишком хороший сыр.

С сыром в Англии тоже свои отношения. Мне лично очень нравятся некоторые его сорта: они знамениты, например, своим «чеддером» и «стилтоном». Сыры эти не обладают столь ярко выраженным вкусом, как французские, зато доступны и понятны, как мне кажется, большему числу людей именно потому, что попроще. Французы не устают смеяться и над английской манерой еды сыров. Усвоив многое из французской кухни англичане (если только это не ланч пахаря или сэндвич) тоже едят сыры в конце обеда. Но, о ужас, англичане всегда подают его со своими любимыми крекерами (кстати, очень вкусными), часто добавляют к нему свой обожаемый сельдерей и морковь, ну и, главное, нередко подают сыр после сладкого пудинга. Честно говоря, российскому обывателю, не столь умудренному в гастрономических тонкостях, все это не столь существенно, нас больше волнует, почему сыр не дают на завтрак или на закуску, но если привыкнуть, то и в конце еды с красным вином он очень неплохо идет.

В Англии вот уже не одно столетие популярно блюдо, ставшее в некотором смысле важной составляющей культурной традиции и являющееся одним из ранних вариантов, как сейчас говорят по-русски, фаст-фуда или, проще, перекуса. Это знаменитая «фиш энд чипс» (“fish and chips”) или рыба с жареной картошкой. Есть ряд незыблемых правил. Рыба должна быть семейства тресковых, конечно, свежая, обжаренная в тесте в большом количестве масла. Картофель режется ломтями и также жарится в масле. Все это, в классическом варианте, заворачивается в газету и поливается уксусом, хотя в последнее время чаще используют одноразовую посуду и кетчуп, что, вполне возможно, и сказывается отрицательно на вкусе, но как-то привычней. Правила часто нарушаются, но если у вас хорошее здоровье, то эта традиционная английская еда может быть очень вкусной, всегда недорогой, часто продается в небольших кафешках на вынос, хотя можно ее заказать и в пабе и ресторане. «Фиш энд чипс» считается вершиной английской кулинарной мысли и даже не надеетесь понять английскую душу не попробовав это блюдо.

Самостоятельным блюдом в ланч может быть и любимая англичанами картошка. Большие клубни запекают в фольге, рассекают с одной стороны, чтобы как бы «открыть» ее, а в эту щель кладут разные начинки, которые клиент может выбрать сам. Самые распространенные среди них: яйцо с майонезом, тертый сыр, консервированный тунец, салат из капусты, репчатый лук. Все это можно варьировать и комбинировать по вкусу. Блюдо незатейливое, но вполне сытное, его часто продают просто на улице, или в общественных местах – парках, на вокзалах, там, где надо быстро перекусить.

По воскресеньям, отдавая дань вековой традиции, в пабах подают классические английские ростбифы (название в английском относится только к говядине, но в русском стало собирательным для жареного мяса вообще). То есть едят их и в течение недели, и не только в пабах, и очень даже любят, но по воскресеньям они дешевы. Это, пожалуй самый традиционный вид английской пищи: огромный кусок мяса, по правилам говядины, но также может быть и свинина, и баранина, и сегодня даже индюшка, запекают целиком, в натуральном виде и потом отрезают от куска большие ломти. Поливают все это разными соусами, которые не так плохи, как любят представлять. К говядине это чаще всего так называемое «грейви» (“gravy”), из загущенного мясного сока, которым англичане обожают поливать вообще все на свете, к баранине мятный

соус, который, будучи хорошо приготовленным, не имеет себе равных, хотя часто заменяется консервированной версией, к свинине – яблочный соус.

Умеют на острове приготовить и рыбу. И не только в вышеописанном жареном варианте, хотя он и является самым традиционным. Хорош здесь лосось, сваренный на пару, совершенно натуральный, к которому подают кусок лимона, сок которого и является естественным соусом к рыбе. Очень популярна жаренная камбала, а также всевозможные виды тресковых рыб, которых здесь знают больше, чем мы. Сопровождается рыба, как и мясо, вареными овощами – морковью, горошком, цветной капустой, по сезону со спаржей, иногда на выбор предлагают зеленый салат или жаренный картофель. Все это, в основном, как и положено гарниру, не портит вкус основного блюда.

Едят на острове и пироги. На западе – большие и похожие формой на наши, так называемые корнуэльские, они могут быть самостоятельным хорошим перекусом. Но более распространенными являются другие, как например, популярный «пирог пастуха» (“shepard’s pie”), представляющий собой тушеную в плошке баранину, сверху накрытую картофельным пюре и запеченную в духовке, или «деревенский пирог» (“cottage pie”), в котором баранину заменяет говядина.

Все блюда в Англии – большие и сытные, что вполне соответствует ключевой идее – есть не ради удовольствия или баловства, а для насыщения и продолжения жизни. Более того, еда может быть и воспитательным фактором, так что можно сочетать приятное (процесс воспитания) с полезным (питанием). Не случайно существует распространенное мнение, что для француза важно качество пищи, для немца – количество, а для англичан хорошие манеры за столом. При посещении светского вечера или торжественного приема самой интересной частью программы будут именно традиции поведения и общения за столом, культура приема пищи, чем сама пища.

В Англии не ждите видимости изобилия. Мой сын как-то проводил свой маленький эксперимент. В каждом месте, где мы останавливались поесть или просто передохнуть за чашкой чая, он спрашивал себе стакан виноградного сока. Так вот за две недели путешествия, ни в одном заведении его просьба не была исполнена. И не потому, что англичане принципиальные противники именно этого напитка: источники свидетельствуют, что виноградный сок завозили из Франции еще с 13 века. Нет, просто двух видов – томатного

(несладкого) и апельсинового (сладкого) вполне достаточно для нормального существования, а если есть еще и яблочный, то и совсем хорошо.

Интересны варианты ответов, которые мы выслушивали. Самый распространенный: слегка испуганно, иностранцы все-таки, - «у нас есть грейпфрутовый» (по-английски виноградный “grape” и грейпфрутовый “grapefruit” звучат похоже). В более солидных заведениях: «Я пойду схожу, спрошу на кухне» (по принципу, у нас все есть), а потом, вернувшись - «только что закончился», как будто вся страна внезапно вспылала жаждой именно этого вида соков. Наконец, в самом дорогом нас даже удалось обмануть, официант в ответ на вопрос, есть ли у них этот сок, спокойно и величественно ответил «конечно», чем поверг нас в восторг, который быстро поугас, когда он вернулся с печальной новостью о его временном отсутствии. Одна хозяйка паба даже обиделась и сообщила, что соки – их специализация, поэтому у нее есть даже клюквенный и грушевый, но виноградного по-прежнему не оказалось.

Как и во всякой европейской стране, в Англии нет проблемы найти место, где можно поесть. Если не брать Лондон и иностранные заведения, то хороший английский ресторан в провинции будет, скорее всего, в гостинице. Здесь все зависит от повара, которым, в небольших заведениях, часто является жена хозяина, и свежести продуктов. Цены будут скорее удивлять, чем радовать, но в случае везения, вас накормят самой нежной, сочной, а главное, деликатной бараниной со знаменитым мятным соусом, которую вы можете себе представить.

Лучшее соотношение цена-количество, вы, конечно, найдете в английских пабах. Кстати, вопреки распространенному мнению и качеству еды, особенно в небольших деревушках, где это главный центр встречи местных жителей, может быть очень приличным. Еду в пабе заказывают всегда у стойки, так что садится за столик и ждать официанта бессмысленно, чаще всего к вам никто не подойдет, потому что кто его знает, может вы пришли просто посидеть в приятном месте. Платишь тоже чаще всего сразу и не держишь больше этого в мыслях, и чаевые в таких местах совсем необязательны. Зато уж порции своими размерами удовлетворят самых больших обжор и голодными из паба вы вряд ли уйдете (если только вам не повезет, и пища окажется малосъедобной). Сначала вам принесут гигантскую тарелку с нагромождением еды, потом к ней отдельно картошки, а потом, когда вы уже ничего не ждете и только думаете как выжить,

еще и миску с овощами или салатом. Хрупким девушкам, сидящим на диете, рекомендуется брать порции пополам на двоих, а то и троих сразу.

Тем, кто путешествует на машине, очень рекомендую в качестве ланча попробовать организовать себе английский пикник. Можно, конечно, и, как и положено, на природе, на берегу речки, под ивой, если, конечно, вам удастся найти проход к ней между заборами из колючей проволоки и стадами коров. Более удобным же представляется вариант с придорожными столиками с лавочками, которые англичане понаставили довольно много, особенно вдоль автострад или у мест скопления туристов. Купив в магазине сыр, ветчину, хлеб и фрукты, заварив в термосе чай (напоминаю, что практически во всех английских нелондонских гостиницах есть чайники в номерах), вы прекрасно (и недорого) поедите на природе, оставаясь при этом вполне в приличных условиях – столы деревянные, чистые, рядом бак для мусора, а за соседним столиком – другие туристы, чаще всего сами англичане, которые, правда, предпочитают плюхнуться где-нибудь в парке на подстилку и быть ближе к природе (тоже неплохой вариант).

Если вас позвали в гости, в семью, что случается нечасто, как знак особого расположения, не ждите ничего интересного, кроме наблюдения за бытом и нравами местных жителей. Англичане давно уже разучились готовить дома, так что суп будет из банки, гарнир консервированный, пудинг из соседней булочной, а в качестве особого угощения вам предложат тонкие и пережаренные ломтики мяса, причем количество их будет соответствовать числу гостей. Помните, что добавку, если она есть, предлагают только один раз, так что если вы отказались и ждете, что кто-нибудь будет настаивать и говорить «ну съешь еще кусочек», то вы ошибаетесь, здесь желание личности уважается, не хочешь, не надо, а Демьяны давно перевелись вместе с ухой. Частенько после таких гостей по дороге домой хочется перехватить что-нибудь, чтобы утолить чувство голода.

Происходит это не от скупости или отсутствия гостеприимства, а от нелюбви к шику, к излишествам, к неумеренности. Не мы для еды, а еда для нас, так можно сформулировать кредо английской системы питания. Золотыми же правилами ее кухни являются – свежесть, естественность и простота. В идеальном варианте, конечно.

Глава 5. Чему улыбаются англичане

1. Сады и парки

Каждый народ улыбается в разных ситуациях. Конечно, есть улыбка вежливости, присущая, кстати, в большой степени английской культуре, которая является частью воспитания и хорошего поведения. Вошел в лифт – улыбнулся, мол, все в порядке, я свой. Задел плечом на улице – еще улыбка, не волнуйтесь, я ничего плохого не имел в виду, драки не будет. В магазине продавец – покупателю улыбается в смысле неплохо бы чего купить, а покупатель продавцу – не бойся, не обману. Есть улыбка американская – крайняя степень формальности, когда в нее часто не вкалывается уже никакого смысла, кроме механического движения мышц, да демонстрации работы своего дантиста. Но у каждого народа существуют моменты, когда улыбка является естественным и неудержимым выражением чувств, когда за ней стоит истинное движение души и сердца.

Особенно это заметно у народов, привыкших скрывать свои чувства. Неулыбчивые по природе финны расплываются, хотя и против воли, когда встают на лыжню, которыми опутана вся эта, довольно немаленькая, страна. Суровые неразговорчивые исландцы не могут сдержать радости оказавшись в бассейнах с природной горячей водой, которые разбросаны по всему острову. Сдержанные англичане улыбаются детской чистой улыбкой в двух ситуациях: в саду и за чашкой чая. И они сделали все, чтобы доставлять себе это удовольствие как можно чаще. А в идеальном варианте еще и совместили обе радости – чай в саду, вершина английского счастья и источник знаний об англичанах для заезжего путешественника.

Английские сады являются сильнейшим национальным увлечением. Достаточно только посмотреть на лица англичан, когда они дружно гуляют по садам-музеям, деловито обсуждая свойства различных цветов и отпуская фразы типа «Прекрасная гортензия! Немедленно посажу у крыльца такую же» или «А у меня вот такая бегония завяла» – «Вы, наверное, посадили ее на солнце». Каждое поместье, открытое для посещения, непременно содержит свои, неповторимые сад и парк, иначе число посетителей резко сократится. Кроме

этого, поскольку англичане не любят просто отвлеченно любоваться предметом, но предпочитают жить им, практически все, что растет в том или ином музее, там же можно и купить и посадить под своим личным окном.

В Англии даже существуют специальные «садоводческие» туры в Европу. Интереснейшее зрелище представляют собой английские бабушки в ярких светлых юбочках и кофточках, небрежно и снисходительно пробегающие мимо шедевров итальянского Возрождения к заветной цели – итальянскому саду. Вот, где их чувства пробиваются даже сквозь маску сдержанности и приличий. Часами сидят они около цветочных клумб рисуя акварельки, делая карандашные наброски или просто улыбаясь цветам как любимым внукам (которых, кстати, они, согласно английской традиции, видят гораздо реже и с меньшим удовольствием).

Наконец, достаточно зайти в книжный магазин, в котором огромные стеллажи посвящены садам и руководствам по их выращиванию («Сад зимой», «Сад осенью». «Сад, если у вас мало времени», «Сад, если у вас много времени» и т.д.), чтобы окончательно убедиться в том, что это действительно серьезно. То же относится и к журналам, посвященным садоводству, которых выпускается великое множество, и к телепередачам, куда, в отличие от нас, не нужно приглашать звезд, чтобы народ заодно посмотрел и как кусты сажают. Нет, здесь они имеют самостоятельную ценность: в одних подробно объясняют правила полива и подкормки того или иного растения, а в других – рекомендуют для разнообразия выращивать экзотические растения, видимо, исходя из того, что за ними сложнее, а значит и интереснее ухаживать.

История садоводства в Англии насчитывает не одно столетие. В средние века сады при монастырях и в богатых усадьбах, предназначенные для прогулок и отдыха, часто имели и практический смысл: кроме цветов для удовольствия, там произрастали и травы для кухни и медицинских целей. Во времена Тюдоров большой популярностью пользовались так называемые «узловые» сады (“knot gardens”), представлявшие собой сложные узоры, сделанные из низкорослых кустарников, часто в виде узлов. Иногда пространство между узорами заполняли разными цветами, так что такая «клумба» напоминала средневековые с цветочным узором ткани. Сегодня подобные старинные сады вошли в моду и многие парки-музеи создают целые произведения искусства из кустов и цветов.

В то время многие садовники уже были людьми, занимавшими заметное место в жизни английского общества. Одним из ярких примеров является деятельность Джона Традесканта (John Tradescant 1570-1638), а позже и его сына и последователя Джона Традесканта-младшего (1608-1662). Не просто садовники, но и ученые, коллекционеры и заядлые путешественники, оба они, и отец, и сын много потрудились для родной страны. То было время освоения, изучения (и покорения) мира и новые экзотические растения занимали большое место в кругу интересов ученых-садоводов. Считается, что именно Традескант-старший привез в Англию зеленый салат, акацию и сирень. Даже в русской истории Джон, считавшийся величайшим садовником своего времени, оставил свой след в виде популярного и крайне неприхотливого растения, носящего его имя, «традесканция».

Кроме этого он побывал на севере России и оставил одно из первых описаний растений североморского региона. Подлинный ученый, он интересовался и бытом, и нравами местного населения, причем, в отличие от большинства своих соотечественников, старался понять, а не осудить, чужие традиции. Русские хлеб и хмельной мед произвели на англичанина самое положительное впечатление, мясо он нашел сносным, а вот пиво невкусным. Восхищался он умением русских владеть топором и делать удивительные вещи без дополнительных инструментов. Но самое приятное впечатление на ученого произвели все-таки растения – шиповник, с «великолепным ароматом», морошка, «похожая на клубнику, но янтарного цвета», смородина, «гораздо более крупная, чем наша» и многое другое. Все это было аккуратно собрано и отвезено Традескантом на родину, где многие из привезенных растений прижились и стали украшением английских садов, как, например, *Rosa Moscovita* *Geranium* или *Moscoviticum purpureum*.

Сегодня вокруг церкви в Лондоне, где похоронены отец и сын Традесканты, расположился Музей истории садов, открытый в 1977 и до сих пор являющимся уникальным, подобного ему нет в мире. Вокруг разбит сад, в котором собраны растения, произраставшие в садах 17 века, эпохи, когда творили Традесканты. А в 1983 году лично королева-мать открыла «узловой» сад, созданный леди Солсбери по сохранившимся зарисовкам, копию сада Традесканта в одном из английских поместий.

Садоводство не было английской привилегией и долгие годы англичане в этом вопросе находились под влиянием французских и итальянских мастеров, считавшихся непревзойденными мастерами садового дела. Однако, вскоре был найден свой путь, и англичанам удалось внести свою лепту в это прекрасное занятие. К тому же в романских странах сады и парки были творениями искусства, уделом избранных художников, в Англии же они стали частью жизни и сегодня, как и сто лет назад, каждый обладатель клочка земли является не просто владельцем, но и творцом своего, пусть маленького, но сада.

Переворот в английском садовом деле связывают с именем Ланцелота Брауна (1716-1783), известного под прозвищем «Кейпабилити» Браун (“Capability” Brown, своим нанимателям он любил говорить, что у их сада «большие возможности» - «great capabilities»). Именно он бестрепетной рукой смел регулярные симметричные парки, сделанные по французскому образцу, и создал на их месте знаменитые английские пейзажные парки. Естественность и близость к природе – были основной идеей подобных творений. При создании парков такого рода использовались различные новые приемы и способы садоводства, например, придуманные одним из современников Брауна, «ха-ха» (именно так и по-английски “ha-ha”) – рвы, выложенные кирпичом, позволявшие обходиться без стен вокруг парков. Это, с одной стороны, давало видимость бесконечности, когда парк, плавно перетекал в окружающий пейзаж и сливался с ним, а с другой, охраняло территорию от нежелательных вторжений, например, овец или коров.

Естественность требовала кропотливой работы и активного вмешательства в природу. Но Браун был убежден, что нет ничего невозможного и природу всегда можно переделать по своему желанию (этаким ранний Мичурин, отбиравший «милости» у природы). Когда одно высокопоставленное лицо предложило ему за большие деньги поехать поработать над поместьем в Ирландии, Браун отказался, ответив: «Я еще не закончил с Англией». Кстати сегодня, когда творения Брауна реставрируются и лелеются как подлинные творения английского искусства некоторые все равно считают, что надо было все-таки быть поаккуратнее и не сметать с лица зеленого острова прекрасные регулярные парки. Но, конечно, это высказывается людьми, стоящими на космополитических позициях, подлинные английские патриоты считают Брауна, положившего начало английской традиции, настоящим героем.

Слава Брауна не знала пределов, так же как и его работоспособность. Он сумел преобразить поместья многих знатных английских семей, таких как герцог Мальборо или герцог Девонширский в числе многих, стать королевским садовником при короле Георге III (среди его творений, например, парк в Ричмонде и Сейнт-Джеймс парк в Лондоне), разбогатеть, стать видным членом английского общества и владельцем собственного поместья (происхождения он был самого низкого) и умереть в расцвете славы. Его авторитет был столь велик, а личность такой сильной, что, когда он умер, король вызвал второго садовника и сказал: «Ну, теперь, наконец, мы сможем сделать все, что хотим в нашем парке в Хэмптон корте».

Подлинная садовая лихорадка охватила английское общество в викторианскую эпоху. Именно в это время главной героиней английского сада становится роза, в это время возникают многочисленные общества, часть которых дожила до сегодняшнего дня, например, Национальное общество хризантем, или Общество нарциссов, или Национальное общество роз. Именно в это время сады стали достоянием широких масс, и каждый маленький коттедж теперь имел пышный и уютный садик. В соответствии с имперскими настроениями эпохи, на английскую почву в это время проникло множество экзотических цветов и растений, таких как хризантемы, рододендроны, азалии, бамбук и множество других.

20 век укрепил любовь англичан к саду и садоводству. В нестабильном и разваливающимся на куски мире сады были оазисами тишины и стабильности. Чем больше в жизнь проникала искусственность – в еду, одежду, быт – тем к большей естественности в садоводстве стремились английские садовники. Конечно, размах 18 века с его природными ландшафтами было достичь трудно, но маленькие садики, искусно воспроизводившие дикую природу, на клумбах которых переплетались в пестром узоре садовые, полевые и лесные растения, получили широкое распространение.

В современной Англии в вопросах садоводства заметно преобладание традиционализма и консерватизма. Культивирование истории и традиций естественным образом привело к тому, что в английских садах не только успешно сохраняют старое, но и воссоздают многое из ушедшего. В Уорике был восстановлен викторианский розовый сад, в замке Садлей (Sudley Castle) –

узловой средневековой, в поместье Лонглит – ландшафтный парк Брауна. И таких примеров множество.

Сегодня в стране существует огромное количество различных садоводческих обществ и добровольных объединений. Самое известное из них Королевское общество садоводов (Royal Horticultural Society), основанное еще в 1804 году и с тех пор неутомимо пропагандирующее это прекрасное занятие в Англии. Именно по его инициативе было еще в середине 19 века организовано первое цветочное шоу, с 1913 года переехавшее в Челси и ставшее одной из важных составляющих общественной жизни страны. Оно не прекращалось в годы первой мировой войны как символ сопротивления злу, оно было приостановлено в годы второй мировой как знак скорби, оно, наконец, ознаменовалось роскошным праздником в честь золотого юбилея королевы Елизаветы II в 2002 году, подчеркнув тем самым свою приверженность монархии и доброй старой Англии.

Страсть к садоводству охватывает все слои английского общества. Можно даже не платить денег за посещение музея, чтобы оценить чудеса сочетания цвета, формы и запаха английских садов. Достаточно просто пройтись по какой-нибудь небольшой деревушке, все равно где, чтобы полюбоваться изощренными и неповторимыми частными садиками. Правда при этом святая святых – задний сад, в который есть выход через заднюю дверь и нередко украшенный и выющимися розами, и прудиками с рыбками, и маленьким фонтанчиком, большой не влезает, - остается скрытым от посторонних глаз. Сады здесь сажают для души, а не для хвастовства.

Увлекается цветами и высшее общество: упомянутая выше знаменитая ежегодная выставка цветов в Челси – одна из самых значительных светских тусовок Англии. И приезжают туда не только продемонстрировать новые шляпки, хотя это и немаловажно, но, главное, оценить новинки садоводства. Не случайно, наследник престола принц Чарльз является одним из активнейших участников конкурса садов, каждый год представляя что-нибудь новенькое и даже занял как-то, совершенно заслуженно, а не по блату, первое место. За любовь к цветам англичане ему многое простили.

Забавно описал свой личный опыт в этом вопросе известный американский журналист, автор многочисленных книг о своих путешествиях по разным странам Билл Брайсон. Он родился в Америке, в молодости женился на

англичанке и много лет провел в Англии, которую в конце концов оставил, решив вернуться с семьей на родину. Таким образом он накопил личный и богатый опыт проживания в обеих странах. В своей книге об Америке он описывает разницу в подходах к своим садам у англичан и американцев. В Америке все довольно просто, то, что находится рядом с домом это не сад, а двор и основной уход за ним заключается в сгребании листьев осенью и стрижке травы летом. Для англичан же это всегда именно сад, за которым надо много и очень сложно ухаживать, применяя различные средства, инструменты, здесь нельзя просто прополоть сорняки, а надо делать это по-научному. Во всяком случае, пишет Брайсон, он никогда не мог понять и половины тех указаний, который давала ему его английская жена, когда она священнодействовала в саду.

Неповторимы и незабываемы английские парки. Идеально ухоженные даже в центре Лондона они не случайно являются предметом национальной гордости. Все старинные деревья любовно охраняются и сохраняются, что придает таким местам атмосферу какой-то особой величественности и настраивает на размышления о вечном. Известный славянофил А.С. Хомяков, большой любитель и ценитель всего английского, в своих письмах домой восторженно писал об английских «парках, замках и садах, которым вся Европа подражает и подражать не умеет, об изумрудной зелени лугов, о красоте вековых деревьев и особенно дубов, которым ничего подобного я в Европе не видал». И действительно, долгое время находясь под итальянским и французским влиянием в вопросах садоводства, англичане смогли создать нечто свое, неповторимое и уникальное, что теперь, в свою очередь является предметом для подражания. В симметрию итальянских и вычурность французских парков они привнесли искусственно созданную естественность и хорошо продуманную простоту.

Еще большее впечатление производят на ценителей одновременно прекрасного и природы английские сады. Про их неповторимые клумбы можно писать поэмы. Смело сочетая не только цвета, но и формы они создают неповторимые произведения искусства. Только англичане могут создать шедевр, посадив на клумбу чертополох, укроп и еще какие-нибудь лопухи. Созерцание их одновременно всегда не только наслаждение, но и удивление –

«да ведь это же обыкновенный тысячелистник, или лесной колокольчик, или маргаритка, а какая красота!».

Одним из любимых украшений английских садов является лаванда. Самых разных оттенков нежного фиолетового цвета, она чаще всего используется в качестве бордюров для клумб и дорожек. В магазинах Национального фонда ее можно купить во всех видах – мыло, свечи, ароматизаторы для белья или комнаты, ее холодновато-спокойный цвет и аромат как нельзя лучше гармонируют с английским настроением. На востоке страны, где ее произрастает великое множество, можно посетить специальный заповедник «Норфолькская лаванда», где представлены для обозрения (и покупки) различные сорта этого прекрасного растения, которое, взятое поодиночке, не слишком яркое и интересное, но, соединившись на грядке, создает неповторимые нежные облака лавандового цвета. И конечно же на каждом флаконе шампуня или геля для душа сообщается, что английская лаванда – признана самой лучшей лавандой в мире.

Но королевой английского сада, безусловно, является роза. Роза считается цветочным символом Англии, подобно тому как лук-порей символом Уэльса, а колючка – Шотландии. «Моя прекрасная английская роза» – много веков обращались к любимым в этой стране. Война алой и белой розы стала важнейшей вехой в английской истории (не так часто войны называют цветочными именами!). По ее окончании Генрих VII Тюдор взял красную розу Ланкастеров и соединил ее с белой розой Йорков, женившись в 1486 году на Елизавете Йоркской. В результате получилась двуцветная роза Тюдоров, ставшая эмблемой этого королевского дома, и, особенно во времена Генриха VIII, украсившая много домов в стране. Знаменитый английский фарфор викторианской эпохи, производящийся и пользующийся спросом и по сей день, называется Королевский фарфор Альберта, и носит на себе изображение старинных сортов английских роз. Шекспировская Джульетта произносит знаменитый монолог: «Что в имени? То, что зовем мы розой, - И под другим названием сохраняло б Свой сладкий запах!». Соловей в сказке Оскара Уайлда отдает свою жизнь за красную розу – вечный символ любви. Список можно продолжать долго. Роза – королева цветов, любимица англичан, так же как лев – царь зверей, еще один символ страны. На меньшее англичане не согласны.

Под Лондоном существует Сад роз, находящийся в ведении Национального королевского общества роз, основанного еще в 1876 году. Здесь собрано более 30000 розовых кустов, представляющих все исторически известные с 15 века виды этого благородного растения. Путеводители по саду, пишут, что подобного размаха нет нигде в мире. Сад не только предназначен для прогулок и приятного времяпровождения, но и представляет собой своего рода учебное пособие для садоводов любителей. Здесь розы показаны во всей их красе и в самых разных вариантах – вьющиеся образуют туннели, низкорослые – клумбы, высокие – колючие ограды. Здесь рай для любителей роз, а тем, кто к ним равнодушен, можно сидеть в тени розового куста и рассматривать лица проходящих англичан. Это зрелище, достойное потраченного времени.

Существует и множество других розовых садов, как, например, очаровательный «Викторианский сад» в замке Уорик. Посаженный в 19 веке, он до сих пор любовно сохраняет и передает атмосферу того времени. Розами увиты тенистые дорожки, из вьющихся же роз сделаны уютные беседки над скамейками, розы на клумбах, розы на бордюрах, розы на лужайках. Их великое множество и они не только радуют глаз, но и создают в саду непередаваемый аромат. Очень приятно посидеть на такой скамеечке, полюбоваться возвышающимся немного сбоку замком, понаблюдать англичан, умильно прохаживающихся по дорожкам. Действительно хочется, как и они, блаженно и расслабленно улыбаться.

2. Английский чай

Другой национальной страстью является чай. Хотя многие, особенно в крупных городах, сегодня пьют кофе или (еще хуже) заваривают чай пакетиком, все равно сохранение верности и особого отношения к этому напитку считается важной составляющей английской культуры. Еще несколько столетий назад чай стал для англичан не просто способом утолить жажду, но и важным общественным действием: поводом для приятной душевной беседы (как в России водка), утешением в минуты кризиса, способом расслабиться. Английская литература свидетельствует о той огромной роли, которую

чаепитие имело в жизни страны. В детективах нашедшему труп для поддержания сил предлагается чашка чая, в любовных романах им лечат разбитые сердца, его пьют друзья, отмечая встречу, и враги, чтобы разрядить обстановку. Питер Пэн на вопрос, обращенный к детям «Чего они больше хотят – чая или приключений», получает немедленный ответ «сначала чаю, пожалуйста». Льюис Кэрролл сделал безумное чаепитие центральной сценой своей «Алисы в стране чудес».

Все знают, что в Англии чай пьют с молоком, сначала молоко, потом сверху чай, и никакой воды. Причем традиция эта столь сильна, что производители помещают на пачках зеленого, фруктового и травяного чая предупреждение «Лучше пить без молока». Что не останавливает англичан от создания страшной бурды, например, состоящей из чая из шиповника, разведенного молоком.

Чай не оставляет равнодушным ни одного англичанина. Известный английский писатель Дж. Оруэлл, своими произведениями не слишком вписывающийся в сельскую английскую идиллию, тем не менее предложил свои 11 «золотых» правил заваривания чая, которые я и привожу, как образчик английской философской мысли: 1. Чай должен быть индийским или цейлонским. 2. Чай надо заваривать понемножку, в заварочном чайнике, фарфоровом или фаянсовом и разбавлять кипятком (революционно, что Оруэлл сознает, поэтому детально объясняет причины). 3. Чайник следует подогреть, но не споласкивая водой, что портит вкус, а на каминной полке (мило!). 4. Чай должен обязательно быть крепким. 5. Чай нужно класть прямо в заварной чайник, чтобы лист плавал свободно, а не в мешочки, ситечки, пакетики. 6. Нужно вливать заварку в кипяток, а не наоборот. 7. Заварив чай, его следует помешать, а еще лучше встряхнуть. 8. Пить нужно чай из высокой чашки цилиндрической формы. 9. С молока, прежде чем налить в чай, следует снять сливки (правила разработаны в середине 20 века, когда в этом, видимо, еще была нужда). 10. Сначала следует наливать чай, а потом только молоко (вновь революция и вновь пространные объяснения). 11. Наконец, чай нельзя пить с сахаром, так как он убивает вкус. Оруэлл советует попробовать хотя бы две недели пить без сахара, и больше никогда не захочется портить этот прекрасный напиток.

Интересна история распространения чая и складывания чайных традиций в Англии. Как и можно ожидать, англичане уделяют значительное внимание обстоятельному изучению любимого напитка, а в магазинах «Национального фонда» можно купить интересные книги на эту тему, например, красочно иллюстрированную «Социальную историю чая». Проникновение этого напитка из Китая и Японии начинается в страну в середине 17 века, сначала через голландских и португальских торговцев, а немного позже доставкой и продажей чая, как черного, так и зеленого, начинает активно заниматься Ост-Индская компания. Первоначально чай, был напитком избранных – он был очень дорог, считался лечебным напитком (даже продавался первое время в аптеках), помогающим при головных болях, болезнях желчного пузыря и как тонизирующее средство «отгоняющее сон и веселящее сердце». Пили его на китайский лад: из маленьких восточных мисочек, заваривали в маленьких привозных чайниках, причем самыми подходящими для этой цели считались (а некоторые и сегодня утверждают, что это лучшая посуда для заваривания) привезенные из восточной провинции Цзянсу, города Исинь чайники из красной глины.

Но постепенно популярность напитка росла, он все прочнее завоевывал свое место в сердцах англичан и на прилавках магазинов. В 17 же веке предприимчивые англичане начинают выпускать специальную посуду для чая, в том числе и красноглиняные чайники с китайской символикой. Достоверно известно, что в это же время они обогащают чай сахаром и молоком, а также превращают его в напиток общения, постепенно отнимая эту привилегию у алкогольных напитков.

Кстати, еще в 17 веке в чае видели благородную альтернативу алкоголю, своеобразное средство борьбы с пьянством. Некоторые даже огорчались, отмечая, что теперь после еды вместо трубок и бутылок приносят чай согласно «недостойной индийской традиции». В это же время в стране возникают и быстро становятся популярными кофейни (кофе появился в Англии раньше чая), своеобразные прообразы английских клубов, где собирались мужчины, обсуждали политические новости, читали газеты, курили трубки и пили, как ни странно, чаще всего именно чай. Название же кофейня (coffee-house) долгое время сохранялось, хотя предпочтение и отдавали уже чаю.

Для женщин же чай стал прекрасным поводом для сбора и приятного времяпровождения за обсуждением окружающих, или попросту сплетнями. Считается, что моду на чай в Англию привезла жена Карла II, португальская принцесса, вслед за которой дамы высшего света стали собираться за чашкой чая. Они устанавливали традиции – чай разливала всегда хозяйка дома, сахар подавали специальными щипчиками, смягчали вкус молоком. Они же уделяли большое внимание сервировке стола, с этого момента приобретение чашек, сахарниц, молочников, чайников, блюдец, чайных тарелок, специальных скатертей и салфеток становится важной частью жизни каждого аристократического английского дома.

Торговля чаем стала средством обогащения многих предприимчивых английских граждан. Для некоторых она не только стала источником несметных богатств, но и открыла двери в высшее общество и даже сделалась дорогой в бессмертие. В 1706 г. Томас Твайнинг (Thomas Twining) открыл чайный магазин и чайную, которую могли посещать не только мужчины, но и дамы, съезжавшиеся к магазину и придирчиво выбиравшие любимые сорта. Дело стало семейным и быстро расширялось. Чай фирмы Твайнинг был признаком аристократизма, он вполне импонировал английской публике. Твайнинги в бизнесе придерживались традиций и стояли на консервативных позициях. Не снижение цен и массовый выпуск, а качество и изысканность вкуса – такова была генеральная линия семьи. В частности, они одними из последних стали фасовать чай в стандартные упаковки, только в 1939 году, продажа чая в развес давала больше возможностей для составления индивидуального чайного букета по вкусу покупателя, к тому же таким образом продавали чай не одно поколение их предков, а это тоже многое значило. Их усердие было вознаграждено: в 1837 году юная королева Виктория назначила их официальными поставщиками королевского двора, привилегия, которую они сохранили до сих пор. В это же время по просьбе Графа Грея ими был создан специальный вид чая, получивший большую популярность в обществе (впрочем, это достижение оспаривают другие чайные фирмы). И сегодня мало кто из ценителей чая во всем мире не знаком с черными коробочками, выпускаемыми фирмой.

Чай быстро завоевывал Англию и вскоре стал любимым напитком всех слоев общества. Горничные, устраиваясь на работу в богатый дом,

договаривались об отдельных деньгах на чай, чайные церемонии среди слуг были не менее святы, чем у их господ. Самые бедные слои общества поддерживали свои силы и искали утешение в благородном напитке. Средний класс любил побаловаться чайком на свежем воздухе в публичных садах. Случались и конфузы. Хорошо известна история, когда чай был послан в качестве подарка в Шотландию, без руководства, как его потреблять. Хозяйка отварила листья, слила жидкость, выложила листья на тарелку, приправила маслом и солью, после чего вся семья долго удивлялась, почему это чай считается таким уж вкусным.

Чайные комнаты в богатых поместьях, чайные домики в парках, чайная мебель, чайные сервизы, чайные дамские туалеты – чайная атрибутика заполонила страну. Чай теперь пили в самых различных ситуациях: традиционно после обеда в качестве дижестива, на завтрак, во время приемов, в перерыве между работой, во время лечения на водах, в дороге во время путешествия, перед сном, сразу после сна, в детской, словом все и не перечислишь.

С чаем связаны и многие исторические эпизоды: началом борьбы североамериканских колоний за независимость считают так называемое «Бостонское чаепитие» (1773 г.), когда в знак протеста против решений метрополии, колонисты уничтожили груз с драгоценным напитком. Символично, что отделение от Англии началось с уничтожения ее национального напитка и отказа пить его.

Но настоящий переворот, своего рода чайная революция, произошла в веке 19. До этого времени, несмотря на все более широкое распространение, чай оставался продуктом довольно дорогим. Вплоть до 1834 года он доставлялся только из Китая и исключительно Ост-Индской компанией, сохранявшей монополию на его доставку. То есть оставался продуктом иностранным и его поставки и качество зависели полностью от китайских фермеров и торговцев. Англичане упорно искали пути выхода из этой ситуации. В конце 18 века в Индии, в Ассаме были обнаружены дикие чайные растения, с тех пор мысль о выращивании собственного чая (Индия была частью Британской империи, а следовательно **своей** территорией) овладела деятельными английскими умами.

Не жалелись ни средства, ни силы, ни время. Первоначально делались попытки посадить в Ассаме китайские сорта чая, но эта идея здесь не принесла

желанных результатов, хотя результаты в другой провинции – Дарджелинг – и были более успешными. Тогда пошли другим путем: тщательно (и тайно) изучив секреты китайского чаеводства, а также вывезя значительное число китайских специалистов-чаеводов, англичане занялись разведением своего собственного чая в Индии. Для этой цели в 1834 году была основана специальная Чайная комиссия. Чайные плантации возникали одна за другой, фермеры-добровольцы отправлялись в индийские джунгли, жили в труднейших условиях, умирали от незнакомых болезней, но дикий индийский чай был приручен и вскоре появился на лондонских рынках и вытеснил китайский. «Добил» китайский чай также принадлежащий Британской империи остров Цейлон, где с 1860-х годов, посаженные индийские сорта, стали приносить неслыханные урожаи. С этого момента чай стал массовым напитком Англии, а Англия превратилась в величайшую чайную державу, диктовавшую моду на этот напиток всему миру.

Цейлонский чай породил плеяду «новых» английских чаоторговцев. Среди них, пожалуй одной из самых ярких фигур является Томас Липтон (Thomas Lipton), несколько лет в молодости проработавший в Америке и хорошо усвоивший основные приемы торговли этой страны. Он не жалел средств на рекламу, устраивал шумиху из всякого события в своей жизни, привлекая внимание общественности, устраивал уличные парады и представления. Его чай был дешев, удобен (он продавал чай в стандартной упаковке), доступен каждому. В результате своей бурной деятельности Липтон стал мультимиллионером, а чай, носящий его имя сегодня стал подлинным наказанием для любителей телевизионных передач, видимо страсть к массовой рекламе сохранилась в качестве важнейшего кредо этой фирмы.

Сегодня чай в Англии пьют все и повсеместно. Некоторое время назад в стране отчетливо наметился чайный кризис. В крупных городских центрах стали открывать специализированные американские и итальянские кофейные, население, как и весь мир, перешло на использование более рациональных и практичных чайных пакетиков. Но сегодня Англии удалось выйти из кризиса. Подспудно жившие традиции стали потихоньку возрождаться, нередко как своеобразное противодействие надвигающейся глобализации. Или просто «магия земли» сделала свое дело. Во-первых, на этой земле невозможно пить

кофе, чтобы с ним не делали, он все равно представляет собой сероватую бурду. Во-вторых, здесь прекрасно пьется чай, даже из пакетиков и с молоком.

Чайные за последние несколько лет вновь, как когда-то, распространились по провинции с невероятной скоростью. Еще пару лет назад одна моя знакомая англичанка из Лондона убеждала меня, что в Англии больше не существует мест, где заваривают хороший чай. Просвещенные лондонцы действительно нередко сомневаются в сохранности в неприкосновенном виде многих английских традиций. Часто приходится слышать: «Что вы! У нас этого (например, хорошего чая в общественных местах) давно уже нет». Некоторые даже обижаются, что их принимают за такой старомодный народ. Однако все радуются, если убеждаются в обратном.

Сегодня посещение чайных стало для нас с знакомой неперенной составляющей совместной культурной программы. Здесь вам подадут чай по всем правилам – на красивой скатерти, из красивого фарфорового чайника и чашки, со множеством тонкой со вкусом подобранной посуды – молочниками, сахарницами, вазочками для салфеток, тарелок с плюшками, и все это, вместе с интерьером и людьми за соседним столиками, и будет составлять сущность английского чая.

А люди эти самые разные. Это не только симпатичные старушки в ярких платьицах, заполняющие эти заведения в большом количестве и ведущие очень светского вида беседы, сущность которых, судя по доносящимся обрывкам, сводится к обсуждению новой шляпки отсутствующей подружки. Это и большие сильные мужчины, чьи мотоциклы стоят за дверью, и юные, модно одетые девушки и семейные пары с маленькими детьми. Однажды в маленьком туристическом городке мы встретили забавную компанию, состоявшую из молодых людей очень сомнительного вида: волосы раскрашены во все цвета радуги и художественно выстрижены: в носках, ушах и прочих доступных для этой цели местах – множество колец, кожаная одежда. Вся эта пестрота с возбужденным видом двигалась по направлению к чайной, из которой мы только что вышли и, радостно голоса, обсуждала «Вы знаете, говорят, здесь дают супер чай, с настоящими сливками и свежими булочками!»

С чаем связано великое множество традиций. Причем чай – это не просто и не только чашка горячего напитка, это еще и культура питания и поведения. Полуденный чай (“afternoon tea”), пятичасовой чай (знаменитый «файф-о-клок»

- “five-o-clock”), чай на двоих (“tea-for-two”) – все это очень важные общественные действия, часть английской истории и культуры.

Считается, что традиция пить чай в пять часов распространилась в середине 19 века в высшем английском обществе в связи с тем, что обеды, раньше приходившиеся на дневное время, по мере развития и усложнения светских ритуалов все больше отодвигались на вечернее время, так что возникла необходимость перекусывать между ланчем и обедом. Честь по внедрению подобных чайных перекусов легенда приписывает герцогине Бедфордской, которая якобы первая придумала таким образом утолять голод свой и своих гостей в ожидании обеда. Это был не просто чай, к нему подавали булочки, сэндвичи, холодное мясо, свежие ягоды со сливками, кексы, пирожные. Позже даже появляется специальное название “High tea” («большой чай»), который нередко являлся одновременно и ранним ужином, особенно в бедных семьях.

Сегодня даже в Лондоне сохранились свои чайные традиции, хотя и, вполне в духе этого места, в очень светском и дорогом виде. Шикарные отели, которые обыватель может увидеть в обычной жизни только в кинофильмах про аристократическую жизнь, предлагают сегодня всем желающим полуденный чай. Это целое действо, событие, к которому надо заранее готовиться, во многих местах заказывать задолго столик и приходить только очень строго одетыми, что предполагает пиджак и галстук у мужчин. Каждое место предлагает свою обстановку – от уютно-классической с мягкими диванами, камином и свечами, до стиля модерн с танцами. Во многих местах играют пианисты и мягкая спокойная музыка сопровождается легким звоном ложечек в изысканных чашках.

Самым, пожалуй, известным является чай в отеле Риц. Рекламный буклет рекомендует заказывать места не меньше, чем за шесть недель, а о популярности места свидетельствует тот факт, что полуденный чай здесь подают три раза в день. Одеваться надо прилично, джинсы категорически неприемлемы, что особо подчеркивается при входе. Приходят сюда, конечно, прежде всего, туристы, стремящиеся прикоснуться к настоящей английской жизни, а также и сами англичане, отмечающие какое-нибудь важное событие. Так, одна моя знакомая пригласила на чай в Риц свою маму в день ее рождения, и они долго и серьезно готовились к этому событию.

Вот меню подобного «чая» в отеле Риц, чтобы дать примерное представление о том, что вкладывается в это понятие. Сэндвичи: с копченым лососем, с жареной индейкой, со сливочным сыром и диким луком, с яйцом с горчичным соусом, с огурцом, с вареным лососем с зеленью, с ростбифом с чесноком; свежее испеченные булочки с домашним клубничным джемом и взбитыми сливками; фирменные пирожные и кексы; чай. Все это подается на очень красивом тонком фарфоре. Стоимость – 29 фунтов с человека, что очень дорого для обычного туриста, но голодным вы, как видно из меню, не уйдете. Меню варьируется от места к месту, везде есть свои специальности, но в целом выбор примерно одинаков и цены довольно высоки везде. За прикосновение к культурным ценностям надо хорошо платить.

На юго-западе Англии традиционными являются так называемые “cream teas” (буквально «сливочный чай»), сегодня ставшие своеобразным символом туристического бизнеса и распространившиеся по всей стране. Фраза в книге – «там нет никаких *cream teas*», подразумевает отсутствие туристов и показухи. Хотя вещь очень неплохая. В нее обычно входят – горячие булочки, сливки, приготовленные особым способом, так, что по консистенции они похожи на масло и хорошо мажутся, а также джем, часто двух видов, например, клубничный и сливовый. Ну и, конечно, чайник с чаем по вашему выбору. В последнее время англичане стали увлекаться травяными чаями, но все-таки лидирует пока обычный черный.

Наконец, только в Англии повсеместно распространены чайные наборы в каждом гостиничном номере. Даже в самой дешевой провинциальной гостинице, где не будет элементарного мыла и один общий туалет на весь коридор, непременно поставят хотя бы самый простой чайник с принадлежностями. В приличных же будет и электрический чайник, и заварной чайник, и чашки с блюдцами, и выбор чаев и горячего шоколада, и печенье, и молоко, и сахар. То есть все, что нужно усталому путнику, если он захочет вечером срочно чашечку чая, чтобы поддержать силы, или вдруг рано утром ему надо будет взбодриться до завтрака. Чем дороже гостиница, тем разнообразнее выбор и красивее посуда. В одном месте даже лежала трогательная бумажка на подносе, в которое сообщалось, что если вы желаете свежего, а не консервированного молока к вашему чаю, вам надо только позвонить администратору.

Англичане даже склонны посмеиваться (добродушно, конечно, все-таки о себе, любимых) над своей национальной страстью. Популярная карикатура из серии «Как быть британцем» выглядит следующим образом: «ОК, возможно наши поезда не приходят по расписанию» (изображена унылая толпа на платформе), «Наша национальная служба здравоохранения испытывает трудности» (доктор слушает трубочкой скелет), «Наши школы не всегда оказываются на высоте» (толпа хулиганов и унылая училка в центре) «Но по крайней мере мы все еще делаем Самый Лучший Чай в Мире» (счастливая пожилая пара за огромной чашкой чая).

Сегодня популяризацией этого и без того популярного напитка занимается специальный «Чайный совет», составляющий регулярно списки лучших чайных, рассказывающий о пользе этого напитка, устраивающий благотворительно-рекламные вечера и т.д. В книжных магазинах можно купить, например, путеводители по так называемым «чайным маршрутам», в которых детально и по регионам расписаны пешеходные маршруты непременно заканчивающиеся какой-нибудь хорошей чайной. Словом, англичане продолжают поддерживать свою репутацию законодателей чайной моды в мире.

К тому же их чай по-прежнему самый лучший. Купить хороший английский чай очень просто, надо только следовать нескольким самым простым правилам. Во-первых, не покупать чай в супермаркетах, где продается массовая продукция. Во-вторых, не покупать самый дешевый, такой чай лучше вообще не везти, а купить в Москве. По всей стране существует сеть специализированных чайных магазинов, где можно купить самые разные сорта этого благородного напитка, а также самые разные чайные аксессуары. Но оптимальным для туриста можно считать магазины duty-free в аэропорту Хитроу – и выбор неплохой, и соотношение цена – качество.

Высшая степень английского счастья – это чай в саду. Когда эти две страсти сливаются в одну, на земле (английской) временно воцаряются мир и покой. Однажды, нагулявшись в одном из красивых исторических садов в Корнуэлле, мы зашли выпить чай в небольшой чайной, стоявшей у входа, в окружении вьющихся роз и зеленых лужаек. Соблазнившись свежим воздухом и нежными ароматами, мы сели снаружи, но вскоре стал накрапывать дождь, и я, засуетившись, начала поспешно собирать чашки и тарелки. Что меня удивило,

так это отсутствие какого бы то ни было движения вокруг, никто кроме нас не шевельнулся. Я стала смотреть по сторонам, пытаюсь понять, что происходит, и случайно поймала взгляд сидевшего за соседним столиком немолодого англичанина. Он блаженно улыбался, держа в руках чашку чая с молоком, куда уже довольно методично капал дождь, на лице его было полное умиротворение, и я поняла, что ни дождь, ни снег, ни град не смогут помешать ему радоваться жизни.

3. Еще немного английского счастья. Для туристов.

Какие же радости ожидают в Англии русского путешественника? Речь здесь пойдет не о достопримечательностях и памятниках архитектуры и искусства, которых в стране великое множество, и очень интересных, а о радости соприкосновения с другой культурой и другим миром.

Один из зарубежных путеводителей одно время для каждой страны имел рубрику «Почувствуйте себя местным», где давал рекомендации, куда пойти и что сделать, чтобы погрузиться в атмосферу той или иной иностранной культуры. Кстати, интересно, что в последних переизданиях ее выкинули, видимо, задача показалась слишком сложной или формулировка неполиткорректной. Так, в Финляндии рекомендовалось пойти в сауну, во Франции – в уличное кафе, ну а в Англии, за настоящей жизнью, советовали пойти в паб. Попробуем и мы выделить несколько явлений, которые доставляют чисто английское удовольствие.

Начать можно и с паба. Это очень английское заведение и существует оно уже очень давно: еще римляне, завоевав Англию две тысячи лет назад, открыли свои первые таверны по продаже вина и еды. Менялись эпохи, но традиции общественных заведений по продаже разного рода согревающих напитков сохранялись – в средние века это были дома по продаже эля, потом пивные и придорожные трактиры. Название паб – сокращение от “public house” (буквально «общественный дом») появляется непосредственно в веке 19.

И действительно паб это то место, куда приходят пообщаться. А в небольших деревушках паб является главным центром общественной и культурной жизни. За кружечкой чего-нибудь, чаще всего старого доброго эля

(даже если на самом деле это и пиво). В каждом пабе всегда продается несколько сортов этого традиционного английского напитка, причем обязательно бочкового, которое наливают из крана. Здесь тоже есть своя наука. Конечно, если вы подойдете к стойке и попросите пива, вам чего-нибудь обязательно нальют (наиболее принципиальные – выдадут бутылку немецкого, но это редко), чаще всего самого популярного в данной местности напитка. Но если вы хотите почувствовать себя местным, придется выучить несколько простых правил. “Lager” – светлое, обычное, под которым мы чаще всего и подразумеваем пиво; “bitter” – более темное, более горьковатое и насыщенное, пьют чаще всего при комнатной температуре; “stout” – черное, плотное, типичный представитель - «Гиннесс».

Нередко приходится читать в книгах об Англии, в том числе написанных и самими англичанами, что популярность английских пабов говорит о склонности англичан к пьянству и больше ни о чем. Что вот, мол, континентальная культура кафе – вещь совершенно другая. Туда приходят посидеть, выпить кофе, поговорить об умном и высоком. В европейских кафе нередко образовывались кружки философские или литературные, а также политические и революционные. Словом, жизнь была интеллектуальным ключом. А вот в английский паб, аналог европейского кафе, приходят, чтобы напиться и пойти домой спать.

Невозможно согласиться с таким мрачным взглядом на любимое место отдыха англичан. Во-первых, можно еще поспорить, что лучше, тихо выпить, посидеть и довольными разойтись, или в трезвом виде строить планы переустройства мира и общества, что, как показывает практика, редко приводит к хорошим последствиям, как для мира, так и для общества. Во-вторых, весь пафос европейских кафе, с чувствительными и возвышенными речами, в принципе противен природе английского характера. Ну и в-третьих, английскому пабу удалось создать свою неповторимую атмосферу, причем далеко не только связанную с пьянством.

Это особая атмосфера какой-то легкости и непринужденности, как будто ты окунулся в особый мир, где спокойно, просто, можно не напрягаться и действительно интеллектуально расслабиться. В пабах обычно царит приятный полумрак, свет приглушен, в провинции часто зажигают камин, что делает все вокруг уютным и милым. Англичане, как было сказано много раз выше, любят

сохранять и лелеять старину, так что большие черные балки над головой, деревянный пол, старинные чайники над камином и огромные медные ковши по бокам уносят вас куда-то далеко в прошлое. Викторианские пабы отличаются пышностью декораций и особым комфортом. Каждый паб по-своему неповторим, в каждом есть своя изюминка – где-то в стойку вделаны донышки от бутылок, где-то по стенам развешаны старинные рекламы, каждый собирает свою коллекцию и посещение пабов бывает интересным и с исторической точки зрения. Пабы могут быть излишне шумными, например, в пятницу вечером, но, чаще всего, там всегда можно найти интимный закуток.

В пабах общаются. Во многих местах это главное место сбора жителей, особенно мужской части населения и молодежи. Детей вечером не пускают (днем в провинции обычно пускают пообедать). И не потому, как кажется, чтобы не развращать юные души видом кружки с золотистым напитком, как это делают американцы, а просто для того, чтобы знали свое место и не мешали спокойно общаться. Вот подрастут, и им достанется этот кусочек английского счастья.

Общаются по-разному – обсуждая местные сплетни, простите, новости, сплетничать считается дурным тоном. Или читая одну на всех газету, причем нередко старую, тут важна не свежая информация, а повод поговорить. Или играя в разные, по представлению неангличан, детские игры, например, кидая дрючки в доску (кстати, назначения и смысла некоторых игр, стоявших в пабах, я так и не смогла понять, какие-то палочки, веревочки, кружочки, но все затерто от многочисленных прикосновений). Или просто сидя в углу со стаканом и наблюдая жизнь. Способов общения много и каждый по-своему интересен.

В отличие от европейских кафе, которые накаляют страсти и заводят, английский паб призван умиротворять и вселять покой в души сограждан. Споря, обсуждая, философствуя, посетитель кафе начинает понимать, что мир устроен как-то неправильно, посидев с друзьями за кружкой пива завсегда паба убеждается, что все не так уж и плохо.

Каждый паб имеет свою историю, свое название, свою вывеску над дверью, которые многое могут рассказать о заведении. У каждого есть свои постоянные клиенты, свои завсегдатаи, которые собираются здесь, чтобы пообщаться, поговорить, поиграть в игры, иногда потанцевать на выходные, поесть и выпить, наконец. Как и многое другое в современном мире, меняются и

английские пабы – вот уже семьи с детьми стали пускать во многие места, поговаривают, что изменят закон, запрещающий продавать выпивку после 11 часов вечера. Но место пабов в английском сердце столь велико, что существуют даже специальные организации по их защите. Например, «Кампания за настоящий эль» (CAMRA “Campaign for real ale”), следящая за качеством продаваемых в пабах напитков. Или «Яблоко», контролирующее качество сидра. Издаются книги-каталоги, рассказывающие, где лучше выпить, где поесть, где пообщаться, а также об истории пабов и их названий. Словом, это действительно живое и вполне современное заведение, которое многое может рассказать об английской жизни и характере.

К числу чисто английских удовольствий можно и нужно отнести все то, что связано с их трепетным отношением к истории и традициям. Только здесь вы сможете пожить в истории, причем не искусственно и фальшиво, а вполне естественно, как будто все это не ушло в далекое прошлое, а живо до сих пор. Выше уже говорилось об исторических гостиницах и пабах. То же самое относится и ко многим другим местам, ресторанам, магазинам, целым городкам и деревушкам, которых время, кажется, и не тронуло. Все в них так и веет стариной.

Англия – страна превосходно организованных музеев. Их много, в какую бы глушь вы не забрались (а как ни странно на давно заселенном острове такие места все еще встречаются) везде будет что-то любопытное. Причем музеи в Англии самые разные. Вершиной, по моему мнению, являются английские усадьбы и парки. Уникальное сочетание прекрасно сохранившихся и еще лучше сохраняемых памятников старины, архитектуры, быта, садового дела с ощущением жизни (во многих до сих пор живут, в качестве владельцев или съемщиков хозяева с громкими титулами), приправленное превосходно развитой туристической инфраструктурой, дает прекрасные результаты.

Музеи не просто выставляют произведения искусства напоказ, их задача, как правило, еще и вовлечь посетителей в созданный в них мир, сделать его участником, а не просто наблюдателем, той жизни, которая сохранилась до наших дней. Поэтому здесь часто устраивают разного рода действия (летом в крупном музее в воскресенье вы неизбежно попадете на какое-то событие), представления, рыцарские турниры, воспроизводят исторические игры и сражения. Для маленьких детей принято организовывать отдельные

развлечения, когда, например, наряженный в старинные одежды сказочник рассказывает им сказки, или на Пасху все дружно ищут спрятанные в парке крашенные яйца.

Кроме традиционных музеев, связанных с темой искусства, в Англии «музейными» становятся и многие другие места – поля сражений, виноградники, целые деревни, центры по производству сыра, сидра, эля, фарфора, закрытые и работающие металлургические заводы и ткацкие фабрики, словом, всего не перечислишь. Здесь из всего умеют сделать интересное и познавательное мероприятие. А кроме этого, помимо пользы, вы всегда получите здесь удовольствие. Англичане умеют обращаться со стариной. И везде вы, в каждом музее, в каждой самой маленькой церкви, саду или парке вы можете купить цветную брошюру, рассказывающую об этом месте. Не говоря уже о большом количестве самых разных сувениров.

Английское удовольствие и одновременно наказание для кошелька – маленькие магазинчики в провинциальных городах. Они набиты всякой забавной, милой и бессмысленной всячиной, обычно еще в сентиментально-старинном или деревенском стиле, так что удержаться очень трудно. Потом, покинув очередной старинный магазинчик, наполненный удивительными ароматами, так как в них часто продают любимые англичанами цветочные одеколоны и разного рода ароматизаторы, ты долго гадаешь, зачем тебе так уж понадобился какой-нибудь украшенный виньетками блокнотик, или обертка для подарков с васильками, или держалка для салфеток в виде зайчика, или салфеточка, вышитая ландышами.

Женщины подвергаются здесь особому соблазну, так как Англия – царство фарфора и всякого рода посуды. Причем традиционно-классической, тонкой, изящной, о которой втайне мечтает даже самая яростная поклонница модерна. Один великолепный Веджвуд, знаменитый фарфор, имеющий давнюю историю, его производство началось еще в 18 веке, чего стоит. Кстати, любители могут посетить фабрику по его производству (старинную, разумеется) в городе Стоук-он-Трент (Stoke-on-Trent) и не только познакомиться с историей и технологией производства этого великолепного фарфора, но и полепить сами. Все это очень красиво, но очень трудно поддается транспортировке, так что лучше ограничиться фотографиями. Хотя я лично, зная все это, все-таки не удержалась и купила однажды фарфоровую яйцеварку: в очаровательный по

оформлению сосуд разбиваешь яйцо, закручиваешь изящную крышечку и опускаешь все это в воду. В результате должно получиться вареное яйцо, но не в банальной пошлой скорлупе, а в элегантном оформлении. Один раз я даже попробовала это все проделать, но с тех пор это произведение искусства покоится у меня в шкафу среди ему подобных полезных предметов.

Наконец, не знаю кому как, а мне одним из больших английских удовольствий представляется само население острова. Может, в силу общей неизбалованности, но царящий здесь культ вежливости и приличия очень импонирует моему сердцу. Замечу сразу, речь опять же идет об английской провинции, то есть не-Лондоне, где вас вполне могут и обхамить, и двинуть, и обокрасть, и просто обидно проигнорировать. Но вне столицы, вы вполне можете быть уверены, что вам всегда улыбнуться, терпеливо выдержат ваш ломаный английский, машины остановятся, если вы вдруг надумаете переходить улицу по пешеходному переходу. Принятые здесь обращения «сэр» и «мэм» (сокращенная форма от «мадам») как-то возвышают, заставляют вести себя прилично и не бросать мусор мимо урны.

Правила поведения внушают здесь с детства. Помню, как однажды вечером я оказалась в узком пустынном переулке впереди парочки очень сомнительного вида молодых людей, те обрывки их разговора, которые до меня доносились, не настраивали на мирный лад, тот минимум грубых ругательств, которые я знала, отчетливо звучал в их речи. Заволновавшись, я ускорила шаг, но, конечно, безуспешно. Вот они настигают меня, я не только теперь ясно слышу их хриплые голоса, но и чувствую отчетливый запах перегара, обгоняют и один из них, повернув ко мне свое лицо, украшенное серьгами в носу, ушах и еще где-то, вдруг широко улыбается и произносит «Простите, мэм».

Отнюдь не хотела бы прозвучать как идеалистка или восторженная и слепая поклонница чужой культуры. Даже, если надо, могу пуститься в рассуждения о том, что это пустая вежливость, что за ней ничего не стоит, нет искренности, что в трудную минуту вы можете выяснить, что человек человеку волк и т.д. Все это будет по-своему справедливо. Но все-таки очень приятно, согласитесь, когда вам, пусть и без всякой душевной теплоты, говорят «спасибо», «пожалуйста», «одну минуточку» вместо «Вы что, ценника не видите!»

Глава 6. Люди и общение с ними

1. Разговоры о погоде

Еще в 1758 году англичанин Самуэль Джонсон, большой авторитет для своей страны, заметил: «Всем известно, что когда встречаются два англичанина, они, прежде всего, говорят о погоде; они торопятся сообщить друг другу то, что каждый и так уже знает, что на улице холодно или жарко, солнечно или облачно, ветрено или спокойно». Как и многое другое в английской жизни, это осталось неизменным и лелеется как добрая английская традиция.

Проверено личным опытом – погода действительно является национальной слабостью англичан. Все шутки и насмешки, которым они за это подвергаются, совершенно справедливы. Любой английский разговор действительно крутится вокруг этой темы, даже полуофициальные письма из организаций содержат упоминания о хорошей или плохой погоде. Что же касается частных разговоров, то здесь погодная тема неизбежна. В маленькой уютной церкви две очаровательные пожилые английские дамы, старушками их как-то даже и не обзовешь, услышав, что мы из России, растерялись и тут же забормотали: «Сегодня славная погодка, правда? Не то, что вчера» (отмечу, кстати, что оба дня лил дождь). Обретя силу в этом содержательном замечании, они справились с волнением и продолжили разговор уже на другие темы (как там погода в Москве?).

В Европе поговорить о погоде это значит 1. пообщаться светски, 2. поскучать, 3. выполнить долг формальной вежливости, 4. относится только к малознакомым и официальным людям. Для англичанина разговор о погоде это совсем другое: 1. это интересно. 2. это важно. 3. это неизбежно. 4. относится ко всем окружающим. Каждое утро, встречая соседа, англичанин приветствует его фразой о погоде, обмениваясь этой важнейшей информацией с ближним. Есть еще приветствие «Как дела?», но все знают, что на него и отвечать не нужно, это не интересно.

В пабе, музее, гостинице, где бы вы не столкнулись с англичанином, надо быть готовым начать разговор репликой об английской погоде и продолжить его, поскольку вы иностранец, разговором о погоде в России.

Удивительно, но то же самое относится и к встречам со знакомыми англичанами, даже близкими друзьями. Даже если вы расстались вчера вечером, надо быть готовым к неизбежному - «Сегодня холодновато, не так ли?». Не обижайтесь, это не значит, что к вам относятся отстраненно и ставят на место, просто примите это.

Умение поддержать разговор о погоде всегда являлось признаком хорошего воспитания. Не случайно, профессор Хиггинс из «Пигмалиона» Б. Шоу, делая герцогиню из своей цветочницы, первым делом научил ее вести разговоры о погоде. Вспомним замечательный диалог, состоявшийся в гостиной его матери. «Миссис Хиггинс (*прерывает молчание непринужденным тоном*). Любопытно, будет ли сегодня дождь? Элиза. Незначительная облачность, наблюдавшаяся в западной части британских островов, возможно распространится на восточную область. Барометр не дает основания предполагать сколько-нибудь существенных перемен в состоянии атмосферы».

А в знаменитом мюзикле «Моя прекрасная леди», еще более широко известном, чем «Пигмалион», благодаря прекрасной музыке и удачной экранизации, героиня даже произносить звуки учится на характерных фразах: «Дождь в Испании идет в основном на равнине» (The rain in Spain stays mainly in the plain) и «В Хертфорде, Херефорде и Хэмпшире ураганы случаются очень редко» (In Hertford, Hereford and Hampshire... hurricanes hardly ever happen).

Идеальная английская беседа звучит в прекрасном советском фильме «Приключения принца Флоризеля», снятом по рассказу Р.Л. Стивенсона, но значительно превосходящем оригинал и по содержанию и по форме. Одним из сильных мест нашего кино было воспроизведение той, другой жизни, которую знали по литературе и рассказам, но изображали с большим усердием и чувством. Так, «наши» Шерлок Холмс и Доктор Ватсон представляются мне гораздо более английскими, чем снятые самими англичанами, перед которыми не стояла задача воссоздания национального колорита. Возвращаясь к беседе: пожилая английская дама с дочкой и молодой офицер, сопровождающий великолепного Председателя – Баниониса, гуляют по палубе корабля. «- Сегодня прекрасная погода. – Погода сегодня отличная. - Да, сегодня прекрасная погода. – Прелестная. – Вчера погода была значительно хуже. – Да, вчера погода была ужасная. – Прелестная. – Вообще этим летом погода часто меняется. – Прелестно. – Во Франции всегда погода хуже, чем в Англии. Разве

Вы так не находите?». Если выучить такой диалог по-английски, можно смело идти в любое английское общество, вы везде сойдете за хорошо воспитанного и неглупого человека.

Существует одно золотое правило ведения разговора о погоде в Англии, его метко сформулировал Джордж Микеш, венгр, сделавший эту страну своим домом и выпустивший в 1946 прославившую его книгу «Как быть чужим». «Вы не должны никогда противоречить обсуждая погоду. – Писал он. – Даже если идет град или снег, если ураган с корнем вырывает деревья по обеим сторонам дороги, но кто-то замечает «Хороший денек, не правда ли?» – отвечайте без колебания: «Ну не славный ли?»

Главная проблема заключается в том, что англичане убеждены, что у них очень плохая, очень переменчивая и непредсказуемая погода, которая, по их мнению, и определяет многие стороны их жизни и характера. Полностью соглашаясь с последним, приходится все-таки возразить остальному. Плохая, читай – холодная, она, наверное, для жителей Испании, куда так любят съездить погреться англичане. Для нормального, читай – русского, человека она очень даже хорошая: круглый год зеленеет трава, даже в декабре на клумбах цветут цветы, а периодический редкий снежок сверху картину в целом не меняет. Еще наши далекие предки с плохо скрытой завистью отмечали: «В том Аглинском государстве, городе Лундане и в-ыных городех и в деревнях зимы нет, николи не живет – все лето. И овощи всякие родятся по дважды годом, и в зимнюю пору сады все зелены стоят у них, а снегу николи не бывает».

Переменчивость ее тоже сильно преувеличена (надо надеяться, англичане этого не прочтут, иначе обида будет смертельной). Находящееся неподалеку побережье Франции имеет тоже похожую, как и все приморские районы, изменчивость, но не делает из нее культа. Что касается непредсказуемости, то это даже и обсуждать нечего, это вопрос не погоды, а метеослужб, которые могут при ярком солнце передать «сегодня – дождь», как будто у них нет окон.

Знаменитые лондонские черные туманы тоже остались в прошлом. Запрещение топить камин в Лондоне положило им конец, хотя и лишило город очень приятного и очень английского удовольствия: посидеть у камина со стаканчиком и сигарой или просто чашечкой ароматного чая. Впрочем, однажды я попала на дороге в сильный туман, который смог поразить меня. Не

видно было ни зги и, хотя я и побаивалась за водителя автобуса, в котором ехала в город Бат, но сладкое чувство, что вот он, настоящий «туманный Альбион», о котором я читала с детства, овладело мной. Подозреваю, правда, что осенним утром где-нибудь в Рязанской области туманы бывают не менее плотными, просто мне, москвичке, не приходилось с ними сталкиваться.

Отметим, что, судя по всему, пока существует благословение Европы – Гольфстрим, английскому климату не слишком многое угрожает. Здесь нет никаких ярко выраженных погодных стихийных бедствий – ни сильных засух, ни морозов, ни тайфунов с торнадоми, ни селей, ни ледниковых потоков. Мягкий приятный климат, который, конечно, время от времени сотрясают мелкие неприятности в виде длительных дождей (но не тропических же) или половодий, но в целом, грех жаловаться.

Несмотря на это погода для англичан остается источником постоянного удивления, откровенной тревоги и тайного восхищения, и вся страна играет в одну и ту же игру – «кто бы мог подумать!». Зимой практически ежегодно выпадает небольшой снег и, пусть на непродолжительное время, но температура понижается до нуля градусов, а иногда даже до минуса. Но Англия хронически к зиме не готова, вся жизнь немедленно парализуется, не ходят поезда, останавливаются автобусы, нарушается телефонная связь, электричество поступает с перебоями, еще бы – никто этого, как и каждый год, и не мог предположить. Вот она, непредсказуемость. Похожая картина наблюдается и летом, когда регулярно устанавливается удушающе жаркая погода. Но в офисах и гостиницах не найдешь кондиционера, зачем они в такой холодной стране. Наконец, любимый мотив англичан: «в этом году необычно ... погода» (по сезону вставляется «жаркая», «холодная», «дождливая», «ветреная» и т.д.), главное, это всегда неожиданность, сюрприз.

Один английский тележурналист рассказывал о своем посещении центральной метеорологической службы страны, куда он отправился, когда писал книгу об англичанах, чтобы разобраться в причинах столь сложного и серьезного национального отношения к погоде. Причин он не нашел, но встретил женщину, зябко кутавшуюся в платок и приветствовавшую его неизменным «Ух, не правда ли действительно **холодно?**» Средних лет блондинка, она почему-то показалась автору русской, но он тут же с негодованием отменил эту мысль: «Нет, она не может быть русской: ни один

русский никогда и не подумает сказать в феврале, что на улице холодно. Ибо так обстоят дела зимой в России. Нет, способность отчетливо бесконечно удивляться погоде черта чисто английская». О, этот вечный русский холод, он всегда и везде!

Вера в неопределенность и непредсказуемость своей погоды заставляет англичан жить по календарю и не реагировать на то, что каждый год случается на улице. Если пришла календарная весна, все мамы одевают деткам шортики и рубашки с короткими рукавами, от чего под ледяным ветром голые ноги покрываются мурашками, а носы краснеют и немедленно начинают течь. Это не имеет значения, пришла весна и никто не ожидает, что может быть холодно, а шортики в это время детям одевают вот уже 500 лет. Вы редко, даже холодным февральским утром, увидите на голове англичанина шапку, зачем, не Россия же, где этот предмет просто необходим предсказуемо холодной зимой. Так же и различные службы. Транспорт хронически опаздывает – «Ну что вы хотите в такую, полную сюрпризов, погоду как у нас!». В гостинице страшный холод, а отопления нет – «Кто бы мог подумать, что март окажется столь прохладным!»

В домах тоже не топят. Причем исторически в Англии получили распространение камины, которые, в отличие от печи, не хранят тепло, а только создают уют, и распространены в странах с теплым климатом. Во-первых, нечего баловаться и расслабляться. Во-вторых, тратить деньги на топливо в стране, где хоть и плохая погода, но нет морозов. В-третьих, если холодно, можно одеть еще один свитер. Поэтому сложился вполне справедливый стереотипный образ английской спальни, в которой просыпаешься, дрожа от холода, брызгаешь ледяной водой в лицо и очень бодрый начинаешь новый день.

Одна довольно состоятельная английская дама сказала своей замерзавшей до смерти русской гостье: «Видите ли, дело в том, что мы, англичане, не верим в отопление, мы верим в теплую одежду. Если мне холодно, я просто надеваю лишнюю пару шерстяных носков». Для справки: отопление в Англии платное и довольно дорогое, причем платишь как у нас за электричество, то есть за текущий расход. Впрочем, это, конечно, отношения к делу не имеет, все дело в обманчивой английской погоде.

Для туристов же, справедливости ради, отмечу, что английская погода действительно изменчива, хотя и не так катастрофически непредсказуема, как

это представляется англичанам. Что имеет даже свои приятные стороны. Так, если вы проснулись утром и увидели в окне мрак, холод и дождь, кажущийся бесконечным, не расстраивайтесь, это совершенно не исключает теплого и солнечного дня. Впрочем, яркое утреннее солнце тоже ничего не обозначает, через пару часов вы вполне можете вымокнуть до нитки. Остров все-таки. Так что, если вы собираетесь на прогулку, лучше всего позаимствовать манеру одеваться у местных жителей, как они говорят, «слоями». Легкая одежда, потом свитерок, потом кофточка, потом непромокаемый плащ – это позволит вам, подобно чеховскому хамелеону, то одеваться, то раздеваться в течение дня в зависимости от состояния погоды. В этом случае, вам не придется расстраиваться, а английская погода даже действительно покажется не только приятной, но и слегка загадочной.

2. Все счастливые семьи счастливы по-своему.

Как оказалось, все счастливые семьи в разных странах мира счастливы по-своему. Счастливая английская семья имеет свои национальные особенности. Во-первых, основой ее является женщина, одновременно предпочитающая не подчеркивать этого. Автор юмористического «Путеводителя для чужаков по Британии» пишет: «Подлинно-британский мужчина никогда не вырастет. За ним всегда нужно присматривать и все, о чем он мечтает, это спокойная жизнь. Он ничего не хочет делать, если только это не бессмысленное и юношеское хобби типа собирания подставок под пивные стаканы или моделей поездов. Тогда он превращается в эксперта мирового масштаба, вооруженного энциклопедическими знаниями, которые, увы, интересны только таким же увлеченным энтузиастам как он сам... Брак дает ему чувство безопасности, жена занимает место матери, заботливая, но строгая, держащая его в твердых руках». В противоположность этому, согласно тому же путеводителю, «Подлинно-британская женщина это грозное существо, которое, кажется, никогда не спит. Она все время суетится, организуя то, что нужно организовывать (то есть ВСЕ) в доме, обществе и стране. Без подлинно-британской женщины вся жизнь в Британии давно бы со скрежетом

остановилась. Ничто не ускользает от ее преобразующей деятельности. Она все время должна быть занята».

Женщины исторически занимают особое место в английском мире. Ни одна другая страна мира не дала такого количества известных писательниц! Во Франции практически одинокая Жорж Санд спряталась за мужским именем и вообще предпочитала носить брюки. Немецких или итальянских писательниц знают только специалисты-литературоведы. Англия же породила плеяду популярных, читаемых и просто хороших писательниц, произведения которых живут и здравствуют по сей день. Лукавая Джейн Остин, строгая Шарлота Бронте и ее загадочные сестры, скандальная Мэри Шелли с ее «Франкенштейном», разоблачительница социальных язв Элизабет Гаскел, интеллектуалка Вирджиния Вульф. И это лишь немногие, которые на слуху и широко известны.

То же самое и королевы на английском троне: достаточно назвать только трех, каждая из которых составила целую эпоху, и дала ей имя: Елизавета I , положившая начало мировому господству страны, Виктория, подтвердившая положение страны как великой державы и сплотившая общество, наконец, сегодняшняя Елизавета II, которая хотя и не стала пока основательницей новой «елизаветинской» эпохи, но является в значительной мере важным консолидирующим началом в стране.

Интересно, что английские женщины не слишком страдают характерным для некоторых западных обществ комплексом «положения женщины». Нет, конечно, у них есть феминистки, и давно, когда-то они одними из первых стали отстаивать свои права. Но это тогда, когда этим практически еще никто не занимался, это было смело и весело. Сейчас же феминистские общества собираются, судя по всему, главным образом для того, чтобы пообедать вместе или поболтать за чашкой чая. И все-таки именно в английском обществе дольше, чем где бы то ни было сохранялась традиция делиться по половому признаку после обедов: мужчины оставались курить, пить крепкие мужские напитки и говорить о политике, а женщины удалялись пить чай и сплетничать. Именно здесь женщины после замужества берут не только фамилию мужа, но и его имя, становясь, несколько неожиданно для непосвященного миссис Джон Смит. И другая шекспировская героиня, укротившись, в угоду мужу называет луну солнцем и топчет свой беретик по его же указке.

Свое по-английски сдержанное отношение сложилось у англичан к сексу. Один из известных шутников когда-то отпустил фразу, подхваченную и затверженную остальными: «у европейских народов есть сексуальные отношения, у англичан – грелки в кровати». Другая популярная шутка опровергает эту истину: «англичане занимаются сексом дважды в месяц, в тех случаях, когда в названии месяца есть буква W» (по аналогии с тем, что устриц едят в те месяцы, когда есть буква «г»; для справки: такого месяца с W в английском календаре не существует).

Секс и все, что с ним связано, издавна считался в Англии чем-то неправильным, чего лучше по возможности избегать. Книга хороших манер середины 19 века указывала на то, что даже «комплименты и флирт недопустимы в английском обществе, если только они не выражены столь деликатно, что совершенно незаметны». Современная книга этикета рекомендует влюбленным воздерживаться от откровенного проявления чувств и намеков на существующие между ними интимные отношения, так как «некоторых это может смущать». Максимум интимности допустимый в обществе, по мнению современного автора, это хождение за руки или под руку, легкий бестелесный поцелуй в щеку, отстраненное объятие. В Лондоне продаются майки: «Никакого секса, пожалуйста, мы – британцы». Сами англичане с обидой пишут о том, что свойственная английским мужчинам сдержанность нередко принимается за отсутствие у них интереса к женскому полу.

Герои, замеченные в незаконных связях, в английских произведениях обычно наказывались. В «Короле Лире», например, все решается просто – законный сын хороший, а рожденный на стороне, дитя греха, уж такой плохой, что дальше некуда, не просто захотел завладеть состоянием родного отца, но и вырвал ему глаза, стремясь достигнуть заветной цели. Шекспир морализирует: «Но боги правы, нас за прегрешенья / Казня плодами нашего греха. / За незаконность твоего рожденья / Глазами поплатился твой отец».

Именно английская старая дама является героиней популярного когда-то анекдота. Ей принесли ее очередного внука и, голенького, положили на колени, чтобы она могла им повосхищаться. Внимательно изучив новорожденного, старая леди заметила: «Если мне не изменяет память, это девочка». А персонаж одного из популярных комедийных телесериалов, глядя на многочисленную

толпу детей бедных соседей-католиков, замечает жене: «Ох уж эти католики, они рожают после каждого полового акта». На что жена его возражает: «Но ведь и у нас тоже самое, у нас двое детей».

Англичане предпочитают самый безопасный вид секса – по телевизору. Вот тут герои Бени Хилла или Монти Пайтонов «отрываются по полной программе» и редко можно встретить шутку, не сдобренную острым откровенным сексуально ориентированным юмором.

Один из важнейших жизненных принципов англичан можно выразить следующей формулой: «мы пришли в этот мир не для того, чтобы получать удовольствие». Именно на нем основаны многие отличительные черты их характера и образа жизни. А начинается все в самом начале – с рождения и воспитания ребенка. Детей принято держать в строгости и чем выше в обществе вы находитесь, тем больше строгостей. Нередко приходится видеть, как в богатом английском доме, с огромной гостиной, гигантской спальней, величественным кабинетом, так называемая детская комната находится почти на чердаке и представляет собой убогую каморку и делается это вполне осознанно, из принципиальных соображений, чтобы не нежить, а закалять.

До сих пор в стране очень популярна система пансионов, причем отдельных для мальчиков и девочек (поскольку сексуальные отношения дело вредное, то и привыкать к общению нечего), прежде всего для детей из аристократических и богатых семей. Дисциплина и порядки в них и по сей день представляют собой некую смесь тюрьмы, казармы и монастыря, считающуюся приличествующей духу воспитания настоящего англичанина.

А в 19 веке в таких пансионах розги и другие виды телесных наказаний были делом не только обычным, но и приветствовавшимся. С 1809 года знаменитый Итон, школу для английских принцев и лордов, возглавил почтенный Доктор Джон Кит, который прославился тем, что был чемпионом порки и сек в среднем по 10 мальчиков в день, иногда устанавливая собственные скромные рекорды, когда число их доходило до нескольких десятков. Когда же он собрался на пенсию, то его бывшие ученики собрали ему крупную сумму денег, подчеркнув, как ценят они его строгое воспитание.

Менее благосклонные, но очень яркие воспоминания о быте и нравах обычных английских пансионов 19 века оставили Чарльз Диккенс и Шарлота Бронте. Первый поместил своего Давида Копперфильда в подобного рода места,

где он узнал, что такое настоящая жизнь. «Я узнал множество подробностей о жизни в пансионе и о его обитателях. Я узнал, что мистер Крикл с полным основанием утверждал, будто он зверь; что он самый строгий, самый жестокий из учителей, что он каждый день расправляется со всеми направо и налево, налетает на учеников, как рубака-кавалерист, и безжалостно их сечет. ...Мне кажется, на свете никто и никогда не любил своей профессии так, как любил ее мистер Крикл. Он бил мальчиков с таким наслаждением, словно утолял волчий голод».

Джейн Эйр из романа Бронте в один из первых дней своего пребывания в школе столкнулась с похожей ситуацией: «Бернс немедленно вышла из класса и направилась в чуланчик, где хранились книги и откуда она вышла через полминуты, держа в руках пучок розог. Это орудие наказания она с почтительным книксеном протянула мисс Скетчерд, затем спокойно, не ожидая приказаний, сняла фартук, и учительница несколько раз преобильно ударила ее розгами по обнаженной шее. На глазах Бернс не появилось ни одной слезинки, и хотя я при виде этого зрелища вынуждена была отложить шитье, так как пальцы у меня дрожали от чувства беспомощного и горького гнева, ее лицо сохраняло обычное выражение кроткой задумчивости».

Как бы не старались классики, разоблачая подобные методы воспитания, все равно закалка и строгость оставались (а в идеальном виде и остаются) основой английской системы воспитания. Не случайно, видимо, движение бойскаутов зародилось в начале 20 века именно в Англии и лозунгом его стало «Будь готов!». Подлинный англичанин должен быть готов к любым трудностям в любую минуту.

Существует старинная английская истина – «дети должны быть видны, но не слышны». В английских пабах на дверях часто можно увидеть табличку «No children, no dogs» («Детям и собакам вход запрещен») и действительно, если для собак исключение может быть еще и сделают, то для детей – нет, только в некоторых местах, глухой провинции, где один паб на всю деревню, детей могут пустить в дневное время, о чем радостно опять же сообщает надпись на входе. Но это, конечно, уже не настоящий паб. Типичный вопрос, обращенный к ребенку «ну и кем вы хотите стать, когда вырастаете, молодой человек?», наводит на мысль о том, что детство это лишь тот период, который надо пережить, чтобы стать нормальным, то есть взрослым, человеком.

В похожей ситуации находится и старшее поколение англичан. Судьба старика Лира хорошо известна. Его дочь Гонерилья не случайно сравнивает своего отца с ребенком: «Сам отдал власть, а хочет управлять / По-прежнему! Нет, старики – как дети, / И требуется строгости урок, / Когда добро и ласка им не впрок». А в книге хороших манер 19 века отмечалось: «Существует жестокое правило, которое одновременно исключает очень старых и очень молодых из званых обедов; но «немые» также неуместны на них, как и чересчур говорливые. Люди, понимающие все буквально и не умеющие понять шутку также не добавляют радости во время пира».

Может быть именно поэтому люди пожилые в Англии очень дорожат своей независимостью. Любой ценой стремятся они не стать бременем для своих детей, а по сути, остаться свободными от их влияния, кому же хочется, чтобы его на старости лет третировали как малого ребенка. Здесь очень принято жить в том, что, по сути, является аналогом домом для престарелых. Правда, для этого надо иметь неплохие деньги. Тогда у вас на старости будет своя квартирка в общем «престарелом» доме, со своими личными вещами и укладом, но вместе с тем и преимущества круглосуточного медицинского контроля, возможности пообщаться с людьми своего возраста, общественные стариковские развлечения.

Выйдя на пенсию, англичане становятся крайне активными, занимаясь своим садом, отдаваясь какому-нибудь хобби, и много и активно путешествуют как по своей стране, так и за границей. Типичная английская старушка совсем непохожа на родной нам образ: она всегда ярко одета, любимый цвет здесь тех, кому за 70 – розовый, подтянута, может пройти по маршруту много километров, но в конце ее непременно должна ожидать чашка хорошего чай, более того в этом возрасте она даже становится общительной. К тому же, дойдя до определенного возраста, англичане начинают позволять себе всякое такое, что сдерживали до этого времени, например, любовные отношения. Пожилые люди единственная категория английского населения, которая была замечена в игриво-фривольном отношении друг с другом. Они могут даже позволить себе уединиться где-нибудь в ресторане и трогательно взяться за руки, вольность, которую они наверняка не позволяли себе предшествующие пятьдесят лет совместной жизни.

Наконец, последними, хотя и не по значимости, членами английской семьи являются домашние животные. Если детям отводят в воспитательных целях не самые лучшие места в доме, то уж собака или кошка наверняка будут на самом почетном. К ним относятся теплее и нежнее, чем к большинству членов семьи, с ними можно позволить быть нежными и любящими, а английская промышленность предоставляет возможности, как следует побаловать их подарками. Прогулка двух англичан нередко представляет собой меланхолическое молчаливое шествие, а вот прогулка с собакой почти всегда является приятной, хотя и несколько односторонней беседой, полной нежности и тепла.

От всей души любят англичане и кошек. Одна моя русская знакомая, живущая в Англии, всякий раз, когда видит вереницу пожарных машин, несущихся с завыванием по улицам Лондона, мрачно отмечает: «Вот, опять беременную кошку с дерева снимать поехали», добавляя, «а мы за это огромные налоги платим и кроме меня никто не возмущается». В Англии популярна шутка. Гость впервые попадает в дом и видит в гостиной кошку. «Какая симпатичная, - замечает он, - а детей у вас нет?». «Есть, - отвечает хозяйка, но у кошки оказалась на них аллергия, так что пришлось их увезти». Поражают русского обывателя и знаменитые английские кошачьи кладбища, заполненные маленькими надгробиями, на которых написаны трогательные слезливые надписи, какие не увидишь на могилах людей. Ученые объясняют подобную страсть к кошкам упадком сельского хозяйства и рождаемости в стране, но тогда весь мир, кроме Китая и Индии, должен был помешаться на этих симпатичных животных.

Увлечение лошадьми могут позволить себе не все, однако, и здесь любовь к ним превосходит по теплоте человеческие отношения. Скачки в Англии событие поистине государственного масштаба. Принцесса Анна, дочь правящей королевы, в свое время столь сильно увлекалась лошадьми, что даже стала предметом многочисленных насмешек. Например, типичная подпись под фотографией: «Принцесса Анна (справа) со своей любимой лошадью». Впрочем, насмешки были вполне добродушными, так как это то чувство, которое понятно любому англичанину (гораздо больше досталось ей же, когда объектом ее страсти стал живой человек).

В этой стране закон о бережном обращении с животными, предусматривавший жесткие наказания в случае несоблюдения, появился еще в начале 19 века, Англия стала первой страной в мире, принявшей подобный закон. Отметим, что в это же время маленькие дети жестоко эксплуатировались на многочисленных фабриках и заводах, но по поводу жестокого обращения с детьми никаких мер предпринято не было еще долгое время. Когда речь заходит о домашних животных, англичане перестают сдерживаться и дают волю своим чувствам.

3. Английская очередь – основа общественного порядка.

Пожалуй, самое сильное, эмоциональное возмущение у англичан вызывает пренебрежительное отношение к очередям, являющимся предметом особого поклонения. Сами англичане, по меткому выражению, образуют очередь даже из одного человека. В местах, где очереди заведомо предсказуемы расставляются специальные барьеры, чтобы никто не волновался, и можно быть уверенными, что если вы все-таки просочитесь откуда-то сбоку, вас проигнорируют и обольют презрением все вокруг, включая того, к кому вы прорывались, после чего все-таки придется встать в очередь. В буфете в поезде чинная высокая англичанка, на лице которой было написано высшее образование, собственный особняк и значительный счет в банке, замешкалась и не сделала заказ, после некоторой паузы это рискнул сделать скромный молодой человек, стоявший за ней (они вдвоем и составляли всю очередь). Торговка на московском рынке, которой пытались подсунуть фальшивые деньги или украсть помидоры, выглядела бы, наверное, более светски, чем эта приятная молчаливая дама, разразившаяся вдруг потоком ярости, обрушившимся на голову наглого проходимца, нарушившего священный закон.

На остановке автобуса жители послушно становятся друг за другом (если они, конечно, не российские туристы, что в Лондоне нередко случается) и залезают в него в порядке строгой очередности. В магазине, даже если у вас в руках одинокая бутылка минеральной воды, вам все равно придется отстоять полноценную очередь из покупателей с груженными колясками в руках. Правда,

в крупных магазинах иногда создают особые очереди, для тех, у кого меньше пяти покупок, и попробуйте только сунуться туда с шестью. Как это ни кажется абсурдным, но вам либо предложат выложить один, либо занять соответствующую положению очередь.

Словом, никогда не пытаетесь проскочить без очереди в Англии. Этого здесь не прощают. Лучше напейтесь и разбейте витрину ближайшего магазина, все просто решат, что проиграла ваша любимая футбольная команда, и вы увидите, что такое настоящее английское сочувствие.

Другое дело закон, здесь англичане проявляют гораздо больше здравого смысла и хладнокровия. В целом англичане - народ законопослушный. Уважение к закону настолько стало естественной составляющей характера и жизни англичанина, что во многих случаях отпала даже необходимость строго контроля и наказания за его не соблюдение. Общество уже может позволить себе обращаться к здравому смыслу в решении отдельных вопросов, а не к силе.

Проявляется это и в мелочах и в глобальных вопросах. Удивляет, а часто радует, отношение к разного рода формальностям: в Англии до сих пор конверт, адресованный человеку с указанным на нем адресом, является официальным документом во многих случаях. Как уже упоминалось, англичане не проверяют паспортов при выезде из страны, не требуют оригиналов бумаг и документов.

В России или Финляндии, как известно, для предотвращения неприятностей на дорогах приходится практически полностью запрещать употребление алкоголя за рулем (разрешенный стакан пива, может быть «переведен» в водочные эквивалент, а дальше уже и вовсе остановиться трудно). В Италии жестко контролируют гостиничную систему, заполняют массу бумаг, спрашивают у постояльцев паспорта, выписывают массу квитанций, которые надо обязательно у них взять, так как специальные полицейские могут проверить их даже уже на улице, и все это для того, прежде всего, чтобы владельцы платили исправно налоги и не жульничали. В Англии жители и сами платят эти налоги и вся бумажная волокита в гостиницах практически отменена. Исполнение законов не подвергается сомнению, правда, все сильнее растет недовольство некоторыми из них, что катастрофично с точки зрения национального характера англичанина, многое в котором зиждется на доверии к собственному государству.

Даже полиция позволяет себе понимание. Очень сильно разгоряченная напитками англичанка, остановленная полицейским, весело сообщила, что она возвращается с юбилея, получила дружескую рекомендацию «больше так не делать» и понимающую улыбку на прощанье (та же дама вскоре получила по почте огромный штраф за превышение скорости, зафиксированное камерой дорожного наблюдения и чуть не лишилась прав).

Чтобы английская бюрократическая система не выглядела неким идеалом, от которого она в реальной жизни далека, можно привести высказывание одного юмориста, писавшего об ее отличии от континентальной, особенно, печально знаменитых итальянской и французской. Если в последних странах вас будут мучить отказами, грубостью, бессмысленными бумажными требованиям, то в Англии чиновник приятно вам улыбнется и будет с вами предельно вежлив. Он предложит вам заполнить огромное количество анкет, большая часть которых написана совершенно непонятным языком, потом сообщит, что сам не принимает решения, но просьба будет непременно рассмотрена, а в следующий раз, когда вы придете, он окажется на совещании, на обеденном перерыве, или просто вышел. Итог будет одинаков в обоих случаях с той разницей, что в романских странах вопрос в конце концов может быть улажен с помощью друзей и связей, а в Англии – закон есть закон для всех, а значит выхода из бюрократического тупика практически не существует.

Англичане законопослушны, но легко идут на компромиссы с законом в тех случаях, когда это не противоречит здравому смыслу. В этом их отличие от многих других народов, например, от немцев, которые всегда соблюдают закон, даже в тех ситуациях, когда это не имеет смысла, или русских, которые нередко нарушают его, создавая угрозу жизни своей и окружающих граждан, то есть вопреки здравому смыслу.

Так, не раз приходилось сталкиваться в провинции с тем, что железный закон, запрещающий продавать в пабе спиртные напитки после 11 часов вечера легко преодолевается. То есть в 11, как и положено, звучит гонг, потом удаляются случайные прохожие, если они вдруг забрели, запирается входная дверь (но остается открытой задняя) и жизнь продолжается, но уже для «своих».

Забавный пример умения находить выход из сложной ситуации, не нарушая закона, но и не ущемляя своих прав, рассказал один английский историк. Его брат, между прочим, профессор Оксфордского университета,

много лет не мог получить права на вождение автомобиля. Он давно уже стал местной знаменитостью, о нем, как о своего рода уникаме даже писали в местной газете, и объектом многочисленных шуток своей семьи, но никак не мог преодолеть этот барьер. При этом все эти годы, которые он боролся за водительские права, он ездил – но на одноместном, специально по заказу сделанном для него, автомобиле, так как законодательство не предусматривало необходимость наличия прав при вождении одноместного автомобиля.

Видимо именно поэтому в стране такое разнообразие предупреждающих и запрещающих знаков, делящихся по степени категоричности. В большинстве стран это просто – «запрещено» и еще череп и кости для усиления эффекта в некоторых особо опасных случаях. Здесь же чаще вызывают к здравому смыслу, чем запрещают. В соответствии с этим таблички в Англии: сообщают, что есть проблемы, представляющие опасность; что можешь рисковать, но под свою ответственность; что не рекомендуют; что просят; что не разрешают; наконец, что запрещают и категорически запрещают. Хотя последних довольно мало. Все эти таблички еще и нарисованы разными цветами, каждый из которых подразумевает свою меру ответственности.

Единственный случай, когда закон свят и нерушим и здравый смысл не принимается во внимание – это если речь идет об английской очереди (см. выше). Падение уважения к очереди в обществе неизбежно повлечет за собой разрушение всей системы общественного порядка в стране.

4. Во что верит англичанин

Один из сложнейших вопросов английской жизни – о месте, которое занимает в ней религия. Известно, что даже церковь в Англии своя собственная, англиканская, независимая ни от кого извне, и хотя считается, что введена она была сластолюбцем Генрихом VIII для того, чтобы иметь возможность жениться столько раз, сколько ему захочется, очевидно, что по своему духу и характеру она оказалась близкой и понятной населению.

Христианство в Англии имеет давнюю историю. Настолько давнюю, что историки не называют даты крещения страны, как это бывает в тех случаях,

когда христианство было принято уже в поздний период. Существует предание, согласно которому юный Иисус приезжал сюда вместе с дядей своей матери Иосифом Аримафейским, впоследствии убежденным последователем его идей, который был состоятельным и деловым человеком, закупавшим в Англии олово. Знаменитый английский поэт и мистик Уильям Блейк (1757-1827), подобно многим своим соотечественникам, считал это возможным в истории такой великой страны, как его Англия, и написал знаменитое стихотворение: «На этот горный склон крутой / Ступала ль ангела нога? / И знал ли агнец наш святой / Зеленой Англии луга?» Это в переводе С. Маршака, а в оригинале еще более певуче: “And did those feet in ancient time / Walk upon England’s mountains green? / And was the holy Lamb of God / On England’s pleasant pastures seen?”

Именно Иосиф собрал капли крови распятого Христа в кубок, из которого Иисус пил вино во время тайной вечери, после чего, гласит легенда, уехал в Англию и увез его с собой. Чаша Грааля, такое название получил этот кубок, и ее поиски стали одним из самых любимых сюжетов английских легенд и сказаний. Считается, что в месте, где она была зарыта в английском городке Гластонбери, забил святой источник, окруженный и по сей день особой святостью, многочисленными легендами и красивейшим садом, где все, даже самые обычные, цветы достигают огромных размеров. Много веков сюда приходят целить и тело, и душу. Вода, текущая неизвестно откуда, многие считают, что начало источника находится далеко от Гластонбери, чистая, прозрачная, а поскольку в ней много железа, то она окрашивает все вокруг в красный «кровавый» цвет, подобный каплям христовой крови, собранной в Грааль.

Иосифа Аримафейского считают и основателем первой церкви в Гластонбери, где, возможно, он и спрятал Чашу. Кроме этого, в том месте, где Иосиф воткнул свой посох, вырос терновник, цветущий два раза в год – весной и на Рождество, букет из него по старинной традиции до сих пор в рождественский праздник дарят королеве. Рассказывают, что противники традиционной английской церкви, пытавшиеся в разные периоды срубить святое дерево неизменно терпели неудачу: одного ослепило щепками, другой промахнулся и отрубил себе ногу.

Когда в 17 веке в Англии шли споры о новом, григорианском, календаре, то гластонберийский терновник использовался как подтверждение

правильности сохранения старого календаря, ибо расцветал он точно в ночь на 25 декабря. Когда же в 1752 в конце концов Англия приняла новый календарь и передвинула свою жизнь на 11 дней, большое число людей, если верить *Сомерсет Ивнинг Пост*, пережило разочарование, так как куст так и не расцвел в рождество по новому стилю, пришлось ждать до 6 января. Правда, его «потомок» (считают, что оригинальное дерево погибло во второй половине 18 века) судя по всему адаптировался к новым условиям, так как достоверно известно, что королевский рождественский завтрак сегодня украшается его цветами.

Гластонбери вообще является местом необычайно интересным и характерным для английской религиозной идеи. Здесь тесно переплелись правда и вымысел, мифы и пророчества, раннее христианство, язычество, расцвет монастырской жизни и падение монастырей, реформация, духовность, новые веяния и старые традиции. Что-то особенное сохранилось по сей день в руинах когда-то могущественного гластонберийского аббатства, которое в течение многих веков собирало паломников со всей страны и достигло необыкновенной мощи. Сметенное с лица земли по воле самого самовольного из всех английских монархов, оно прекратило свое существование и лишь в последнее столетие было возвращено к жизни как памятник вере, терпимости, человеческой прихоти и победе вечного над сиюминутным.

Кроме этого в Гластонбери, как считают многие, похоронен и король Артур со своей женой Джиневьевой. Их могила была мистическим образом обнаружена в 12 веке и стала местом паломничества, а потом также мистически исчезла после разорения монастыря. Сейчас на предполагаемом месте захоронения стоит табличка, также привлекающая многих.

Наконец, именно здесь возвышается загадочный Тор, холм, высотой 158 метров, по традиции считающийся местом, излучающим особую энергию. Археологи находят здесь следы культовых сооружений еще 3 тысячелетия до нашей эры и связывают это место с другими древними памятниками, такими как Стоунхендж и Авбери. Поговаривали даже об искусственном происхождении холма. Позже это стало местом поклонения кельтов, считавших, что здесь находится вход в иной мир и называвшими эти места Авалоном. Христианство также признало мистический дух Тора и здесь была сооружена церковь

архангела Михаила, средневековая колокольня которой по сей день украшает мистический холм.

Наконец, в последние годы Гластонбери стал местом паломничества приверженцев, так называемого, движения «New Age» («новое время»), представляющего собой смесь всего на свете – христианства, язычества, буддизма, астрологии, все это круто замешано на мистике. Сторонники этого движения сегодня прочно оккупировали город – здесь множество магазинчиков, продающих специальную литературу, карты для гадания, кресты, ароматные свечи, статуэтки Будды и т.д.

Люди странного вида, одетые в пестрые одеяния, напоминающие цыганские, у женщин широкие длинные юбки, гипюровые кофты, одетые по принципу «из-под пятницы суббота», все это пестрое и в блесках, заполняют улицы городка. Они лежат в глубоком раздумье у святого источника, взбираются на Тор, чтобы воспринять мистическую энергию, словом, живут напряженной жизнью. Впечатление производят странное. Говорят, что одно время обстановка в городе была сложной, в связи с тем, что Гластонбери по-прежнему является одним из наиболее почитаемых христианских мест, но сегодня вроде все успокоились и сосуществуют бок о бок.

Возвращаясь к христианству в Англии. Достоверно известно, об этом свидетельствуют разнообразные исторические и археологические данные, что христианство точно пришло в Англию вместе с римскими войсками. Правда, о серьезном распространении христианства в стране говорят только начиная с 4 века, с 304 года страна обзавелась своим собственным местным мучеником праведником Олбаном, жившим в предшествующем столетии. В 6 веке папа Григорий Великий послал своего посланника Августина, обратившего только за один год 10000 язычников. За его активную миссионерскую деятельность в городе Кентербери он был возведен папой в сан архиепископа Кентерберийского, по традиции до сих пор этот титул принадлежит верховному иерарху английской церкви. Вот она, приверженность традициям, многое изменилось в церковном устройстве с тех далеких времен, а звание сохранилось.

Генрих VIII, король, вызывающий неизменное восхищение у англичан, возможно в силу того, что он отважился иметь шесть жен, пусть даже и не в одно и то же время, многое изменил в английской жизни, в том числе и

церковное устройство. Все началось с того, что Генриху очень не везло в личной жизни. Сначала он женился на вдове своего брата Катерине Арагонской, которая была старше, образованнее и красивее его, к тому же дочерью могущественных испанских монархов Фердинанда и Изабеллы. Она родила королю дочь Марию (в последствии «Кровавую») и разочаровала его. Он жаждал наследника. К тому же юная и прекрасная Анна Болейн вошла в его сердце. Поскольку папа римский отказывался дать королю развод пришлось с ним порвать и провозгласить независимость английской церкви.

Анна также родила королю дочь – будущую великую Елизавету I, но и она каким-то образом сильно разочаровала короля, за что и сложила голову на плахе. Третья жена родила наконец-то долгожданного сына Эдуарда и умерла сразу после родов. Немецкая принцесса, ставшая четвертой супругой короля, продержалась совсем недолго, она не смогла разжечь в нем страсть, зато сохранила голову, согласившись считаться его «сестрой». Юная и живая пятая жена слишком сильно разожгла стареющего короля, тут же нашлись доброхоты рассказавшие о ее похождениях, возможно и мнимых, но головы она вскоре лишилась в прямом смысле. Последняя, шестая жена, Кэтрин Парр, оказалась наиболее терпеливой и мудрой среди других. Она жалела постаревшего короля и пережила его, хотя и не надолго. Все эти перипетии в личной жизни короля привели к созданию в Англии своей, особой независимой от Рима церкви, главой которой являлся сам король, что было крайне удобно в тех случаях, когда монарху требовался развод, право, которым, впрочем, больше никто так и не воспользовался.

Такова популярная версия, которая очень нравится самим англичанам. На самом деле, можно поискать и другие – политические, духовные, даже экономические причины этого события, случившегося вскоре после начала реформации во многих европейских странах, но почему бы не сохранить легенду такой, как она есть, если она так любима местными жителями. Пусть у них сохранится хотя бы один удалой, бесшабашный и откровенно любвеобильный король.

В апреле 1536 года, на 27 году правления короля Генриха VIII, по Англии было разбросано более 800 монастырей, населенных 10000 обитателями. Через четыре года – ни одного. И это при том, что не было издано указа, запрещающего монастырскую жизнь, не было приведено никаких

резонных доводов против нее, а ученые до сих пор спорят о причинах столь категоричных мер. Монастыри не оказывали значительного сопротивления реформам короля: принятый в 1534 году Акт о супрематии (Act of Supremacy), провозгласивший монарха светским главой англиканской церкви, официальный разрыв с римско-католической церковью при сохранении ее догматов и обрядов, не вызвал заметного сопротивления (не считая знаменитых Томаса Мора и Джона Фишера, но с ними проблема была решена быстро и кардинально). То есть никакой угрозы власти здесь не было.

Остается материальный фактор, действительно, корона много выиграла на роспуске монастырей, значительная часть имущества которых была передана в казну, а многие из них были переданы в награду верным слугам короля. Как бы там ни было, но невольно вспоминается восстание Соловецкого монастыря против реформ Никона, длившееся 8 лет, это в одном только монастыре и против незначительных изменений. В Англии же вопрос был полностью улажен и закрыт по всей стране всего за четыре года, причем к крайним мерам прибегали не слишком часто, только по мере необходимости. Это ли не свидетельство врожденной любви к компромиссам.

Новая церковь во многом вызывала возмущение как католиков, так и протестантов вне Англии. Особенное негодование вызывал тот факт, что главой церкви являлся король, в то время как в других – светская и духовная власть, как правило, были раздельными. Англия и в этом вопросе продемонстрировала преданность идее монархии, сплотив вокруг этой фигуры не только государство, но и народный дух.

Шотландский историк 19 века Томас Бабинтон Маколей дал следующую оценку положения сложившейся в стране, в результате реформации, церкви: «Устройство, учение и обряды Англиканской церкви до сегодняшнего дня сохраняют все видимые признаки породившего ее компромисса. Они занимает среднее положение между церквами Рима и Женевы. ... В общем, по сравнению с Римской церковью она обращалась больше к разуму, чем чувствам, но при сопоставлении с другими протестантскими церквами – Шотландии, Франции и Швейцарии, значение в ней эмоций и воображения было несравненно больше.»

От самих англичан сегодня нередко можно услышать, что церковь не играет большой роли в их жизни. И внешне это действительно так, редко, только на праздники, да и то в провинции, собирается в церкви сколько-нибудь

заметное число народа. Однако, вот парадокс: принципы, по которым живут англичане – жизнь не для удовольствия, секс греховен, трудности телесные укрепляют душу, еда не должна занимать слишком много места в жизни, а лишь насыщать и т.д., как раз те, к которым призывают свою паству большинство церквей.

В Англии действительно не принято демонстрировать свою религиозность, впрочем, как и чувства вообще. И не потому, что ее скрывают, нет, просто живут по определенным правилам, уже и не задумываясь об их истоках. Даже лица духовные не делают культа из своей веры и воспринимают ее просто как неотъемлемую часть своего существования. Один журналист рассказывает, как он однажды спросил епископа Оксфордского, во что надо верить, чтобы стать членом его церкви. «Интересный вопрос,» - задумчиво ответил епископ с таким видом, как будто ему такая мысль и в голову прийти не могла, «ну это зависит» (любимое англичанами и непере译имое “It depends”).

История и судьба страны, а также и характер народа, ее населяющего, определили и некоторые другие особенности местной веры. Так «бремя белого человека» и имперский настрой породили значительное число миссионеров, несших слово Божие, а вместе с ним и зачатки европейской цивилизации в отдаленные уголки планеты.

На протяжении всей истории здесь сосуществовали, иногда мирно, а иногда и не очень, но возникали – постоянно, различные течения и направления. Англия породила квакеров и пуритан, высокую и низкую церковь, методистов и последователей «нового времени», а также многих-многих других. Если в других странах, например, в России, христианство было принято сразу и навсегда в достаточно едином виде (наш раскол представляется довольно идеологически несущественным, если взглянуть на него с точки зрения разногласий, разделявших англичан разных направлений веры, а секты – непродолжительными и малочисленными в процентном соотношении), а ведь страна у нас поболее будет, то в Англии постоянно жил дух поиска. Видимо преобладание идеи «свободный человек, в свободной стране» рождало чувство независимости и самостоятельности во всех вопросах. По этому поводу забавно высказался епископ Нориджский, приветствовавший своего преемника следующей фразой: «Добро пожаловать в Норфолк. Если вы хотите возглавить

кого-нибудь в этой части мира, выясните сначала, куда они идут. А затем вставайте впереди».

Классическая английская деревня непременно имеет церковь в центре, вокруг нее сосредотачивается важнейшая общественная деятельность, особенно, в тех случаях и для тех людей – женщин, стариков, детей, когда вопрос не может быть решен в другой неперенной составляющей английской жизни – пабе. Викарий не воспринимается окружающими как пастырь или наставник, скорее как друг, который пользуется уважением, от которого ждут активности (как известно, в английских детективах им нередко приходится даже раскрывать убийства), роль которого не напоминать окружающим о том, как надо жить, а просто быть готовым помочь, когда это нужно. Трудно сказать, как сложилась подобная ситуация. Может быть дело в том, что христианство уже давно в Англии, пустило глубокие корни, стало частью жизни. Еще в то время, когда большинство народов не было до конца уверено в том, как относиться к этому новому явлению, а до их крещения оставались столетия, на этой земле уже строились монастыри и монахи вели беседы о вере.

Глава 7. Особенности национального характера

1. Следствия воспитания

Сейчас уже ни для кого не секрет, что для того, чтобы научиться общаться с другим народом и, главное, получать удовольствие от подобного общения, необходимо понять особенности его характера.

Английский характер является, с одной стороны, едва ли не самым противоречивым и парадоксальным среди европейских народов, почти все его особенности имеют и прямо противоположные свойства, а с другой, очень цельным и определенным, прослеживающимся на протяжении многих столетий. Особенности английского характера чаще всего объясняют островным положением страны, даже термин такой имеется «островная психология». Но населенных островов в мире много, а Англия такая одна. Видимо, понадобилось сочетание многих факторов - смешение в единое целое разных народов – бритов, пиктов, кельтов, англосаксов и многих других, оплодотворенное римским и норманнским завоеваниями, сдобренное тесными связями с континентальными народами, приправленное победами и завоеваниями, оказавшееся в определенном климате и на конкретной географической широте, чтобы появился этот народ, столь не похожий на других европейцев.

Большая часть английских национальных особенностей связана с системой воспитания. Здесь всегда встает вечный вопрос о курице и яйце, то есть, что первично, а что вторично и что на что повлияло: система воспитания на национальный характер или национальный характер на систему воспитания. Как и в случае с курицей оставим поиски решения этого вопроса детям и философам, а сами обратимся к конечным результатам.

В разделе, посвященном семье, уже говорилось о том, что английская система воспитания строится по принципу «не балуй!». Англичане с детства привыкают спать в холодных спальнях, ходить под проливным ледяным дождем без головных уборов, считать наказания – нормой жизни, видеть родителей строго по расписанию, отправляться в самостоятельное плавание по мере достижения возраста относительной взрослости (у нас в стране, во всяком случае, они в подобном возрасте еще считаются маленькими детьми, которые

непрерывно пропадут, если только родители на минуту оставят их в покое). Причем, чем строже воспитывается ребенок, тем богаче и знатнее его родители.

Подобные строгости воспитания, хотя и вызывают, порой, естественное недоумение, дают в чем-то неплохие результаты. Англичане не только завоевали в свое время полмира, но и смогли в этой половине выжить и закрепиться. Путешественники, мореплаватели, открыватели земель – это настоящее дело для англичан, умеющих бросить вызов судьбе и не бояться трудностей. Причем вызов для них порою важнее победы, проигрывать они не боятся. Холод в нетопленых домах, прогулки в дождь, как ни в чем не бывало, легкая одежда в холод – это тоже вызов (английское – challenge, гораздо объемнее и полнее, чем просто банальное “вызов”), пусть и в небольшом масштабе, маленькая победа над собственными слабостями и обстоятельствами.

Отличительной и важной чертой английской натуры можно считать неприхотливость как следствие строгого воспитания. Интересен близкий по времени и приземленный опыт: работа с английскими студентами в России. Если американцы готовы бесконечно страдать от неисправного бачка в туалете, начисто лишаящего их возможности наслаждаться жизнью и воспринимать прекрасное, английские студенты воспринимают трудности вполне хладнокровно. На теплоходике на реке Сухоне, на котором был один туалет на всех и вообще не было душа или ванной, бодрые молодые англичане научились мыть голову в биде, которое почему-то одиноко стояло в душевой комнате, посещать общественные бани на остановках, купаться в ледяной воде и получали очевидное удовольствие от прелестей настоящей русской жизни, включавшей и ежевечернее согревание разнообразными напитками.

Другой пример - весь мир облетели фотографии наследника британской короны принца Уильяма, чистящего туалеты в Перу, где он находился на молодежной практике. Именно таким – неприхотливым и не боящимся трудностей должен быть наследник английского престола, чтобы заслужить уважение своих сограждан.

Отсюда же и знаменитая английская сдержанность, стремление скрыть эмоции, сохранить лицо. Не так много вещей могут вывести англичанина из себя. В начале перестройки приехавшая в Россию англичанка столкнулась с неожиданностью: в трамвае обтрепанный мужчина, видимо решивший проверить иностранку на прочность, неожиданно распахнув пальто, вытащил и

потряс перед ее носом огромной дохлой крысой. Находившиеся вокруг москвички дружно завизжали. На лице английской гостьи не дрогнул ни один мускул, поведение ее говорило о том, что она чуть ли не ежедневно сталкивается с подобными вещами. Только позже, в интимной обстановке, стало ясно, что нервный шок она все-таки пережила. Сдержанность, контроль над своими чувствами, часто принимаемый за простую холодность, таковы жизненные принципы этого маленького, но очень гордого народа. В тех случаях, когда представитель сентиментальной латинской расы или душевной славянской будет рыдать слезами восхищения или умиления, англичанин скажет «lovely» («мило») и это будет равноценно по силе проявленных чувств.

Единственное, что может вывести из себя истинного англичанина (помимо нарушения порядка очереди) это шумное и вызывающее поведение других. Даже в Лондоне, городе, почти полностью отданном туристам и иммигрантам, нередко можно увидеть в автобусе чинную английскую пару с откровенным отвращением разглядывающую шумную и эмоциональную группу испанских или итальянских туристов, позволяющую себе даже в порыве искреннего негодования нахмурить брови и молча возмущенно переглянуться.

Английская сдержанность и нежелание показывать свои чувства вызывает наибольшее непонимание, а порой и осуждение, окружающих, как эмоциональных представителей романского мира, так и чувствительных мира славянского, даже немцы отличаются хотя бы сентиментальностью. Англичане же избавились от всех этих ненужных для повседневной жизни качеств. Широко известным стал эпизод, случившийся в 1835 году в сирийской пустыне. Англичанин, путешествовавший в одиночку несколько дней, поделился со своим дневником чувствами, охватившими его, когда он неожиданно увидел вдалеке одинокую же фигуру странника (который по стечению обстоятельств оказался тоже англичанином). Пока они сближались автор мучался, как ему быть и что предпринять: должен ли он заговорить с незнакомцем, если да, то о чем, или молча проехать мимо, или свернуть с дороги, или остановиться, словом, ситуация складывалась непростая. В результате, когда путешественники поравнялись друг с другом, они молча подняли руки к головным уборам в знак приветствия, а потом помахали друг другу и разъехались. Больше чувств проявили верблюды, которые не захотели

расставаться и внезапно оба встали, в результате чего англичанам все-таки пришлось вступить в светскую беседу.

Это напоминает старый советский еще анекдот: англичанин сидит в ресторане в кругу знакомых и неторопливо обсуждает политические новости. В зал входит человек, англичанин извиняется, встает из-за стола, подходит ко вновь пришедшему, пожимает ему руку и спрашивает – «Увидимся вечером в клубе, Джон?», затем возвращается на место и говорит своим сотрапезникам: «Простите еще раз, господа, за подобное проявление чувств, это мой брат, приехавший из колоний, с которым мы не виделись десять лет».

Не переставала удивляться холодности и официальности отношений между людьми в Англии Мадам де Сталь. Ее, как эмоциональную француженку, возмущало то, что в этой стране очень много формальностей, даже в отношении между близкими людьми: так, братья и сестры не приходят друг к другу в гости без приглашений, сыновья и дочери после брака не живут с родителями, для того, чтобы заговорить с человеком в обществе, необходимо, чтобы вас обязательно представили друг другу и т.д..

Очень английским представляется в свете вышесказанного поступок Корделии из знаменитого «Короля Лира» – она не выражает своих чувств словами, чувствительные признания и излияния для нее невозможны, она любит отца в соответствии со своим представлением о долге, но эта любовь исключает сюсюканье и вздохи. Поддерживающий ее позицию граф Кент указывает ставшему к старости сентиментальному королю - «Совсем не знак бездушья – молчаливость. Гремит лишь то, что пусто внутри»

«Молчание – золото», «пустые весла громче шумят» внушают здесь детям с самого раннего детства. Клуб молчунов, прекрасно высмеянный в замечательном советском фильме про Шерлока Холмса, действительно вполне английское явление. Один из европейцев удивлялся – «они платят деньги за то, чтобы прийти и провести два часа времени в абсолютном молчании!». Наш Н.М. Карамзин был еще более категоричен: «Кажется, будто здесь люди или сон не разгулялись, или чрезмерно устали от деятельности и спешат отдыхать... Я входил в разные кофейные дома: двадцать, тридцать человек сидят в глубоком молчании, читают газеты, пьют красное португальское вино, и хорошо, если в 10 минут услышите два слова. Мудрено ли, что англичане славятся глубокомыслием в философии? Они имеют время думать».

Еще одной важной составляющей английской натуры является стремление к недосказанности, преуменьшению всего, то, что так емко выражено английским словом *understatement*. Как писал тот же Моруа, если англичанин говорит вам, что у него небольшой домик в деревне, приехав к нему в гости вы можете обнаружить дворец из трехсот комнат, чемпион мира по теннису скажет вам, что он неплохо играет, а человек, переплывший в одиночку Атлантический океан заметит вскользь, что он немного увлекается плаванием.

Немецкий профессор, философ, очень образованный и крупный ученый, никак не мог получить работу в Кембриджском университете, потому что был слишком увлечен своей специальностью. На собеседовании он настолько увлекся изложением своих идей, что сказал, что готов застрелить каждого, с кем он разойдется во взглядах на идеи Гегеля. Когда же ему было отказано в месте, крайне огорченный и разочарованный, он пожаловался: «Вы англичане, не понимаете как идеи важны для европейцев. за них умирают». И это было справедливо. Красивая изумрудная лужайка в университете, по которой можно ходить только сотрудникам, старинная библиотека с древними фолиантами, где так приятно посидеть вечером, неторопливая беседа за стаканчиком портвейна после обеда в мягком удобном кресле – вот что очень важно для английского университетского профессора. Кто же захочет в такой ситуации умирать за идею!

Рассказывают о том, как одному кембриджскому же профессору-биологу сообщили о том, что ему присуждена нобелевская премия. Говорят, что в ответ он радостно всплеснул руками и воскликнул: «Здорово! Наконец-то я смогу позволить себе купить новый велосипед».

Интересным в этом отношении представляется сопоставление между английской и американской рекламой, иллюстрирующее противоположности характеров этих когда-то близких народов. В Англии реклама таблеток от простуды выглядит следующим образом: сначала больной и несчастный человек в кровати, кашляет, мучается и страдает, потом он принимает заветную таблетку и в конце – все еще в ночной рубашке, но уже в кресле, он слабо улыбается зрителю, показывая, что ему стало гораздо лучше. В США реклама того же средства совершенно иная: после приема таблетки больной немедленно полностью выздоравливает, сбрасывает рубашку и бежит, бодрый и счастливый или на работу или играть в теннис.

Все это – молчаливость, скрывание эмоций, соблюдение очереди - часть кодекса воспитания англичанина, неременной составляющей которого является также предупредительность, в том числе и словесно выраженная по отношению к окружающим. В Англии не может быть много «спасибо» и «пожалуйста», это, наверное, единственная страна в мире, где надо извиниться, если вам наступили на ногу. Неизменное восхищение иностранцев, даже французов, вызывает предупредительность английских водителей, которые не только притормозят, чтобы пропустить вашу машину, но еще и улыбнутся и помашут ручкой при этом, в том смысле, что им это только в удовольствие. Фанатично останавливаются они и при виде пешехода на «зебре», даже в Лондоне. Порой это даже раздражает. Так, в Англии считается, наверное, справедливо, что перевозка лошадей дело опасное, всякое может быть, поэтому по правилам нельзя обгонять машину, в которой везут это благородное животное, чтобы его не нервировать. Поэтому нередко можно увидеть вереницу машин на совершенно пустой дороге, плетущуюся за грузовичком с лошадьми на почтительном расстоянии много километров, пока он, наконец, не свернет.

Англичане также вошли в историю как ловкие предприниматели, энергичные и неутомимые в изобретении способов делать бизнес и богатеть. Показательной является история с французскими винами. Вина во Франции производились с незапамятных времен, во всяком случае, достоверно известно, что древние римляне наслаждались вкусом благородных напитков из района современного Бордо, но понадобился приход англичан, чтобы из продукта, производимого для домашнего потребления, вино стало важным источником дохода. В 1152 году английский король Генрих II женился на Элеаноре Аквитанской и приобрел неплохое приданое – юго-западные районы Франции. С этого времени и до 1453 года – окончания столетней войны, знаменитый регион Бордо со всеми его винами оказался во власти английской короны.

Англичане быстро оценили вкус местных вин и осознали их коммерческую ценность. Как написано в одном из французских справочников по винам: «Англичане пришли, попробовали, захотели». В результате производство вина в этот период, как его называют французы, «английской оккупации» было переведено на промышленную основу, и именно к этому времени относят начало масштабной винной торговли. Похожая ситуация сложилась и с производством коньяка, у истоков которого также стоят

англичане, привившие миру вкус к этому согревающему напитку. Кстати, сами французы и сегодня пьют его гораздо меньше, чем другие народы.

Сегодня англичан часто укоряют в отсутствии инициативы, стремления к прогрессу, желании законсервировать старое и ничего не менять. Особенно часто такие обвинения раздаются из-за океана. Американец Билл Брайсон в своей книге об Англии «Заметки с маленького острова» не одну страницу посвятил сетованиям по поводу утраты англичанами интереса к техническим новинкам и вообще всякого рода переменам. Давайте вспомним, призывает он читателя, какое последнее изобретение, ставшее коммерчески выгодным, родилось на этой почве последний раз. И сам отвечает – «кошачьи глазки» (так называют светоотражатели на дороге, которые одно время пытались внедрить и на московских дорогах, только они ничего не отражали, так как моментально забивались добротной московской грязью). Не слишком хорошие результаты для нации, гордящейся своей деловитостью.

И действительно, порой создается впечатление, что эту часть своих национальных особенностей, то есть деловитость, расчетливость и активность, англичане «вывезли» в Америку, где все это прижилось на благодатной почве и расцвело пышным цветом. Впрочем, возможно, и раньше активность англичан никогда не выходила в конечном счете за рамки удовлетворения своих интересов и создания условий для собственного комфорта. В них и не было той абстрактной любви, даже страсти, к деятельности, которая изматывает американцев, не позволяя им расслабляться и спокойно отдыхать. Англичане же сегодня предпочитают поживать на лаврах исторического прошлого и попивать французский коньяк, так успешно ими «раскрученный» когда-то.

2. Загадочная английская душа

Как и любой другой народ англичане совмещают в своем характере множество взаимоисключающих черт. Что делает их, порой, загадочными для окружающего мира. Много уже упоминалось выше, например, дух соревнования и отсутствие культа победы, или строгости воспитания, формирующие серьезных маленьких граждан, и детскость взрослых, часами играющих в игрушки и увлекающихся nonsensом. Это предприимчивость и

деловая хватка сочетающиеся с отсталостью и консерватизмом. И холодные нетопленные дома с самым уютным в мире английским уютом.

Англичанам свойственны любовь к тишине и уединению, стремление не вмешиваться в дела других. Американец Билл Брайсон противопоставляет задушевность и теплоту в отношениях между соседями в американском городке и отстраненную холодность в английском, где их появление в пабе в первое время сопровождалось неизменным: «А, это вы те ребята, которые отдали состояние за дом Смита», так что у него неизменно возникало неприятное ощущение, что он совершил какую-то большую ошибку сделав это. Свой дом, своя собака, свое кресло вечером – вот идеал английского покоя.

И вместе с тем эта склонность к уединению успешно уживается в англичанах со стремлением образовывать всевозможные клубы и общества. Здесь им нет равных. Такое многообразие и разнообразие просто трудно представить. Причем, так было и раньше, и многие из английских «изобретений» распространились по всему миру стали мировым достоянием, как, например, армия спасения. Или знаменитые скауты, возникшие в 1908 году по инициативе сэра Роберта Баден-Пауэла. А как вам нравится «Королевское общество защиты птиц», насчитывающее более миллиона членов!

Все знают, что по сей день в английском мире сохранилось больше формальностей, чем в каком-либо другом. Здесь и старинные титулы и звания, и давно вышедшие из обращения в других культурах витиеватые формы обращения, и требования к одежде в определенной ситуации: бабочки, галстуки, шляпки, перчатки, и все надо точно знать, что к какому случаю подходит. Одновременно с этим нет более неформального общества, чем английское, в тех случаях, конечно, когда это допускается традицией. Вы можете одеть самый немислимый наряд, сделать невообразимую прическу, вести себя самым странным образом, и быть уверенным, что никто из англичан не обратит на вас внимание. Во-первых, потому что это страна чудаков и эксцентриков, во-вторых, потому что здесь каждый свободен делать то, что ему захочется (если это, конечно, не идет в разрез с традиционными неписаными устоями), ну и наконец, потому что сдержанность, самоконтроль и молчаливость считаются одним из основных жизненных правил.

Серьезные англичане также являются знаменитыми юмористами. О «тонком английском юморе» уже упоминалось выше, разгадка его заключается

в его простоте, в том факте, что за ним не скрывается глубокий подтекст, и физиологические или туалетные шутки именно таковыми и являются, давая выход накопившимся эмоциям и чувствам. Другое дело образцы английской иронии, сарказма, подлинного юмора. Смеяться над собой и над другими совершенно естественно для англичанина. Это свойство культивировалось веками, считаясь важнейшим достоинством человека. Английские старинные книги хороших манер утверждают, что «чувство юмора можно и нужно культивировать», а «идеальный мужчина должен непременно иметь чувство юмора, иначе он будет далек от совершенства».

Иносказание, игра словами, парадоксальные высказывания, острые шутки, все это составляет славу английского народа и языка. И не всегда одинаково понятно и приятно окружающим, которые нередко «попадают на удочку» английского остроумия. Сын Генриха II Эдуард I подчинил Уэльс английской короне в 1284 году, дав валийцам клятвенное обещание, что над ними не будет стоять человек, говорящий по-английски... и поставил над ними своего новорожденного сына (в память об этом событии с 1301 года по настоящее время наследники английского престола носят титул принца Уэльского). В 1948 году крупная радиостанция в Вашингтоне предложила послам различных стран ответить по телефону на вопрос: «Чего бы они хотели в Рождество». Французский посол пожелал мира во всем мире, советский – победы над мировым империализмом. Посол Его величества ответил (в прямом эфире): «Как мило, что вы спросили, я бы хотел засахаренных фруктов».

Другой кажущийся парадокс заключается в том, что страна молчаливых покорителей морей и земель, воспитывающая своих детей в строгости и не терпящая чрезмерного проявления эмоций, создала, наверное, самую богатую детскую литературу и детский мир. Очаровательные и трогательные персонажи покорили весь мир: здесь и Винни Пух с приятелем Пяточком, и хоббиты, и Алиса, побывавшая в стране чудес, и Мэри Поппинс, и Питер Пэн, и множество других, нежно любимых англичанами, но менее известных остальному миру, персонажей – кроликов, уток, ежей, чьи судьбы ближе и важнее англичанам, чем участь героев их же великого Шекспира.

Разгадка проста: только для окружающего мира это все - детская литература и персонажи, для англичан же все это очень серьезно и важно, прежде всего, для взрослых. Также как и распространенные игры: в пабах

солидные мужчины регулярно и повсеместно собираются, чтобы поиграть в веселую игру «дартс», в которой надо попасть стрелкой в деревянный круг, взрослые женщины часами собирают картинки из тысяч квадратиков, и все поголовно решают кроссворды и загадки, печатаемые во всех периодических изданиях и отдельными тиражами. Видимо, детство, посвященное закалке духа и тела, все-таки берет свое уже позже, когда нет угрозы разбаловаться и испортить этим характер.

Наконец, один из самых удивительных контрастов – знаменитая английская сдержанность и нелюбовь к демонстрации эмоций и печально знаменитые на весь мир английские болельщики. Да, когда вы едете в английском автобусе, там действительно царит поистине гробовая тишина, в ресторане люди говорят вполголоса, даже в магазине никто не будет шумно обмениваться впечатлениями (кроме иностранцев, конечно), но попробуйте зайти в пятницу вечером в английский паб и вас оглушат волны звуков, а если по телевизору еще и идет футбольный матч, то вряд ли вы сможете выдержать это все без специальной акустической подготовки. Не так давно стали свидетелями уличной сценки, когда из мчащейся машины, на ходу, выпрыгнул англичанин, очевидно, поругавшийся со своей девушкой. Он кричал, топал ногами, стукнул по дверце резко затормозившей машины, растоптал свой свитер, словом, куда там эмоциональным итальянцам или испанцам, они бы себе такого никогда не позволили. И подобные зрелища не редкость.

Но все-таки наибольшее недоумение вызывает поведение английских болельщиков, не просто ведущих себя вызывающе или бесцеремонно после матчей, но и откровенно угрожающе. Нередко это приводило к самым настоящим трагедиям, так, в 1985 году при проведении матча между Ливерпулем и Ювентусом погибло почти сорок итальянцев. А уж сколько подверглось оскорблениям, в том числе и физическим! Вот вам и спокойные сдержанные англичане. Кто говорит, что много пьют, кто – что слишком сдерживаются в обычной жизни, вот и дорываются, кто винит суровое детство, кто имперские мотивы в характере.

А дальше следующий парадокс – при таких внезапных взрывах ярости, каковы бы не были ее причины, в Англии очень низкий уровень убийств, гораздо ниже, чем в других западных странах. Для сравнения приведем статистику. Вот какое число жертв в разных странах приходится на каждые сто

тысяч жителей: в Англии – 0,6, в Японии – 0,7, в Германии - 1,4, во Франции - 1,5, в Швеции – 1,7, в Италии - 4,8, в США - 15,9. Конечно, статистика вещь условная и относительная, но все-таки определенное представление о ситуации эти цифры, безусловно, дают.

Контрастов и загадок в характере англичан не больше, наверное, чем у других народов. Главное – попытаться понять их, а понять кого-либо – человека или целый народ, это, как правило, значит и простить его, и принять, таким какой он есть. Справедливо подметил один из Лесковских персонажей: «у аглицких мастеров совсем на все другие правила жизни, науки и продовольствия, и каждый человек у них себе все абсолютные обстоятельства пред собою имеет, и через то в нем совсем другой смысл». А значит – и спрос совсем с них другой.

Заключение. Возвращение домой.

Возвращение домой после интересного путешествия всегда немного печально. Ты столько пережил, увидел, узнал, перечувствовал, а все вокруг тебя осталось прежним.

Карамзин, нетерпеливыми ожиданиями перовой европейской поездки которого мы начали свое путешествие, уставший от долго пути и рвавшийся домой писал перед отъездом: «Я и в другой раз приехал бы с удовольствием в Англию, но выеду из нее без сожаления». И тут же следом, как только сел на корабль – «Я не сдержал слова, любезнейшие друзья мои! оставляю Англию – и жалею!»

Невольная грусть охватывает при мысли, что приключение кончилось, впереди знакомы родные будни. Вся обстановка по возвращении как будто специально создана, чтобы усугубить это чувство грусти. Шереметьево, полное света и блеска бутылок магазинов Duty-free на пути **туда**, по возвращении поворачивается совсем другим боком. Все выглядит темно, мрачно, большой хвост на паспортный контроль в окошко для российских граждан и вечные раздумья на тему – почему мы всегда стоим: когда влетаем в чужую страну и когда возвращаемся в свою собственную. Багаж, который приходится ждать, схватки за тележки, в которые милые интеллигентные дамочки вцепляются бульдожьей хваткой. Тебе по-прежнему хочется еще говорить поминутно «простите» и свободно переходить дорогу по «зебре», но вот уже тебя толкает толпа встречающих, причем не тебя, а кого-то еще, и ты никому не интересен, а мчащиеся автомобили и не думают притормаживать при виде одинокого пешехода. Даже время, на пути туда подарившее нам, в случае с Англией, три лишних часа жизни: как приятно вылететь в 11 часов утра и прилететь в другую страну в то же время, на обратном пути у нас эти часы отнимает, так что обратная дорога занимает всегда целый день.

И все-таки именно возвращение домой является главной радостью любого путешествия. Ты дома, среди таких же как ты, не надо напрягаться и думать как себя вести, лишний раз извиняться и улыбаться всем подряд, на столе стоит селедка с картошкой и солеными огурчиками, которые не могут

вытеснить с наших столов никакие иностранные изыски. Приходят гости – и ты можешь в красках описать свои приключения и странности чужой жизни, все удивляются и в этом - счастье, для этого ты, собственно, и сидел в далекой стране, спал не в своей постели, ел чужие завтраки. Перебираешь дома бессмысленные сувениры, которые ты вывез из далекой страны, и смутное желание вновь посетить знакомые уже теперь места рождается в твоей душе. Ну что ж, все может быть.